

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЛИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

LOMONOSOV
LINGUISTICS
AND INTERCULTURAL
COMMUNICATION
JOURNAL

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 1 • 2024

УЧРЕДИТЕЛИ:

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, д.ф.н., проф., зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряжская Т.Ю. (отв. секретарь)**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка и культуры

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Богданова Л.И., д.ф.н., проф. кафедры сопоставительного изучения языков; **Бубнова Г.И.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Джек Ричардс (Jack Richards)**, Сиднейский ун-т (Австралия), Оклендский ун-т (Новая Зеландия); **Запольская Н.Н.**, д.ф.н., доц., зав. кафедрой славянских языков и культур; **Захаров В.В.**, д.ф.н., зав. кафедрой немецкого языка и культуры; **Калуцков В.Н.**, д.г.н., проф. кафедры региональных исследований; **Карташева Н.В.**, к.культ., доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксензенко О.А.**, к.ф.н., доц. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левичкий А.Э.**, д.ф.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языка для естеств. ф-тов; **Прошина З.Г.**, д.ф.н., проф. кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой испанского языка; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, Ин-т славянских языков Венского ун-та экономики и бизнеса (Австрия); **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, Ун-т штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео (США); **Роберт Илсон (Robert Ilson)**, Ун-т колледжа Лондона (Великобритания); **Робустова В.В.**, к.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Роланд Сассекс (Roland (Roly) Sussex)**, Ун-т Квинсленда (Австралия); **Сафонова В.В.**, д.п.н., проф. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, д.п.н., проф., зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, д.ф.н., доц. кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, Ин-т мировой литературы Шанхайского ун-та иностранных языков (КНР); **Шевлякова Д.А.**, д.культ., доц., зав. кафедрой итальянского языка; **Ян Кэ (Yang Ke)**, Ин-т европейских языков и культур Гуандунского ун-та иностранных языков и международной торговли (КНР)

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министрстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации №016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 24.02.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 11,92. Тираж 100 экз.
Изд. № 12698. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отд. реализации: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru

Теория и практика обучения иностранным языкам и РКИ

- Сафонова В.В.* Лингводидактические основы моделирования проблемно-ориентированной образовательной среды в университетском языковом образовании 9
- Кочетова М.Г.* Саморазвитие преподавателя иностранного языка как фактор повышения его профессиональной компетентности в современном мире 26
- Цзюй Юньшэн, У Ляньлянь.* Исследование моделей подготовки специальных интернациональных кадров со знанием русского языка в рамках концепции «Один пояс — один путь» 35

Лингвистика и уровни языка

- Бубнова Г.И., Гладких М.В.* Просодия обращенности во французской политической речи 44
- Лебедева И.Л.* О некоторых особенностях функционирования русского варианта английского языка в письменном дискурсе 61
- Бессонова О.Л., Ососкова А.С.* Декодирование оценочной семантики английских диминутивных и аугментативных наименований лица 75
- Конурбаев М.Э., Андреева Е.Ю.* Постановка вопроса о соотношении тембра и синтаксиса 89

Язык и межкультурная коммуникация

- Загряжкина Т.Ю.* Аспекты культурной идентичности французов сквозь призму языка (на примере лексем *pays-paysage-terroir-village*) 106
- Раевская М.М., Габисова Ф.В.* Восприятие творчества Сальвадора Дали и его интерпретация в текстах XX–XXI вв. 124
- Юй Вэньсинь.* «Лицо» как средство обозначения ‘высокой самооценки’ в русском и китайском языках 141

Перевод и переводоведческие исследования

<i>Прошина З.Г., Терехова Е.В.</i> Зоометафора как основа образности политического медиа- и интернет-дискурса	149

Традиции и современные тенденции истории культуры

<i>Лоевская М.М.</i> Соловецкий монастырь в культуре России и поэме М.В. Ломоносова	166
<i>Павловская А.В.</i> Периодизация всемирной истории еды (к постановке проблемы)	177

Лингвокогнитивные исследования текста / дискурса

<i>Воробьева Е.Ю.</i> Цветовая номинация как когнитивно-эмоциональная деятельность (на примере цветообозначений французского языка)	194

CONTENTS

Theory and Practice of Foreign Language Teaching and Russian as a Foreign Language

- Safonova V.V.* Linguodidactic Fundamentals of Modeling a Problem-Oriented Educational Environment in University Language Education . . . 9
- Kochetova M.G.* Self-Development of Language Teaching Staff as a Factor of Increasing Their Professional Competence in the Modern World . . . 26
- Ju Yunsheng, Wu Lianlian.* Study of models of Training Professional Personnel with Knowledge of the Russian Language in China 35

Linguistics and Levels of Language

- Bubnova G.I., Gladkikh M.V.* Prosody of the Addressing in French Political Speech 44
- Lebedeva I.L.* Russian English in the Written Discourse: Features and Characteristics 61
- Bessonova O.L., Ososkova A.S.* Training the Augmented Interpreter Today 75
- Konurbaev M.E., Andreeva E.Yu.* On the Relation Between Timbre and Syntax 89

Language and Intercultural Communication

- Zagryazkina T.Yu.* Aspects of French Identity Through the prism of Language (Using the Example of the Evolution of the Lexemes *Pays-Paysages-Terroirs-Villages*) 106
- Raevskaya M.M., Gabisova F.V.* Perception of Salvador Dalí's Creation and Its Interpretation in the Texts of the 20th–21st Centuries 124
- Yu Wenxin.* “Face” as a Meaning of ‘High Self-Esteem’ in Russian and Chinese. 141

Translation and Translation Studies

- Proshina Z.G., Terekhova E.V.* Zoometaphor as the Core of Expressiveness in Political Media- and Internet-Discourse. 149

Traditions and Modern Trends in the History of Culture

Loyevskaya M.M. Solovetsky Monastery in the Culture of Russia and the poem of M.V. Lomonosov 166
Pavlovskaya A.V. Periodization of World Food History (the Problem Statement) 177

Linguocognitive Studies of Text / Discourse

Vorobyeva E.Yu. Color nomination as a cognitive and emotional activity (by the example of color designations in the French language). 194

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И РКИ

В.В. Сафонова

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; safonova.ffl.msu@mail.ru*

Аннотация: Хотя к настоящему времени необходимость создания проблемно-ориентированной образовательной среды в высшей школе при освоении учебных дисциплин (в том числе и ИЯ) уже доказана как теоретически, так и экспериментально, тем не менее лингводидактический анализ как 100 рабочих программ по ИЯ как учебной дисциплине, так и 100 учебников и учебных пособий для ее освоения, которые были опубликованы в 2019–2023 гг., показывает отсутствие ориентировки у большинства их авторов на создание проблемно-ориентированной образовательной среды на занятиях отчасти ввиду их недостаточной осведомленности о лингводидактических основах ее моделирования в вузовском образовательном контексте, интегрируя коммуникативно-деятельностный, проблемный и социокультурный подходы в обучении студентов ИЯ как инструменту межкультурной коммуникации. В статье кратко обобщаются результаты научного осмысления проблемного подхода в образовании, общее и специфическое в лингводидактической интерпретации понятий «проблемное обучение», «проблемное преподавание», «проблемное освоение дисциплины» применительно к обучению ИЯ и социализации средствами ИЯ, описывается система взаимосвязанных культуроведческих и лингвокультуроведческих информационно-поисковых задач и заданий, проблемно-ориентированных учебных видов монологической и билингвальной деятельности студентов, творческих видов вербальной деятельности вузовских обучающихся на со-изучаемых языках, включая рекомендации по методическому конструированию культуроведческих информационно-поисковых задач, с которых начинается формирование проблемно-ориентированной образовательной среды на занятиях по ИЯ.

Сафонова Виктория Викторовна — доктор педагогических наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; safonova.ffl.msu@mail.ru.

Ключевые слова: университетское образование; проблемно-ориентированная образовательная среда; ИЯ; информационно-поисковые задачи / задания; проблемно-ориентированные виды учебной деятельности; учебное творчество; коммуникативно-деятельностный проблемный подход; лингвокультурная педагогика

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-1

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Сафонова В.В. Лингводидактические основы моделирования проблемно-ориентированной образовательной среды в университетском языковом образовании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 9–25.

С 1970-х годов и до настоящего времени наблюдается интенсивное развитие теории и практики проблемного обучения различным предметам / дисциплинам в педагогической науке как качественно иного типа обучения в России и других странах [см., например, Матюшкин, 2009, 2013; Махмутов, 1975; Махмутов, Матюшкин, 1977; Проблемное обучение: прошлое, настоящее, будущее, 2019; Barrows and Tamblyn, 2008; Foshay & Kirkley, 1998; Murray and Summerlee, 2007; Tiwari et al., 2006 и др.]. Начиная с 2015 г. теоретические и прикладные результаты исследования по проблемному обучению в языковом и / или лингвистическом образовании¹ приобретают особую дидактическую ценность, поскольку одной из обязательных функций преподавателя высшей школы является его способность создавать на занятиях проблемно-ориентированную образовательную среду, обеспечивающую формирование у обучающихся компетенций, предусмотренных требованиями ФГОС и (или) образовательных стандартов, установленных образовательной организацией и (или) образовательной программой к компетенциям выпускников². Хотя некоторые теоретические и прикладные результаты в педаго-

¹ Термин «языковое образование» используется для раскрытия лингводидактических основ обучения ИЯ как учебной дисциплины, в то время как термин «лингвистическое образование» входит в терминологическую базу, используемую для описания и оценивания качества университетской подготовки лингвистов на вузовских языковых факультетах.

² Впервые эта функция преподавателя была выделена в следующем образовательном документе: Профессиональный стандарт 01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 сентября 2015 г. № 608н (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 24 сентября 2015 г., регистрационный № 38993); в настоящее время осуществляется федеральный проект по его обновлению.

гике, психологии, дидактике и частных методиках являются предметом многих научных дискуссий [Проблемное обучение: прошлое, настоящее, будущее, 2019], тем не менее ряд теоретических положений касательно предметного проблемного обучения, получивших теоретико-экспериментальное подтверждение в процессе его реализации в разных образовательных сегментах российского образования, приобрели даже статус аксиоматических педагогических положений. Среди них представляется целесообразным выделить такие, как:

1) в российском педагогическом сообществе поддерживается положение М.И. Махмутова о том, что к основополагающим методологическим понятиям проблемного освоения предмета / дисциплины относятся *учебная проблема, проблемная ситуация, гипотеза* и связанные с ними такие понятия, как: *проблемное преподавание, проблемное учение, проблемность содержания, умственный поиск, проблемный вопрос, проблемное изложение, проблематизация* и др. [Махмутов, 2016: 93];

2) проблемное обучение определяется как такой тип развивающего обучения, который отличается от традиционного *целями* (овладение не только знаниями, умениями и навыками, но и способами их приобретения) и *принципами* организации учебного процесса (построение учебного процесса не субъект-объектное, а субъект-субъектное) [Проблемное обучение: прошлое, настоящее, будущее, 2019б: 46]. В результате требуется усиление роли обучающихся как субъекта учебного процесса и роли педагога как организатора их самостоятельной учебной деятельности, который поощряет их действовать не только по готовому образцу, не действовать только по шаблону, а оригинально, самостоятельно, творчески [Махмутов, 2016: 32];

3) предполагается, что модель поэтапной и динамичной активизации обучающихся как субъектов проблемного обучения при использовании проблемно-ориентированных интерактивных педагогических технологий — многоуровневая система по своей сути, включающая базовый рефлексивный уровень I, аналитико-системный уровень II, субъектно-позиционный уровень III, проблемно-деятельностный уровень IV, исследовательский уровень V, высший проектный уровень VI [Проблемное обучение: прошлое, настоящее, будущее, 2019: 101].

Ввиду того, что первоначально исследования по проблемному обучению предметам / дисциплинам выполнялись преимущественно с ориентацией на освоение теоретического знания, то, учитывая специфику иностранного языка (ИЯ) как учебной дисциплины, требует лингводидактического уточнения понятийного содержания терминов «проблемное обучение», «проблемное преподавание»,

«проблемное учение (проблемное освоение дисциплины)», принципов проблемного обучения, а также выделения и описания типологии проблемных монолингвальных и билингвальных коммуникативно-ориентированных и собственно коммуникативных заданий для овладения различными видами коммуникативной деятельности на ИЯ в осваиваемых сферах коммуникации на ИЯ, а также разновидностями монолингвальной и билингвальной медиативной деятельности. Однако в настоящее время, кроме того, необходимо дополнительно лингводидактически осмыслить процесс овладения ИЯ как инструментом межкультурной коммуникации с учетом его специфики как практико-ориентированного учебного предмета и изменений социокультурного контекста обучения и изучения ИЯ в конкретный культурно-исторический период. Например, социокультурные контексты в 1993–2004 гг., 2004–2014 гг., 2014–2023 гг. значительно отличаются друг от друга. Вузовское проблемное обучение нормам межкультурного общения на со-изучаемых языках требует дополнительных исследований в лингводидактике высшей школы в условиях современного социокультурного контекста бытия человека в постглобальном мире [Сафонова, 2022], так как межкультурное взаимодействие российских выпускников университета с представителями ряда стран значительно усложняется в гуманитарном коммуникативно-когнитивном отношении из-за нарастания сильнейшего геополитического ценностного противостояния Коллективного Запада и Глобального Юга, что требует от них успешного решения не только стандартных, но и нестандартных коммуникативно-когнитивных задач по выбору адекватной коммуникативно-когнитивной стратегии межкультурного общения и ее реализации с представителями других культурно-языковых сообществ, особенно в ситуациях идеологического диссонанса. В связи со сказанным следует осознавать, что, с одной стороны, при формировании проблемно-ориентированной образовательной среды профессионального овладения ИЯ как инструментом межкультурной коммуникации в вузе, особенно в условиях перехода к новому миропорядку, следует руководствоваться фундаментальными экспериментально подтвержденными положениями проблемного подхода [Махмутов, 2016; Проблемное обучение: прошлое, настоящее, будущее, 2019], в том числе в теории проблемного обучения языкам [Сафонова, 2001, 2023], а с другой стороны, потребуется значительное расширение компетентностных целей, содержания, технологии и контрольно-измерительных материалов, нового технологического обогащения учебного кросс-культурного языкового пространства (в частности, это касается включения в него искусственного интеллекта).

В лингводидактике высшей школы *проблемное обучение ИЯ* предлагается рассматривать как такой тип интеллектуально насыщенного обучения нормам межкультурного общения на ИЯ, в котором как преподаватель, так и студент выступают субъектами интенсивного коммуникативно-когнитивного взаимодействия и развития в условиях специально смоделированной проблемно-ориентированной иноязычной образовательной среды средствами ИЯ в процессе практической реализации, с одной стороны, таких дидактических принципов, как принципы мотивации, целеполагания, проблемности, бинарности, сознательности [Махмутов, 2016], принцип ориентации на зону ближайшего развития индивида [Выготский, 1933], когнитивной визуализации [Лаврентьев, Лавретьева, Неудахина, 2002], человекосообразности [Хуторской, 2014], а с другой — следующих лингводидактических принципов: коммуникативности [Азимов, Щукин, 2018 и др.], дидактической культуросообразности, диалога культур и цивилизаций, учета социокультурного контекста со-изучения языков и обучения языкам, сбалансированного социокультурного языкового образования и самообразования [Сафонова, 2017].

Проблемное преподавание ИЯ в высшей школе можно определить как деятельность педагога по созданию и использованию на различных стадиях обучения системы постепенно усложняющихся проблемных монологических и билингвальных заданий и видов коммуникативно-когнитивной, коммуникативно-рефлексивной и коммуникативной деятельности на ИЯ, целенаправленно ориентированных на активизацию интеллектуальной и речемыслительной деятельности студентов в процессе овладения коммуникативными (включая социокультурные) знаниями, коммуникативно-когнитивными, вербальными и невербальными умениями, рефлексивными и аналитическими умениями, необходимыми для осуществления оптимального выбора стратегий выполнения рецептивной, продуктивной, интерактивной и медиативной видов коммуникационной деятельности и их качественного осуществления в условиях повседневной-бытовой, повседневной-административной, научно-образовательной, научно-просветительской и научно-экспертной деятельности на иностранном и государственном языках.

Проблемное учение (процесс овладения ИЯ как инструментом межкультурной коммуникации) применительно к изучению ИЯ в высшей школе представляет собой как интеллектуально насыщенную и коммуникативно-ориентированную образовательную деятельность студентов по овладению коммуникативно-когнитивными и социокультурными знаниями, вербальными и невербальными иноязычными умениями, коммуникативно-когнитивными и ком-

муникативно-рефлексивными умениями посредством систематического решения тематических познавательных-поисковых, коммуникативно-познавательных, познавательных-исследовательских задач (в том числе мультимедийного плана), регулярного участия в учебных и внеучебных дискуссиях и проектной деятельности по социально-заостренной общественной тематике, по культуроведческой и лингвокультуроведческой тематике, по созданию мультимедийных продуктов для представления иноязычной культуры в русскоязычной среде, а также представления русской культуры, достижений российской науки и образования офлайн и онлайн зарубежному адресату (включая зарубежное академическое сообщество).

Анализ 100 российских вузовских рабочих программ по АЯ, а также 100 вузовских учебников по курсу английского языка как для языковых, так и неязыковых факультетов показывает, что в своем большинстве (93% разработчиков РП и около 85% авторов учебной литературы, изданной в 2018–2023 гг.) не включают комплекса взаимосвязанных проблемных заданий и проблемно-ориентированных видов учебной деятельности. Отчасти это объясняется отсутствием у них необходимых методических знаний и умений для конструирования профессионально ориентированных и методически приемлемых типов заданий для каждого из образовательных уровней российской высшей школы.

К основным видам учебной деятельности, с помощью которых преподавателем создается проблемно-ориентированная образовательная среда на занятиях по ИЯ, относятся:

- выполнение студентами иноязычных / билингвальных проблемных задач / заданий;
- участие в проблемно-ориентированных видах деятельности;
- участие в творческих видах профессиональной деятельности.

Проблемные информационно-поисковые задачи / задания с постепенным усложнением коммуникативно-когнитивного содержания включают:

- информационно-поисковые задачи³ (лингвистические, коммуникативно-прагматические, информационно-поисковые задачи общекультурного или культуроведчески маркированного плана);
- задания на определение надежности гуманитарной информации, ее источника / источников, ее достоверности, степени необходи-

---

³ Используется термин «задача», поскольку существуют не только математические, но и гуманитарные задачи, которые содержат данное (информационная вербальная или невербальная данность для анализа и интерпретации) и искомое (информационно-поисковый вопрос); любая задача предполагает строго определенный ход / алгоритм ее решения; в процессе решения той или иной гуманитарной задачи получают однозначный ответ.

мой полноты, предполагаемой при ее изложении в том или ином дискурсивном формате и учете конкретной коммуникативной или коммуникативно-когнитивной задачи ее отправителя;

- учебно-исследовательские задания⁴ общегуманитарной, коммуникативно-прагматической, культуроведческой и лингвокультуроведческой направленности;
- медиативные задания, ориентированные на оказание коммуникативной / коммуникативно-когнитивной (включая социокультурную) помощи, с одной стороны, представителям других стран и культурно-языковых сообществ в условиях межкультурного взаимодействия, а с другой — тем россиянам, у которых уровень владения конкретным ИЯ и степень кросс-культурной / поликультурной осведомленности недостаточны, чтобы достигать взаимопонимания (в том числе профессионального) при взаимодействии с его носителями или неносителями в процессе сотрудничества, кооперации или обсуждения спорных гуманитарных вопросов нашего времени.

Формирование проблемно-ориентированной образовательной среды при обучении нормам межкультурной коммуникации на изучаемых языках, как свидетельствует теория и практика проблемного обучения, предполагается начинать с информационно-поисковых и проблемно-исследовательских задач, обращая особое внимание на основные типы культуроведчески-ориентированных задач, таких как:

- культуроведческие (включая кросс-культурные) *задачи на сбор, систематизацию, интерпретацию, обобщение вербальной или невербальной информации* на ИЯ и русском языке (РЯ);
- лингвострановедческие задачи на *идентификацию и декодирование иноязычной безэквивалентной и фоновой лексики*;
- лингвокультуроведческие задачи на *идентификацию проявлений лингвотоксичности* [Молчанова, 2016] в гуманитарных печатных и онлайн-текстах, а также на *декодирование вербальных и не-*

---

⁴ Как известно, познавательно-заостренные вопросы («проблемы») по своему характеру могут быть отнесены либо к *субъективно* малоизученному аспекту гуманитарного знания или аспекту жизнедеятельности человека, либо к *объективно* малоизученным, если исходить из современного состояния наук о коммуникации, общем и специфическом в межкультурном общении между представителями конкретных культурно-языковых сообществ (в отдельных случаях и социальных субкультур), культурном наследии последних (художественного, музыкального изобразительного и архитектурного). При конструировании учебно-исследовательских заданий разработчики могут ориентироваться как на первые, так и на вторые познавательно-заостренные вопросы в зависимости от варианта изучения ИЯ (в специальных целях или как специальности).

вербальных коммуникативных кодов, характерных для изучаемых культурно-языковых сообществ;

- лингвокультуроведческие задачи на *сбор, типологизацию и лингвокультурную интерпретацию мемов*, функционирующих и появляющихся в конкретных (ситуативно) тематических областях коммуникативно-когнитивного знания;
- задачи на *конструирование лингвострановедческих / лингвокультуроведческих / тематических культуроведческих викторин «Кто? Что? Где? Когда? Почему?»*, *загадок, шарад, онлайн и офлайн квестов*;
- культуроведческие задачи на *интерпретацию инфографики* (образно-схематической политической, экономической, социологической, исторической, литературоведческой, филологической, эстетической информации), включая статистические таблицы, диаграммы, графики, ассоциограммы, блок-схемы, карты;
- культуроведческие задачи на *перекодирование вербальной схематической политической, экономической, социологической, исторической, эстетической информации, художественной информации в схематизированную, образно-схематическую или образную (визуальную) информацию*;
- культуроведческие задачи на *социокультурный анализ и интерпретацию вербального названия полотен живописи, общечеловеческого и культурно маркированного смысла-послания художника*, включая задачи на культуроведческое сопоставление одного и того же объекта, изображенного на картинах в живописи и в карикатурах;
- задачи на *интерпретацию результатов решения социально ориентированных математических задач* [Сафонова, 2022];
- *гуманитарные междисциплинарные задачи на определение степени объективности* вербальной общественно-политической, социологической, исторической информации на ИЯ, представленной в печатных изданиях, СМИ и сети «Интернет».

Информационно-поисковые задачи и проблемные задания конструируются с ориентацией на следующие элементы их структуры:

- контекстуальный ввод в познавательно-заостренную ситуацию и формулирование познавательно-заостренных вопросов;
- задание-инструкция по работе с дидактическим материалом на ИЯ или материалом на ИЯ и РЯ;
- иллюстративный (дидактический) иноязычный / билингвальный материал для письменного или устного восприятия, анализа, обобщения и оценивания степени достоверности вербальной и образно-схематической информации, позволяющий доказать правомерность или неправомерность определенного суждения

о сути наблюдаемых лингвокультурных / социокультурных явлений и процессов в странах со-изучаемого языков и РФ.

Информационно-поисковые задачи (ИПЗ) нацелены на вовлечение студентов во взаимосвязанные виды монолингвальной и двуязычной речевой деятельности в процессе решения информационно-познавательных задач.

В таблице на с. 18 обобщено основное в технологии конструирования культуроведческих информационно-поисковых (познавательно-поисковых или познавательно-исследовательских) задач.

В круг **проблемно-ориентированных видов учебной деятельности** с различной степенью интеллектуальной насыщенности при освоении первого ИЯ входят:

- профессионально-значимые ролевые игры и симуляции (включая и компьютерные, сопряженные с осваиваемыми студентами формами повседневно-бытовой, повседневно-административной, научно-образовательной и научно-просветительской коммуникации);
- социокультурное прочтение и драматизация отрывков из зарубежной художественной и публицистической литературы, публичных выступлений выдающихся лингвистов, психологов и лингводидактов;
- драматизация переведенных на иностранный язык отрывков художественной и публицистической литературы на русском языке, отрывков из публичных выступлений, а также из фундаментальных работ выдающихся российских лингвистов, психологов и лингводидактов;
- культуроведчески-ориентированные дискуссии по социально-заостренной тематике, по лингвистической и педагогической тематике;
- тематически-ситуативные комплексные проблемные задания, известные в методической литературе как «кейс-стади»⁵ (case-study), что является терминологической калькой с английского языка в силу недостаточной переводческой образованности тех лингводидактов, которые ввели этот термин в терминологическую базу лингводидактики;
- монолингвальные / билингвальные культуроведчески-ориентированные предметные и междисциплинарные проекты.

---

⁵ В силу определенной неосведомленности о типологии проблемных иноязычных заданий, а также недостаточного уровня переводческой образованности ряда лингводидактов стало использоваться такое терминологическое словосочетание, как «кейс-стади метод», что неприемлемо в лингводидактике, исходя из интерпретации термина «метод» в теории и методике обучения ИЯ.

**Технология конструирования культуроведческих
информационно-поисковых (познавательного-поисковых
или познавательного-исследовательских) задач**

Этапы конструирования ИПЗ, виды дидактико-методических работ	Основные задачи разработчика ИПЗ
1. Междисциплинарный анализ связей между ИЯ и другими гуманитарными предметами и установление тематических связей	• определение информационно-тематических полей бикультурного иноязычного общения; • построение тематических информационных карт по актуальной проблематике межкультурного общения; • выделение культуроведческого и лингвокультуроведческого минимумов
1.1. Выделение понятийных связей	• прогнозирование междисциплинарного понятийного минимума, его лингвострановедческий и социолингвистический анализ
1.2. Определение фактологических связей	• прогнозирование способов интеграции гуманитарного, культуроведческого, лингвокультурного и социокультурного знания и иноязычных дидактических материалов
1.3. Определение ценностно-ориентационных связей	• прогнозирование ценностно-ориентационной направленности учебного общения
1.4. Определение инструментальных связей	• проектирование способов интеграции коммуникативно-речевых, интеллектуальных и ценностно-ориентационных умений
2. Дидактически ориентированное анкетирование студентов и прогностическое тестирование у них уровня сформированности всех компонентов социокультурной компетенции, что необходимо для корректного информационно-тематического и понятийного содержания ИПЗ	• определение уровня социокультурной осведомленности по кругу культуроведческих / страноведческих вопросов, предназначенных для обсуждения в условиях иноязычного общения • изучение существующих у студентов конкретной учебной группы различий в интерпретации базовых культуроведческих понятий • определение уровня сформированности: коммуникативных умений, общепознавательных умений, необходимых для решения тех или иных типов ИПЗ
3. Подбор проблемно-коммуникативных стимулов для обсуждения круга культуроведческих / лингвокультуроведческих вопросов, входящих в информационно-тематический блок содержания учебного общения	• отбор тематически взаимосвязанных, познавательно-заостренных вопросов и ситуаций, альтернативных суждений в отношении тематики / проблематики, в которую вовлекаются студенты при решении ИПЗ

Этапы конструирования ИПЗ, виды дидактико-методических работ	Основные задачи разработчика ИПЗ
4. Подбор культуроведческого материала для письменного или устного восприятия студентами и его социокультурной интерпретации, в том числе политической публицистики и поэтики, отрывков из художественной литературы, материалов СМИ	• отбор необходимой культуроведческой информации в совокупности всех ее типов (вербальной, невербальной, инфографики) для создания необходимой и достаточной информационной основы (данного) для решения студентами той или иной ИПЗ и для заполнения учебных информационных лакун
5. Структурирование культуроведческих ИПЗ	• выбор формы контекстуального ввода обучаемых в тематику информационно-поисковой деятельности • подбор серии познавательно-заостренных вопросов, направляющих информационный поиск и познавательную деятельность студентов • подбор культуроведческого / лингвокультуроведческого вербального и / или невербального / паралингвального материала для коммуникативного или коммуникативно-когнитивного или лингвокультурного анализа в процессе решения ИПЗ • формулировка инструкций по работе с различными видами гуманитарной информации • при необходимости создание алгоритма действий студентов при решении конкретного типа ИПЗ • при необходимости создание вербальных опор или вербальных+визуальных опор, облегчающих формулирование мысли на ИЯ • при необходимости доработка существующих критериев и шкал для оценивания результатов учебной деятельности студентов по решению ИПЗ
6. Подготовка серии информационно-поисковых (коммуникативно-познавательных) заданий для дальнейшего самообразования студентов	• разработка тематически взаимосвязанных информационно-поисковых заданий (включая и компьютерные программы), включающих различные типы ИПЗ и компьютерные социокультурные справочные материалы

Творческие виды деятельности монолингвальной и билингвальной или даже трилингвальной направленности в процессе коммуникативного образования могут быть весьма разнообразными, среди них особый интерес представляют следующие:

- подготовка мультимедийных презентаций-экскурсий по России на ИЯ и по странам со-изучаемых языков на ИЯ или русском языке, их представление на видеохостинге YouTube или RuTube;
- ИКТ-поддерживаемое словесное и театрализованное творчество в монолингвальных, билингвальных и плюрилингвальных языковых клубах, включая: а) постановку зарубежных пьес и переводных русских пьес на ИЯ с их последующей видеосъемкой и представлением на видеохостинге YouTube или RuTube; б) написание сценариев пьес на ИЯ на материале зарубежной литературы, а также на материале русской переведенной литературы с их последующей постановкой в языковых клубах вузов или с их последующей видеосъемкой и представлением на видеохостинге YouTube или RuTube;
- организация и проведение междисциплинарных дискуссий на русском и иностранном языках онлайн и офлайн по актуальным проблемам современного мира, отягощенного геополитическим ценностным противостоянием, российским видением будущего мира, актуальным проблемам и направлениям развития гуманитарного знания;
- организация и проведение дебатов по профессионально-профильной и социально-заостренной тематике и проблематике, (построенных и с ориентацией на международные форматы их проведения, например, используя формат международных дебатов “Intelligence Squared”);
- подготовка публикаций для электронных профессионально-профильных научных / научно-популярных гуманитарных журналов;
- участие на ИЯ в научно-просветительских мероприятиях и научных конференциях по профилю вузовской подготовки студентов;
- выполнение различных видов письменного перевода (полного письменного перевода, аннотационного перевода, реферативного перевода, перевода «Экспресс-информации» текстов с иностранного языка на русский);
- подготовка и ведение блогов на ИЯ для ознакомления представителей разных стран с разнообразием культур в РФ, российскими научными школами, выдающимися учеными и достижениями российской науки и образования, с образом жизни, вариативностью стиля жизни в разных российских регионах, традиционными ценностями российского общества, социальной стратифика-

цией в нем, направлениями цивилизационного развития российского общества и путями преодоления вызовов XXI в.

Итак, формирование проблемно-ориентированной образовательной среды в процессе вузовского освоения студентами ИЯ как инструмента межкультурного общения предлагает системное и последовательное вовлечение студентов, начиная с решения разных типов информационно-поисковых задач и заданий с их постепенно усложняющимся коммуникативно-когнитивным и / или интеллектуальным искомым, затем с активным участием в профессионально значимых, проблемно-ориентированных видах учебной деятельности и заканчивая вовлечением студентов в творческие виды деятельности (монолингвальной, билингвальной или даже трилингвальной направленности), минимально, хотя бы в словесное творчество на ИЯ.

Формирование проблемно-ориентированной среды при освоении ИЯ как учебной дисциплины практически вряд ли возможно:

- **без обновления разноуровневых рабочих программ по первому ИЯ**, разрабатываемых в контексте системного, проблемного, личностно-ориентированного, коммуникативно-деятельностного и социокультурного подходов к коммуникативному образованию студентов средствами со-изучаемых языков;
- **без создания инновационных вузовских УМК** для разных уровней языкового образования в высшей школе (базовое высшее образование (бакалавриат, специалитет), специализированное высшее образование (магистратура, аспирантура)), включающих: а) *учебник* (помогающий овладеть всеми компонентами билингвальной коммуникативной компетенции и развивать общегуманитарные компетенции)⁶; б) *учебное пособие по культуроведению страны / стран изучаемого языка и культуроведению России на ИЯ*; в) *учебное пособие по обучению переводу* как медиативной деятельности; г) *профессионально-ориентированное языковое портфолио* для самооценки студентами своей коммуникативной квалификации, необходимой для полноценного участия в повседневно-бытовой, повседневно-административной, образовательной, научно-образовательной, научно-просветительной и научной сферах межкультурной коммуникации; д) *дидактические материалы для коммуникативного самообразования*; е) *контрольно-измерительные материалы* для внутривузовского контроля динамики коммуникативного и интеллектуального развития студента на конкретном

---

⁶ Одним из примеров учебника подобного рода является следующий: Сафонова В.В., Силкович Л.А. Exploring the World of International Communication and Co-operation. М., 2021. 228 с.

уровне образования в высшей школе; ж) *учебное пособие для развития словесного творчества на ИЯ*;

- **без освоения преподавателем ИЯ как субъектом языкового образования таких социально-педагогических ролей**, как *коммуникативный тренер, культурный антрополог / культуровед, культурный медиатор, режиссер и сценарист педагогического действия, партнер по сотворчеству*, а студентом как субъектом образования таких ролей, как *эффективный партнер в межкультурной коммуникации, эссеист и публицист, сценарист и режиссер* (сопряженных с вербальным и невербальным проигрыванием коммуникативных (включая социокультурные) ролей в предлагаемых ситуативно-тематических коммуникативных обстоятельствах), *коммуникативный этнограф-исследователь, культуровед и лингвокультуровед, партнер по сотворчеству*.
Per aspera ad astra et futura creamus!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Современный словарь методических терминов и понятий (Теория и практика обучения языкам). М., 2018.
2. *Выготский Л.С.* Умственное развитие детей в процессе обучения. М., 1935. С. 33–52. Стеногр. докл. на засед. каф. дефектологии. Пед. ин-т им. Бубнова. Декабрь 1933 г.
3. *Лаврентьев Г.В., Лаврентьева Н.Б., Неудахина Н.А.* Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Ч. 2. Барнаул, 2002.
4. *Матюшкин А.М.* Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: Учебное пособие / Под ред. канд. психол. наук А.А. Матюшкиной. М., 2009.
5. *Матюшкина А.А.* Феноменология решения творческой проблемы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 3. С. 46–58.
6. *Махмутов М.И.* Проблемное обучение: основные вопросы теории. М., 1975.
7. *Махмутов М.И.* Избранные труды: В 7 т. Т. 1: Проблемное обучение: Основные вопросы теории / Сост. Д.М. Шакирова. Казань, 2016.
8. *Махмутов М.И., Матюшкин А.М.* Проблемное обучение понятие и содержание: Психолого-педагогические основы и пути развития // Вестник высшей школы. 1977. № 2. С. 17–24.
9. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 7–14.
10. Проблемное обучение: прошлое, настоящее, будущее: Коллективная монография: В 3 кн. / Под ред. Е.В. Ковалевской. Нижневартовск, 2019.
11. *Сафонова В.В.* Принципы коммуникативного образования в контексте диалога культур и цивилизаций // Диалог культур. Культура диалога: Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л.Г. Викулова. М., 2017. С. 99–126.
12. *Сафонова В.В.* Проблемные задания на уроках английского языка в школе. 4-е изд., М., 2001.

13. Сафонова В.В. Ценностно-ориентированное языковое образование в современном мире: актуальные проблемы и спорные вопросы лингводидактики высшей школы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 135–147.
14. Сафонова В.В. Технологии формирования проблемно-ориентированной среды в школьном иноязычном образовании в рамках социокультурного подхода // Педагогические технологии в школьном иноязычном образовании: коллективная монография. Обнинск, 2023. С. 295–327.
15. Хуторской А.В. Методология педагогики: человекообразный подход: результаты исследования. М., 2014.
16. Barrows H., Tamblyn R. Problem-based Learning: An Approach to Medical Education. N.Y., 1980. P. 12–25.
17. Foshay R., Kirkley J. Principles for Teaching Problem Solving. Technical Paper 4. Washington, 1998.
18. Murray J., Summerlee A. The Impact of Problem-based Learning in an Interdisciplinary First-Year Program on Student Learning Behaviour // Canadian Journal of Higher Education. 2007. № 37. P. 87–107.
19. Tiwari A., Lai P., So M., and Yurn K. A Comparison of the Effects of Problem-based Learning and Lecturing on the Development of Students' Critical Thinking // Medical Education. 2006. № 40. P. 547–554.

Victoria V. Safonova

**LINGUODIDACTIC FUNDAMENTALS OF MODELING
A PROBLEM-ORIENTED EDUCATIONAL ENVIRONMENT
IN UNIVERSITY LANGUAGE EDUCATION**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; safonova.ffl.msu@mail.ru

Abstract: Although by now the need to create a problem-oriented educational environment in higher education when mastering academic disciplines (including FL as a university subject) has already been proven both theoretically and experimentally, nevertheless, the Linguodidactic analysis of 100 syllabuses in a foreign language as an academic discipline and 100 FL course-books (written by Russian university teachers & published in 2019–2023) shows the lack of orientation among most of their authors towards its creation due to their lack of awareness of the linguodidactic foundations of modeling a problem-oriented educational environment in a university educational context, integrating communicative-approach, problem-based approach and sociocultural approach in teaching & learning a foreign language as a tool of intercultural communication. The article briefly summarizes the results of scientific understanding of the problem-based approach in education, its general and specific features with the view to the linguodidactic interpretation of the concepts of “problem-based learning”, “problem-based teaching”, “problem-based mastering of the discipline” in relation to teaching a foreign language the learner and his/her socialization by means of a foreign language, gives a description of a system of interconnected cultural and linguocultural problem-solving tasks and assignments, problem-oriented types of learners’ monolingual and bilingual activities, creative types of university students’ verbal activities in co-learning languages, including

recommendations for the methodological design of cultural problem-solving tasks, with which the teacher starts forming a problem-oriented educational environment in the FL classroom and outside it.

Key words: university education; problem-oriented educational environment; FL; cultural problems/problem-solving tasks; problem-oriented types of learning activities; verbal creativity; action-oriented communicative approach; linguocultural pedagogy

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Safonova V.V. (2024) Linguodidactic Fundamentals of Modeling a Problem-Oriented Educational Environment in University Language Education. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 9–25. (In Russ.)

About the author: Victoria V. Safonova — Dr. Habil in Pedagogical Sciences, Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; safonova.ffl.msu@mail.ru.

REFERENCES

1. Azimov E.G., Shchukin A.N. 2018. *Sovremennyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (Teoriya i praktika obucheniya yazykam)*. [Modern Dictionary of Language Methodology Terms and Concepts (Theory and practice of teaching languages)] M.: Russkiy Yazyk. Kur-sy. (In Russ.)
2. Vygotskiy L.S. 1991. *Umstvennoye razvitiye detey v protsesse obucheniya*. [Mental development of children in the learning process] M.; L.: GIZ, 1935. Stenogr. dokl. na zased. kaf. defektologii. Ped. in-t im. Bubnova. Dekabr' 1933 g.; to zhe. Vygotskiy L. S. *Pedagogicheskaya psikhologiya*. M.: Pedagogika, pp. 33–52. (In Russ.)
3. Lavrent'yev G.V., Lavrent'yeva N.B., Neudakhina N.A. 2002. *Innovatsionnyye uchayushchiye tekhnologii v professional'noy podgotovke spetsialistov* [Innovative Teaching Technologies in Students' Professional Training]. Barnaul: Izd-vo Gos. un-ta. (In Russ.)
4. Matyushkin A.M. 2009. *Psikhologiya myshleniya. Myshleniye kak razresheniye problemnykh situatsiy: Uchebnoye posobiye*. [Psychology of Thinking. Thinking as a Means of Solving Problem Situations:] Pod. red. kand. psikhol. nauk A.A. Matyushkinoy. M.: KDU. (In Russ.)
5. Matyushkina A.A. 2013. *Fenomenologiya resheniya tvorcheskoy problem* [Phenomenology of Solving a Creative Problem]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3. M., pp. 46–58. (In Russ.)
6. Makhmutov M.I. 1975. *Problemnoye obucheniye: osnovnyye voprosy teorii*. [Problem-based Teaching & learning: Basic Theoretical Issues]. Moskva: Pedagogika (In Russ.)
7. Makhmutov M.I. 2016. *Izbrannyye trudy: V 7 t. T. 1: Problemnoye obucheniye: Osnovnyye voprosy teorii* [Selected works: In 7 volumes. T. 1: Problem-based Teaching and Learning: Basic Theoretical Issues]. Sost. D.M. Shakirova Kazan': Magarif Vakyt. (In Russ.)
8. Makhmutov M.I., Matyushkin A.M. 1977. *Problemnoye obucheniye ponyatiye i sodержaniye: Psikhologo-pedagogicheskiye osnovy i puti razvitiya*. [Problem-based

- Teaching and Learning Concept and Content: Psychological and Pedagogical Foundations and Development Paths] *Vestnik vysshey shkoly*, no. 2, pp. 17-24. (In Russ.)
9. Molchanova G.G. 2016. Kognitivnaya lingvov'kologiya i lingvotoksichnost': kak zashchitit' yazyk ot cheloveka [Cognitive Linguoecology and Linguotoxicity: How to Protect Language from Humans?] // *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication* / M.: vo Izd-vo Mosk. un-ta, no. 2, pp. 7–14. (In Russ.)
  10. Problemnoye obucheniye: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: kollektivnaya monografiya [Problem-based Teaching and Learning: Past, Present, Future: collective monograph]: v 3 kn., pod red. Ye.V. Kovalevskoy. Nizhnevartovsk: NVGU, 2019. (In Russ.)
  11. Safonova V.V. 2017. Printsipy kommunikativnogo obrazovaniya v kontekste dialoga kul'tur i tsivilizatsiy. [The Principles of Communicative Education in the Context of the Dialogue of Cultures and Civilizations] *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: Chelovek i novyye sotsiogumanitarnyye tsennosti: kollektivnaya monografiya*. Otv. red. L.G. Vikulova, Ye.G. M.: NEOLIT, pp. 99–126 (In Russ.)
  12. Safonova V.V. 2001. Problemnyye zadaniya na urokakh angliyskogo yazyka v shkole. [Problem-Solving Tasks & Assignments in the English Classroom at School] 4 izd., M.: Yevroshkola. (In Russ.)
  13. Safonova V.V. 2022. Tsennostno-oriyentirovannoye yazykovoye obrazovaniye v sovremennom mire: aktual'nyye problemy i spornyye voprosy lingvodidaktiki vysshey shkoly. [Value-oriented Language Education in the Modern World. Current Problems and Controversial issues of linguodidactics in Tertiary Education] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 135–147. (In Russ.)
  14. Safonova V.V. 2023. Tekhnologii formirovaniya problemno-oriyentirovannoy sredy v shkol'nom inoyazychnom obrazovanii v ramkakh sotsiokul'turnogo podkhoda. [Technologies for Developing a Problem-oriented Educational Environment in Teaching a Foreign Language at School within the Framework of the Sociocultural Approach] *Pedagogicheskiye tekhnologii v shkol'nom inoyazychnom obrazovanii: kollektivnaya monografiya*. Obninsk: Titul, pp. 295–327. (In Russ.)
  15. Khutorskoy A.V. 2014. Metodologiya pedagogiki: cheloveksoobraznyy podkhod: rezul'taty issledovaniya: Nauchnoye izdaniye. [Pedagogical Methodology: A Human-centered Approach: Research results] M.: Izdatel'stvo "Eydos"; Izda-tel'stvo Instituta obrazovaniya cheloveka. (In Russ.)
  16. Barrows H. and Tamblin R. 1980. *Problem-based Learning: An Approach to Medical Education*. New York: Springer, pp.12–25.
  17. Foshay, R., Kirkley, J. 1998. *Principles for Teaching Problem Solving*. Technical Paper 4. Washington: PLATO Learning, Inc.
  18. Murray J., and Summerlee A. 2007. The Impact of Problem-based Learning in an Interdisciplinary First-Year Program on Student Learning Behaviour // *Canadian Journal of Higher Education*, no. 37, pp. 87–107.
  19. Tiwari A., Lai P., So M., and Yurn K.A. 2006. Comparison of the Effects of Problem-based Learning and Lecturing on the Development of Students' Critical Thinking // *Medical Education*, no. 40, pp. 547–554.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023;
 одобрена после рецензирования 23.10.2023;
 принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 23.09.2023;
 approved after reviewing 23.10.2023;
 accepted for publication 25.10.2023.

М.Г. Кочетова

САМОРАЗВИТИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mgkochetova@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена вопросам профессионального роста и совершенствования преподавателя иностранного языка, повышению его компетентности в контексте современных требований к образованию. Она обращается к теме саморазвития педагога и его влиянию на качество обучения иностранным языкам. Показано, что саморазвитие преподавателя иностранного языка является основным фактором его профессиональной компетентности. В работе дается обоснование актуальности выбранной тематики и обсуждается значимость саморазвития педагога в современных условиях развития общества. Рассматриваются возможные пути совершенствования его умений и профессиональных навыков, которые предполагают критический рефлексивный анализ преподавателем своих профессиональных компетенций, качества обучения студентов иностранному языку и перспектив личностного роста. Показано, что процесс профессионального развития педагога должен проходить на постоянной основе, предполагать коллегиальность и предусматривать наставничество в рамках единой образовательной организации. Для саморазвития и совершенствования профессиональной компетентности преподавателей иностранных языков важно регулярно проводить научно-практические мероприятия и привлекать к участию в них зарубежных коллег — экспертов в профессиональной области. В статье предлагается схема саморазвития преподавателя иностранного языка, основанная на рефлексивном анализе его компетентности и места в профессии.

Ключевые слова: профессиональная компетентность; рост и развитие преподавателя иностранного языка; саморазвитие; коллегиальность; наставничество; образование

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-2

Кочетова Мария Германовна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mgkochetova@yandex.ru.

© Кочетова М.Г., 2024

Для цитирования: Кочетова М.Г. Саморазвитие преподавателя иностранного языка как фактор повышения его профессиональной компетентности в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 26–34.

Образование в XXI в. — ключевой фактор гармоничного развития современного человека, а также успешного развития общества и страны в целом. Правительством РФ принят документ стратегического планирования — Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования до 2030 года» (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701), в числе приоритетов реализации которой выделено «развитие системы кадрового обеспечения сферы образования, позволяющей каждому педагогу повышать уровень профессионального мастерства на протяжении всей профессиональной деятельности»¹. Президент РФ В.В. Путин, выступая в 2021 г. на заседании Президиума Государственного Совета, посвященном задачам в сфере общего образования, сказал, что образование, его развитие и совершенствование являются вопросами общенациональной повестки². От качества образования зависит развитие страны, ведь в образовательном учреждении происходит формирование человека, ее гражданина. Посредством образования в человеке развиваются как необходимые личностные, так и профессиональные качества, и преподаватель в этом процессе является ключевой фигурой — «архитектором» построения современного общества. В связи с этим вопросы профессионализма педагога и, как следствие — качество предлагаемого им образования, поднимаемые в данной работе, сегодня особенно актуальны, требуют пристального внимания и являются предметом рассмотрения данной работы.

В новом стремительно изменяющемся мире очень быстро теряется актуальность полученных знаний. Необходимость систематического совершенствования профессиональных навыков преподавателя обусловлена высоким темпом современной жизни, меняющимся социально-политическим ландшафтом и глобализацией всех сфер деятельности современного человека. Постоянно совершенствуются технологии искусственного интеллекта, которые готовы составить конкуренцию не только учебной литературе, справочникам и словарям, но и преподавателю иностранного языка,

---

¹ URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/?ysclid=lmuhjjmwqz631179775> (дата обращения: 22.09.2023).

² URL: <https://ruobraz.ru/theme/vladimir-putin-obrazovanie-ego-razvitiye-sovshhenstvovanie-eto-voprosy-obshchenatsionalnoy-povestki/?ysclid=lhbzku5бр405799675> (дата обращения: 06.05.2023).

заменяя его во множестве поставленных педагогических задач [Молчанова, 2022: 10]. Вслед за развитием науки и общества иностранный язык развивается и изменяется, отражая при этом все социально значимые события и явления. Становится очевидным, что происходят изменения требований к профессии педагога, предполагающие планомерное и целенаправленное обновление и совершенствование его знаний и умений.

Общество всегда предъявляло и будет предъявлять к педагогам довольно высокие требования, так как только тот, кто знает больше остальных, способен чему-то научить. Особенно остро данный вопрос касается преподавателей иностранных языков, поскольку они должны не просто знать иностранный язык и владеть методикой его преподавания, но и в зависимости от преподаваемого предмета на иностранном языке обладать актуальными знаниями в смежных научных областях, разбираться в социально-экономических и общественно-политических и множестве других вопросов, постоянно повышая свою междисциплинарную компетентность [Тер-Минасова, 2004].

Наиболее действенным и всеобъемлющим способом повышения компетентности преподавателя можно считать его саморазвитие. Оно предполагает критический рефлексивный анализ педагогом своего профессионализма и места в структуре образования, качества обучения студентов иностранному языку и возможностей личностного роста [Квашко, 2012: 28]. Саморазвитие сегодня можно считать первостепенным по важности, поскольку оно направлено на непрерывное совершенствование личностных и профессиональных качеств педагога, отвечающее целям его профессионального роста. В основе его лежит способность правильно воспринимать окружающую действительность, делать адекватные выводы и действовать сообразно ситуации, сложившейся в профессиональной области [Золотова, Ваганова, 2015: 165; Суркова, 2012]. Вопросу саморазвития современного преподавателя иностранного языка и посвящена данная статья.

Для саморазвития необходима объективная оценка самим педагогом как сильных, так и слабых сторон своей профессиональной деятельности, а также уровня своей иноязычной коммуникативной компетенции. Показано, что способности к саморазвитию определяют психологические и интеллектуальные качества педагога [Братченко, Миронова, 1997; Maslow, 1967], что немаловажно в его профессии и особо остро востребовано в современных условиях развития общества. Преподавателю иностранного языка нужно четко и ясно понимать, чему, зачем и как он обучает студентов. А это значит не только на каком материале и по какому плану, но главное — насколько его профессиональные компетенции соответству-

ют заявленному уровню преподавания соответствующей дисциплины и соотносятся с ситуацией и потребностями студентов [Девятова, 2017: 43].

Становление и развитие профессионализма, необходимых знаний и умений, причем не только педагогических, требуемых для преподавательской деятельности, но и лингвистических (языковых), необходимых преподавателю, осуществляющему свою педагогическую деятельность на иностранном языке, должно происходить на постоянной основе. Понимание этого, а следовательно, природы и сущности своего непрерывного развития необходимо для направления путей к самосовершенствованию конкретного преподавателя. Самосовершенствование в данном контексте — ключевое слово, поскольку оно является целью саморазвития педагога.

Одним из возможных путей совершенствования профессиональных навыков современного преподавателя является повышение уровня его профессионального мастерства в рамках имеющейся квалификации. Оно, как правило, означает получение дополнительных компетенций для решения конкретных задач, стоящих перед педагогом. Таким образом, представляется важной организация курсов профессионального усовершенствования и переподготовки преподавателей иностранных языков, а также условий для обмена знаниями в рамках межкафедральных и межкафедральных тренингов, конференций, симпозиумов, организуемых признанными экспертами, в том числе международными, в профессиональной области.

С точки зрения образовательного учреждения высокий квалификационный уровень его сотрудников свидетельствует о высоком уровне образования, которое оно предоставляет. А это, в свою очередь, способствует повышению репутации и рейтингов самого учебного заведения [Жоусе, 1991: 8]. Таким образом, образовательные организации должны быть в первую очередь заинтересованы в повышении профессионализма своих сотрудников, предоставляя возможности для профессионального роста и развития путем организации самообразовательных программ для действующих педагогов [Сафонова, 2021].

Нельзя недооценивать роль коллектива в достижении поставленных задач профессионального роста преподавателя. Эффективность работы всего педагогического коллектива определяется не только компетентностью каждого его сотрудника, но и вопросами коллегиальности, тем, насколько слаженно они работают как единая команда, как происходит взаимодействие сотрудников друг с другом в профессиональном плане, ведь, согласно учениям известного философа Л. Фейербаха, саморазвитие (человека) осуществляется / реализуется в рамках межличностного общения и совместной деятельности с другими людьми [Фейербах, 1995: 169–186]. Целесо-

образность коллегиальности в решении задач профессионального развития показана также другими авторами [Cooper and Boyd, 1998; Díaz, 2003: 4–5]. Таким образом, с целью повышения профессионализма преподавателей иностранных языков представляется целесообразным проводить совместные мероприятия, направленные на решение общих педагогических задач: заседания кафедры, совещания, круглые столы, где в свободной форме происходил бы обмен новыми знаниями. При этом для обмена опытом и совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции преподавателей иностранных языков представляется важным приглашать к участию в них зарубежных коллег.

Неотъемлемой составляющей саморазвития преподавателя является понимание им ответственности не только за себя, но и за своих коллег. Следовательно, для достижения самосовершенствования вопрос наставничества представляется особо актуальным. В его рамках возможен более точечный подход к решению проблем, возникающих у молодых или менее опытных преподавателей, для которых опыт их наставников — старших товарищей — может оказаться чрезвычайно важным и полезным [Burns, 1999]. Показано, что потребность в помощи более слабому и ответственность за младших товарищей заложена в человеческом сознании и является нормой проявления человека как члена социума [Балакшин, 2008: 154; Rolheiser and Stefahn, 1998]. По этой причине консультационная помощь со стороны опытных коллег не только естественна, но и полезна, в том числе — им самим, и важна для их саморазвития.

Подытоживая все вышесказанное, предлагается следующая схема развития профессиональных качеств преподавателя иностранного языка, основанная на возможностях саморефлексии. С целью совершенствования своих профессиональных качеств педагогу, по мнению автора работы, необходимо:

1. Адекватно оценить уровень своей профессиональной компетентности, главным образом — иноязычной коммуникативной компетенции.

2. Определить собственные профессиональные потребности, «чего мне не хватает» или «что я бы хотел улучшить», в том числе в языковом плане.

3. Проанализировать свое место в профессиональном сообществе, требуемые компетенции.

4. Наметить реалистичные цели, выделить время на их достижение (реалистичность цели определяется как доступностью программы / материала для изучения, так и возможностями самого преподавателя [Erant, 1995: 250]).

5. Обозначить для себя, какие конкретно профессиональные знания или умения требуются для достижения поставленных целей.
  6. Проанализировать возможности для саморазвития, а также коллаборации.
  7. Определить стратегию освоения требуемого материала.
  8. Расширить круг профессиональных контактов, в том числе зарубежных.
  9. Оценить возможности профессионального роста в рамках предлагаемых учебными заведениями курсов и программ.
  10. Повысить свою профессиональную компетентность, реализовав намеченные цели.
  11. Поделиться с коллегами полученными знаниями, получить от них обратный ответ.
  12. Проанализировать полученные результаты — знания и умения самостоятельно и в коллективе. Для этого представляется целесообразным организовать совещание, круглый стол или мастер-класс.
  13. Использовать полученные знания для выступления с докладом в профессиональном сообществе, а также для расширения возможностей наставничества для молодых сотрудников и коллег.
- Итак, саморазвитие преподавателя иностранного языка, наполненное как профессиональным, так и личностным смыслом, должно представлять собой непрерывный процесс и стать обязательной потребностью любого педагога. Адекватно оценивая уровень своей профессиональной компетентности, преподаватель должен выстраивать траекторию своего развития таким образом, чтобы полученные знания и умения адекватно соотносились с потребностями времени, отвечали запросам современного образовательного пространства и были востребованы в новом динамично развивающемся обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакишин О.Б. Гармония саморазвития в природе и обществе: подобие и аналогии. М., 2008.
2. Братченко С.Л., Миронова М.Р. Личностный рост и его критерии // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. СПб., 1997. С. 38–46.
3. Девятова И.Е. Технологии развития педагогической рефлексии // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2017. № 4(33). С. 41–49.
4. Золотова М.В., Ваганова Н.В. Формирование рефлексивной компетенции у преподавателей вузов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4(40). С. 164–168.
5. Квашко Л.П. Личностно-профессиональное саморазвитие педагогов: теория и практика. Хабаровск, 2012.
6. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. 2-е изд. М., 1997.

7. Молчанова Г.Г. Цифровая трансформация образования и общества: возможности и сложности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1 С. 9–16.
8. Пискунова Е.В. Профессиональная педагогическая рефлексия в деятельности и подготовке педагога // Вестник ТГПУ. 2005. № 1(45). С. 62–66.
9. Сафонова В.В. Лингводидактические размышления о медиативном образовании преподавателя-исследователя в системе языковой подготовки к международному партнерству и сотрудничеству // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2021. № 1. С. 151–164.
10. Суркова Е.Г. Творческая парадигма процесса совладания с трудными жизненными ситуациями // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 222–228.
11. Тер-Минасова С.Г. Мы учим не только тому, «как сказать», но и «что сказать» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 9–19.
12. Фейербах Л. Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1995.
13. Burns A. Collaborative action research for English language teachers. New York, 1999.
14. Cooper C. and Boyd J. Creating sustained professional growth through collaborative reflection / Professional development for cooperative learning: issues and approaches (Brody C.M. and Davidson N. eds.). N.Y., 1998. P. 26–49.
15. Diaz M.G. Fulfilling the promise of professional development // IATEFL Issues, 2003 (August-September). P. 4–5. URL: <https://www.iatefl.org/content/newsletter/174.php> (accessed: 03.03.2023)/
16. Erant M. Developing professional knowledge within a client-centered orientation / Gushey T.R. and Huberman M. (eds.) Professional development in education. N.Y., 1995. P. 227–252.
17. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/?ysclid=lmuhjjmqz631179775> (accessed: 22.09.2023).
18. URL: <https://ruobraz.ru/theme/vladimir-putin-obrazovanie-ego-razvitiie-sovershenstvovanie-eto-voprosy-obshchenatsionalnoy-povestki/?ysclid=lhbzku5s6p405799675> (accessed: 06.05.2023).
19. Joyce B. The doors to school improvement // Educational leadership. 1991. № 8. P. 8.
20. Maslow A.H. A theory of metamotivation: the biological rooting of value-life // Journal of humanistic psychology. 1967. № 7. P. 93–127.
21. Rolheiser C., Stefahn L. The role of staff developers in promoting effective decision-making / Professional development for cooperative learning: issues and approaches (Brody C.M. and Davidson N. eds.). N.Y., 1998. P. 50–62.

Maria G. Kochetova

SELF-DEVELOPMENT OF LANGUAGE TEACHING STAFF AS A FACTOR OF INCREASING THEIR PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE MODERN WORLD

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; velen2007@mail.ru

Abstract: The paper discusses the issues of a language teacher professional growth and improvement and increasing his/her competence in line with modern trends in education. It addresses the topic of self-development and its impact on the quality of teaching foreign languages. Self-development of language teaching staff

is shown to be the main factor of their professional competence. The work provides a rationale for the relevance of the chosen topic and discusses the significance of teacher self-development in the modern world. Possible ways to improve his/her professional skills are considered. They involve a critical reflective analysis by the teacher of his/her professional competencies, the quality of teaching students a foreign language and prospects for personal growth. It is shown that the process of professional development should be ever-lasting, assume collegiality and provide mentoring within a single educational organization. Self-development and improvement of professional competence implies collaboration with foreign colleagues and experts in the professional field. The paper proposes a scheme of self-development for a language teacher, based on a reflective analysis of his/her professional competence and place in the profession.

Key words: professional competence; professional growth; language teaching staff; self-development; collegiality; mentorship; education

For citation: Kochetova M.G. (2024) Self-Development of Language Teaching Staff as a Factor of Increasing Their Professional Competence in the Modern World. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 26–34. (In Russ.)

About the author: Maria G. Kochetova — PhD in Philology, Associate Professor, Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; mgkochetova@yandex.ru.

REFERENCES

1. Balakshin O.B. 2008. Garmoniya samorazvitiya v prirode i obshchestve: podobie i analogii [Harmony of self-development in nature and society: similarity and analogies]. Moscow, LKI. (In Russ.)
2. Bratchenko S.L., Mironova M.R. 1997. Lichnostnyi rost i ego kriterii [Personal growth and its criteria] In A.A. Krylov, L.A. Korostyleva (eds.) *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti* [Psychological problems of personal self-realization]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publisher. pp. 38–46. (In Russ.)
3. Devyatova I.E. 2017. Tekhnologii razvitiya pedagogicheskoi refleksii [Technologies for the development of pedagogical reflection]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*, no. 4(33), pp. 41–49. (In Russ.)
4. Zolotova M.V., Vaganova N.V. 2015. Formirovanie reflektivnoi kompetentsii u prepodavatelei VUZov [Formation of reflective competence among university teachers]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Series Sotsial'nye nauki*, no.4(40), pp. 164–168. (In Russ.)
5. Kvashko L.P. 2012. Lichnostno-professional'noe samorazvitie pedagogov: teoriya i praktika [Personal and professional self-development of teachers: theory and practice]. Khabarovsk: DVGUPS. (In Russ.)
6. Leont'ev D.A. 1997. Ocherk psikhologii lichnosti [Essay on personality psychology]. 2nd ed. Moscow. Smysl. (In Russ.)
7. Molchanova G.G. 2022. Tsifrovaya transformatsiya obrazovaniya i obshchestva: vozmozhnosti i slozhnosti [Digital transformations in education and society: potentialities and complications]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–16. (In Russ.)

8. Piskunova E.V. 2005. Professional'naya pedagogicheskaya refleksiya v deyatel'nosti i podgotovke pedagoga [Professional pedagogical reflection in the activities and training of a teacher]. *Vestnik TGPU*, no. 1(45), pp. 62–66 (In Russ.)
9. Safonova V.V. 2021. Lingvodidakticheskie razmyshleniya o mediativnom obrazovanii prepodavatelya-issledovatelya v sisteme yazykovoi podgotovki k mezhdunarodnomu partnerstvu i sotrudnichestvu [Language pedagogy reflections on the mediation education of the teacher-researcher in the system of language training for international partnership and cooperation]. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, no. 1, pp. 151–164. (In Russ.)
10. Surkova E.G. 2012. Tvorcheskaya paradigma protsessa sovladaniya s trudnymi zhiznennymi situatsiyami [Creative paradigm of the process of coping with difficult reality situations]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 222–228. (In Russ.)
11. Ter-Minasova S.G. 2004. My uchim ne tol'ko tomu, «kak skazat'», no i «chto skazat'» [We teach not only “how to say”, but also “what to say”]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1. pp. 9–19. (In Russ.)
12. Feierbakh L. 1995. Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 2-kh tomakh [Selected philosophical works: in 2 volumes]. Moscow, Mysl'. Vol. 1. (In Russ.)
13. Burns A. 1999. Collaborative action research for English language teachers. New York: Cambridge University Press.
14. Cooper C. and Boyd J. Creating sustained professional growth through collaborative reflection. In Brody C.M. and Davidson N. (eds.) *Professional development for cooperative learning: issues and approaches*. New York: State University of New York Press, 1998, pp. 26–49.
15. Diaz M.G. 2003. Fulfilling the promise of professional development. *IATEFL Issues* (August-September), pp. 4–5. Available at URL: <https://www.iatefl.org/content/newsletter/174.php> (accessed: 03.03.2023).
16. Erant M. 1995. Developing professional knowledge within a client-centered orientation. In Gushey T.R. and Huberman M. (eds.) *Professional development in education*. New York: Teacher's College, Columbia University, pp. 227–252.
17. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/?ysclid=lmuhjmwqz631179775> (accessed: 22.09.2023) (In Russ.)
18. URL: <https://ruobraz.ru/theme/vladimir-putin-obrazovanie-ego-razvitie-sovershenstvovanie-eto-voprosy-obshchenatsionalnoy-povestki/?ysclid=lhbzku5s6p405799675> (accessed: 06.05.2023) (In Russ.)
19. Joyce B. 1991. The doors to school improvement. *Educational leadership*, no. 8, p. 8.
20. Maslow A.H. 1967. A theory of metamotivation: the biological rooting of value-life. *Journal of humanistic psychology*, no. 7, pp. 93–127.
21. Rolheiser C. and Stefahn L. 1998. The role of staff developers in promoting effective decision-making. In Brody C.M. and Davidson N. (eds.) *Professional development for cooperative learning: issues and approaches*. New York: State University of New York Press, pp. 50–62.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023;
одобрена после рецензирования 23.10.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 23.09.2023;
approved after reviewing 23.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

Цзюй Юньшэн, У Ляньлянь

**ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ПОДГОТОВКИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ СО ЗНАНИЕМ
РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ
«ОДИН ПОЯС — ОДИН ПУТЬ»**

Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, КНР, Лоянский политехнический институт, Лоян, КНР; zhengzhengjuju@163.com; nataliya2021@126.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию моделей подготовки русистов в Китае в рамках инициативы «один пояс — один путь». В последнее время сотрудничество Китая со странами русскоязычной зоны достигло рекордно высокого уровня. Основываясь на существующей ситуации, преподавание русского языка в Китае должно интернационализировать концепцию обучения, модель обучения русскому языку, учебные материалы, формы и виды тестирования, преподавательские кадры и методы преподавания. Необходимо также постоянно корректировать стратегию педагогической деятельности по адаптации Китая к внешней деятельности со странами русскоязычной зоны. В статье рассматриваются такие вопросы, как цель подготовки специалистов по русскому языку, система предметов, тестирования, составление учебников, структура преподавательского состава факультетов русского языка в Китае.

Ключевые слова: методика преподавания; модель подготовки; интернационализация; один пояс — один путь; система тестирования уровня знаний русского языка

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-3

Для цитирования: Цзюй Юньшэн, У Ляньлянь. Исследование моделей подготовки профессиональных кадров со знанием русского языка в Китае в рамках инициативы «Один пояс — один путь» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 35–43.

В современную эпоху многополярности мира и экономической глобализации взаимозависимость стран становится глубже. Восстановление мировой экономики является трудным и извилистым

Цзюй Юньшэн — доктор филологических наук, доцент Института российских и евразийских исследований, Шанхайский университет иностранных языков; zhengzhengjuju@163.com.

У Ляньлянь — старший преподаватель, Лоянский политехнический институт, Лоян, КНР; nataliya2021@126.com.

процессом. В мире часто возникают международные и региональные горячие проблемы. Страны сталкиваются со многими общими угрозами и вызовами современности. Ни одна страна не может справиться с ними в одиночку или быть независимой. Чтобы способствовать развитию Шанхайской организации сотрудничества и сконцентрировать внимание на общих интересах всех стран и всего человечества, Генеральный секретарь Си Цзиньпин внес предложение о создании «сообщества единой судьбы» в рамках Шанхайской организации сотрудничества, что было указано в направлениях развития ШОС. В рамках ШОС сотрудничество Китая со странами русскоязычной зоны сегодня достигло рекордно высокого уровня. Российско-китайское гуманитарное сотрудничество как важная область взаимодействия постоянно углубляется, специалисты двух стран сильно дополняют друг друга, что закладывает прочную основу для развития сотрудничества в сфере высшего образования и обеспечивает зрелые внешние условия для интернационализации модели подготовки кадров со знанием русского языка.

С появлением концепции «мировой глобальной деревни», где все страны становятся ближе и понятнее друг другу, мировая экономика вступила в эру глобализации, а образование при этом все больше становится интернациональным, способствуя межкультурному развитию [Ли Ши, 2009: 126–128]. Китайские университеты обладают тесными связями и контактами с университетами России. Изучить подходящую модель обучения кадров со знанием русского языка и реализовать интернационализацию модели подготовки кадров со знанием русского языка — цель, которая сегодня имеет огромное значение. По приведенным выше параметрам Хэйлуцзянский университет исследовал 153 колледжа и университета, в том числе 48 общеобразовательных колледжей, 29 педагогических колледжей, 21 научно-технический колледж, 14 языковых школ и 26 финансовых и экономических учреждений, 24 независимых колледжа и частных учебных колледжей, 23 национальных учебных заведения, 1 политический и юридический колледж, 1 морской колледж, 1 медицинский институт и 4 сельскохозяйственных и лесных колледжа. Их географическое местоположение следующее: 24 из них находятся в Северном Китае, 10 — в Центральном Китае, 25 — в Северо-Западном Китае, 49 — в Северо-Восточном Китае, 8 — в Южном Китае, 8 — в Юго-Западном Китае и 29 — в Восточном Китае. Таким образом, специальность «Русский язык» преподается во всех провинциях страны в большом количестве учебных заведений с дневным обучением.

Цель подготовки специалистов со знанием русского языка состоит в том, чтобы удовлетворить соответствующий общественный спрос. Согласно «Программе для специальностей с русским языком в высшем образовании» (2003), факультеты русского языка высшей школы поставили цель подготовки кадров в соответствии со своей спецификой обучения. В общем, эта цель заключается в подготовке высококачественных кадров, имеющих способности и политическую целостность, высокую социальную ответственность, прочные основы знаний русского языка и литературы, широкую международную перспективу, практическую способность свободного владения русским языком с возможностью работать в государственных учреждениях и научно-исследовательских институтах в соответствии требованиями стратегии взаимодействия между странами.

С точки зрения цели подготовки кадров у каждого вуза есть свои особенности. Некоторые из них уделяют большое внимание подготовке кадров с базовыми языковыми навыками, высокой гуманитарной подготовкой и сильными навыками межкультурного общения. Некоторые вузы сосредоточены на создании прочной языковой основы и педагогическом образовании. Другие — ориентированы на практическую подготовку кадров в соответствии с реальным положением вуза и региона. Модель подготовки кадров со знанием русского языка демонстрирует тенденцию к плюралистическому развитию. Вузы, которые открывают программы по специальности «Русский язык», основываются на региональном развитии, служат развитию общей национальной стратегии. Часто в сочетании со своими предметными характеристиками они предлагают русскоязычное + профессиональное образование, свою модель подготовки кадров на основе множественного языка. Например, русский язык + специальность (одиночная специальность); русский язык + не иностранный язык (двойная специальность). К числу наиболее успешных моделей, существующих в китайских вузах, относятся: университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, совместный учебный проект Пекинского авиационного университета и Московского авиационного университета; проект по русскому языку + аэрокосмическим программам Харбинского технологического университета. Успешное развитие этих проектов является хорошим доказательством качества реализуемых программ. Интернационализация учебного режима, диверсификация учебного плана, стандартизация профессиональных экзаменов, локализация составления учебных материалов и модернизация методов обучения являются общей характеристикой современного преподавания русского языка в Китае.

Предметы по специальности «Русский язык» в вах разработаны в соответствии с «Учебной программой для российских специальностей по высшему образованию» (2003). Хотя названия предметов разные, они примерно схожи. Например, основной русский язык, русский язык высокого уровня, практический русский язык, русское чтение и т.д. Система курса помогает студентам развивать знания, способности и навыки русского языка. Вузы, которые открывают специальность «Русский язык», организуют курсы по гуманитарным и социальным наукам на базе собственных педагогических ресурсов для повышения коммуникативных навыков студентов. Основные курсы русского языка отражают современные принципы образования. Чтобы развивать речевую коммуникативную составляющую способности студентов, необходимо укреплять их языковую базу. В рамках преподавания профессиональных предметов необходимо использовать методы грамматического перевода, лингвокультурологический педагогический метод, метод осознанного контраста, метод осознанного познания и другие дидактические методы. В полной мере также необходимо использовать положительную интерференцию родного языка, углублять знания студентов, чтобы они понимали российскую культуру и обладали необходимыми знаниями для межкультурной коммуникации с россиянами. Курсы профессионального мастерства (разговорный русский язык, предмет аудирования и разговорного русского языка, устный перевод, письменный перевод, перевод публицистических текстов, чтение на русском языке и т.д.) могут помочь студентам освоить современный разговорный стандартный русский язык и реализовать поэтапное изучение русского языка («говорить, говорить правильно, красиво говорить») и улучшение языковой практики. Все вузы в специальность «Русский язык» также добавили второй курс иностранного языка, реализуя программы «русский + украинский», «русский + казахский», «русский + сербский», «русский + английский», «русский + польский» и другие сложные языковые модели обучения. Данная модель заложила прочную основу для развития двуязычной коммуникации.

Профессор Лю Юнхун отмечает, что, во-первых, предмет «Русский язык» должен обладать общей концепцией курса, которая включает целеустремленность, проблемную ориентацию и полезность, а также соответствовать международным тенденциям, требованиям времени, потребностям страны и характеристикам предмета; во-вторых, должен соответствовать современным требованиям и основам традиционного обучения, усиливать базовые знания русского языка, повышать уровень русского языка и коммуникативных способностей [Лю Юнхун, 2015: 14–17]. Учебный план специаль-

ности «Русский язык» должен следовать этим принципам. Основные существующие курсы по русскому языку в Китае: основной русский язык, грамматика русского языка, межкультурная коммуникация, разговорный русский язык, аудирование на русском языке, чтение на русском языке, интернет-лексика в русском языке, продвинутый русский язык, теория и практика перевода на русский язык, устный перевод на русский язык, письмо на русском языке, страноведение русскоязычных стран, русская культура и русское общество, история литературы России и чтение русских произведений, торгово-экономический русский язык, чтение новостей, юридический русский язык, русский туризм, письмо на русском языке и другие. С этой точки зрения учебные планы специальности «Русский язык» в вузах по всей стране примерно одинаковы, и все они сочетаются со своими доминирующими дисциплинами и характерными особенностями образовательного процесса.

Русский язык является рабочим языком Совета Безопасности ООН. По мере углубления сотрудничества между Китаем и Россией из года в год растет количество отечественных и иностранных студентов, изучающих русский язык. С каждым годом количество абитуриентов увеличивается и на данный момент составляет примерно семь тысяч человек. Для такой большой русскоязычной учебной группы необходимо реализовывать стандартизированные тесты. Тесты по русскому языку 4-го и 8-го уровня являются экзаменом для бакалавров базового и высокого уровней соответственно. Эти тесты показывают уровень владения русским языком студентами, объективно оценивают эффективность и качество обучения. Вузы придают большое значение тесту по русскому языку и совершенствуют систему экзаменов. Однако результаты не всегда являются удовлетворительными. По всей стране коэффициент сдачи теста по русскому языку 4-го уровня составляет около 50%. Таким образом, только половина студентов может сдать тест на положительный результат. Коэффициент сдачи теста по русскому языку 8-го уровня составляет чуть более 30%, что также вызывает беспокойство. Профессиональные тесты по русскому языку являются крупномасштабными и имеют большое количество участников, поэтому требуют более пристального внимания к теории их составления и анализу. Практикующие преподаватели русского языка самостоятельно составляют текущие тесты, но мало кто из них изучает специальные дисциплины по навыкам и теории составления таких тестовых заданий. Здесь могут быть полезны теория преподавания русского языка, лингвистическая педагогика и другие дисциплины. При этом ученые, обладая очень богатым практическим опытом, не могут

сконструировать тесты по русскому языку 4-го и 8-го уровня в соответствии с теорией макротестирования.

Стандартизированные экзамены по русскому языку отражают результат работы по составлению учебников русского языка. Во многих вузах сегодня открывается специальность «Русский язык», поэтому составление специальных учебников является первостепенным делом. Нынешние учебники по базовым курсам русского языка примерно одинаковы по содержанию. В основном это учебники, изданные на основе общенационального планирования «Одиннадцатая пятилетка» по общему высшему образованию. Это такие учебники, как «Русский язык-Восток» [Ши Тиечан: 2009], написанный Пекинским университетом иностранных языков, «Русский язык» [факультет русского языка Хэйлунцзянского университета, 2009] Хэйлунцзянского университета и «Новый курс русского языка» [2001] Шанхайского университета иностранных языков. Для других предметов вузы выбирают различные учебники, основанные на преимуществах их учебных материалов в соответствии с учебным планом. В целом большинство вузов используют учебники, опубликованные издателями «Общество преподавания и исследования иностранных языков», «Издательство обучения в вузе» и «Издательство иноязычного образования в Шанхае». Есть такие вузы, которые используют собственные учебники (Институт русского языка Хэйлунцзянского университета, Школа русского языка Шанхайского университета международных исследований в Восточной Европе и Средней Азии, Институт русского языка Пекинского университета иностранных языков и т.д.). Вузы, использующие русские оригинальные учебники, встречаются редко. Подобные учебники имеют самые разные проблемы, например, объем информации учебников «Восток» слишком велик, грамматическая система хаотична с точки зрения китайского образования, программа составления учебников нагружена разными темами, мало имеющими связь друг с другом. Учебники Хэйлунцзянского университета и Шанхайского университета иностранных языков основаны на грамматике, но материалы относительно старые, не отражают актуальные коммуникативные и культурные особенности России, во многом несовершенны. Существует серия книг «Дорога в Россию» [Чжоу Хайянь, Чжан Хайянь, Чжао Гуйлянь, Шан Жунжун, 2007], однако она имеет слишком обширное и часто повторяющееся содержание, а также низкую вариативность. Многие проблемы постоянно повторяются в процессе создания российских профессиональных учебников: во-первых, слишком много упражнений, что не подходит общему объему академических часов, установленных в китайских вузах; во-вторых, объяснение грамматики не системно; в-третьих,

много повторяющихся упражнений; в-четвертых, слишком много новых слов, объем которых не соответствует уровню русского языка китайских студентов; в-пятых, объем текста большой, студентам трудно запоминать.

Появление качественных учебников русского языка неотделимо от высококвалифицированных преподавателей. На сегодняшний день в вузах Китая зарегистрировано около 1600 штатных преподавателей русского языка. Структура преподавательского состава выглядит следующим образом: преподаватели высшего служебного звания составляют 16,34%, почетный профессорский состав — 31,48, преподаватели среднего звена — 40,98, преподаватели низшего ранга составляют 8,9%. С точки зрения академической структуры, общее количество докторов наук составляет 39,8%, магистров — 61,2%. Количество преподавателей, имеющих опыт обучения за рубежом в русскоязычных странах составляет около 55,5%. Что касается возрастной структуры, на долю лиц моложе 35 лет приходится 29,9% от общего числа преподавателей, на 36–45 лет — 31,67% от общего числа, на 46–55 лет — 39,3% от общего числа, а на тех, кто старше 55 лет — 5,82% от общего количества. Преподаватели женского пола составляют 74,9% от общего числа всех преподавателей. Приведенные данные показывают, что разделение преподавателей в целом является достаточным и теоретически обоснованным, но проблемы все еще существуют. Так, доля преподавателей с младшими званиями относительно мала, доля преподавателей со степенью магистра относительно велика, как и преподавателей женского пола. Таким образом, мы считаем, что непрерывное совершенствование состава преподавателей для повышения качества подготовки студентов, изучающих русский язык, имеет большое значение. Проведен краткий анализ подобных кадровых проблем. Из-за факторов экономического развития региона недостаточно грамотной кадровой политики, педагогического управления и других аспектов управления, имеет место потеря преподавателей русского языка в центральной и западной частях Китая, а их возрастная структура становится все более иррациональной. Молодые преподаватели и преподаватели средних лет имеют недостаточно широкий кругозор для понимания научных исследований. Эти проблемы продолжают оставаться актуальными в рамках создания оптимального состава преподавателей.

Итак, нам нужно придерживаться государственной политики в отношении русскоговорящих стран, такой как платформа ШОС, Один пояс — Один путь, экономический коридор Китай-Монголия-Россия и т.д., на ее основе подготавливать русскоговорящих специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Минтой. 新编外语教学论 (Новая теория обучения иностранному языку). Шанхай, 2008.
2. Ли Ши. 论区域性俄语人才培养的可持续发展 (О продолжительном развитии подготовки региональных русистов) // 外语学刊 (Академический журнал иностранных языков). 2009. № 4. С. 126–128.
3. Лю Юнхун. 论“丝路经济带”构想对我国俄语人才培养的引领作用 (О ведущей роли концепции «Экономического пояса Шелкового пути» в обучении русистов в Китае) // 中国俄语教学 (Преподавание русского языка в Китае). 2015. № 3. С. 14–17.
4. Лю Сюнь. 对外汉语教学引论 (Введение в преподавание китайского как иностранного). Пекин, 2000.
5. Чжоу Хайянь, Чжан Хайянь, Чжао Гуйлянь, Шан Жунжун. 走遍俄罗斯 (Дорога в Россию). Пекин, 2007.
6. Ши Тиечан. 大学俄语 (Русский язык для вузов). Пекин, 2009.
7. Новый курс русского языка. Шанхай, 2001.

Ju Yunsheng, Wu Lianlian

A STUDY OF MODELS FOR TRAINING PROFESSIONAL PERSONNEL WITH KNOWLEDGE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN CHINA WITHIN THE FRAMEWORK OF THE “ONE BELT, ONE ROAD” INITIATIVE

*Sanghai international University, Sanghai, China;
Luoyang Institute of Technology, Luoyang, China; zhengzhengjuju@163.com,
natasha0086007@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the study of models of training Russianists in China within the framework of “one belt and one path”. It examines the issues of testing, compiling textbooks, creating a system of academic subjects, forming the structure of the teaching staff in the Russian language in China. Recently, China’s cooperation with the countries of the Russian-speaking zone has reached a record high. Based on the current situation, teaching Russian in China should internationalize the concept of teaching, the model of teaching Russian, teaching materials, forms and types of testing, teaching staff and teaching methods. It is also necessary to constantly adjust the strategy of pedagogical activities to adapt China to external activities with the countries of the Russian-speaking zone. The article discusses such issues as the goal of training specialists in the Russian language, the system of subjects, testing, compilation of textbooks, the structure of the teaching staff in the Russian language in China.

Key words: teaching methods; training model; internationalization; one belt one way; Russian language testing system

For citation: Ju Yunsheng, Wu Lianlian (2024). Study of Models of Training Professional Personnel With Knowledge of the Russian Language in China. *Lo-*

About the authors: *Ju Yunsheng* — in Philology, Associate Professor, Shanghai international University; zhengzhengjuju@163.com; *Wu Lianlian* — Assistant Professor; Luoyang Institute of Technology; natasha0086007@mail.ru.

REFERENCES

1. Li Shi. 2009. *Lun qu yu xing e yu ren cai pei yang de ke chi xu fa zhan* [On the continuous development of the training of regional Russianists], *Wai Yu Xue Kang* (Academic Journal of Foreign Languages), no.4, pp. 126–128. (In Chinese)
2. Liu Yonghong. 2015. *Lun si lu jing ji dai gou xiang dui wo guo e yu ren cai pei yang de yin ling zou yong* [On the leading role of the concept of the “Silk Road Economic Belt” in teaching Russian scholars in China], *Zhong Guo e Yu Jiao Xue* (Teaching Russian language in China), no. 3, pp. 14–17. (In Chinese)
3. Liu Xun. 2000. *Dui wai han yu jiao xue yin lun* [Introduction to Teaching Chinese as a Foreign Language]. Beijing, Beijing Language and Culture University Press. (In Chinese)
4. Wang Mingyu. 2008. *Xin Bian Wai Yu jiao Xue Lun* [A new theory of foreign language teaching]. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press. (In Chinese)
5. Zhou Haiyan, Zhang Haiyan, Zhao Guilian, Shan Rongrong. 2007. *Zou bian e luo si* [The Road to Russia]. Beijing. Publishing House “Teaching and Research of Foreign Languages”. (In Chinese)
6. Shi Tieqiang. 2009. *Da xue e yu* [Russian for universities]. Beijing: Publishing House “Teaching and Research of Foreign Languages”. (In Chinese)
7. *New course of the Russian language*. 2001. Shanghai: Shanghai Foreign Language Teaching Publishing House. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 21.01.2021;
одобрена после рецензирования 14.04.2021;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 21.01.2021;
approved after reviewing 13.04.2021;
accepted for publication 25.10.2023.

ЛИНГВИСТИКА И УРОВНИ ЯЗЫКА

Г.И. Бубнова, М.В. Гладких

ПРОСОДИЯ ОБРАЩЕННОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; gboubnova@mail.ru; marinagladki@yandex.ru

Аннотация: Политическая речь (далее – ПР) — монологическое публичное выступление политического деятеля, которое опирается на письменный текст, информативный компонент которого создается на лексико-грамматическом уровне спичрайтером, а задача политика — обеспечить адекватное понимание этой информации слушающей аудиторией. Одним из способов решения этой задачи является уменьшение дистанции между говорящим и аудиторией. Для достижения этого «взаимопонимания» говорящий использует возможности, предоставляемые устным каналом общения как на вербальном уровне — средства фонетической выразительности, создающие просодию обращенности, так и на невербальном — от позиции тела до жестов и выражения глаз. В лингвистике и психолингвистике вопрос о синергетическом взаимодействии просодии и кинесики обсуждается сегодня все чаще. Как это взаимодействие реализуется в ПР и какова его эффективность? Можно ли рассматривать реализуемую ПР как поликодовое речевое высказывание? Для ответа на поставленные вопросы в статье рассматриваются современные подходы к изучению французской ПР, представленные в корпусной [Goldman et al., 2009; Simon et al., 2010, 2013] и междисциплинарной [Кибрик, 2018; Guaitella, 2014] лингвистике, и обсуждается вопрос релевантности полученных ими результатов для описания просодии обращенности как стратегического компонента ПР.

Ключевые слова: политическая речь; просодия обращенности; фоно-стилистическая вариативность; интонационный контур; поликодовость; синергия просодии и кинесики

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-4

Для цитирования: Бубнова Г.И., Гладких М.В. Просодия обращенности во французской политической речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 44–60.

Бубнова Галина Ильинична — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; gboubnova@mail.ru.

Гладких Марина Викторовна — преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; marinagladki@yandex.ru.

© Бубнова Г.И., Гладких М.В., 2024

Введение

Политическая речь — монологическое публичное выступление политического деятеля, которое опирается на письменный текст, информативный компонент которого кодируется на лексико-грамматическом уровне спичрайтером, а задача политика — обеспечить адекватное понимание этой информации слушающей аудиторией.

В основе монологической модели устноречевого общения лежит взаимодействие двух коммуникативных установок говорящего субъекта [Бубнова, 1998].

- референтная установка реализует передачу фактуальной информации;
- интерактивная установка направлена на включение монологической деятельности в реальную ситуацию;
- эффективность интерактивного включения речи обеспечивается двумя стратегиями говорящего: это экстравертные стратегии, в центре которых слушающий(е) и контакт с ним(и), и интровертные стратегии, направленные на самого говорящего и на осуществляемую им речевую деятельность.

Одним из способов, призванных сформировать адекватное восприятие фактуальной информации ПР, является уменьшение дистанции между говорящим и аудиторией. Для достижения этого «взаимопонимания» говорящий использует возможности, предоставляемые устным общением как на вербальном уровне — средства фонетической выразительности, создающие просодию обращенности, так и на невербальном — от позиции тела до жестов и выражения глаз [Бубнова, Гладких, 2018].

Обращенность рассматривается авторами статьи как одна из экстравертных коммуникативных стратегий, используемых говорящим для установления контакта со слушающими и поддержания их внимания. Нейрофизиологи отмечают, что «внимание (*l'attention*) выделяет ту информацию, на которой концентрируется человек в ходе решения поставленной задачи» [Dehaene, 2018: 208; Lieury, Léger, 2020]. Следовательно, задача политика — создать в речевом потоке точки напряжения для активизации внимания слушающих, которые в силу естественных ограничений, накладываемых рабочей памятью, постепенно его утрачивают. Установленный нами восходяще-нисходящий контур «обращенности» часто используется ораторами в этом качестве.

Предлагаем обсудить выдвинутую гипотезу в контексте современных подходов к изучению французской ПР, представленных в корпусной [Goldman et al., 2009; Simon et al., 2010, 2013] и междисциплинарной [Кибрик, 2018; Guaitella, 2014] лингвистике, с целью рассмотреть вопрос релевантности полученных ими результатов

для описания просодии обращенности как стратегического компонента ПР.

Фоностилистический статус французской политической речи

В указанных корпусных исследованиях ставятся и решаются следующие задачи: 1) определить просодические параметры, вариативность которых коррелирует (с разной степенью жесткости) с поддающимися объективному наблюдению ситуационными факторами; 2) установить критерии, позволяющие квалифицировать комбинацию просодических и ситуативных параметров как отдельный фоностиль.

Исследование проводится на корпусе C-PROM¹, который состоит из 24 записей (общей длительностью около 70 минут), реализованных 29 франкоговорящими (Франция, Бельгия, Швейцария) в семи коммуникативных ситуациях: ПР, выступление на научной конференции, радиоинтервью, радионовости, чтение вслух статьи, объяснение маршрута прохожему, бытовой рассказ.

Экспериментальный корпус подбирается методом сплошной выборки с целью изучить варьирование просодических характеристик в текстах, реализованных разными говорящими в одной ситуации (интердикторскую вариативность), исключая возможность изучения речевых реализаций одного и того же диктора в разных ситуациях (интрадикторскую вариативность).

Важно в связи с этим обратиться к мысли П. Леона, одного из основоположников современной французской фоностилистики, о том, что на фонетическом уровне в речи говорящего следует выделять идентифицирующие (детерминированные полом, возрастом, темпераментом, происхождением, социальным статусом и пр.) и импрессивные (собственно фоностилистические) черты. Идентифицирующие черты, в отличие от импрессивных, не поддаются варьированию в зависимости от ситуации общения и рассматриваются в рамках социолингвистики как компоненты диалекта, социолекта, идиолекта. Импрессивные черты — результат выбора говорящим фонетических средств в зависимости от цели и ситуации общения. Фоностилистическое варьирование речи предполагает, таким образом, что говорящий владеет разными стилями произношения и сознательно подчиняет свою речь требованиям ситуации, не нейтрализуя при этом своего идиолекта [Léon, 1993: 5–6].

Следовательно, весьма важной для фоностилистического исследования оказывается возможность сопоставительного изучения

---

¹ C-PROM — аннотированный корпус французских звучащих текстов, созданный [Avanzi et al., 2010] для изучения метода автоматического распознавания слов.

речевых реализаций одного диктора в разных ситуациях речепорождения, поскольку именно интрадикторская вариативность обладает наибольшей информативностью для выделения и описания собственно фоностилистических черт. В целом ряде экспериментально-фонетических исследований этот принцип, как правило, учитывается при подборе экспериментального материала. Так, лингвисты изучают как интер-, так и интрадикторскую вариативность просодических характеристик в ситуации дебатов и монологического публичного выступления [Bardiaux, 2010; André et al., 2014; Hirsch et al., 2016], политического и неформального интервью [Duez, 2003], внутрипартийных политических дебатов и дебатов между кандидатами на пост президента [Béchet et al., 2013].

В этом случае изучение фоностилистической вариативности базируется на многофакторной классификации ситуативных параметров, которые релевантны для фонетического варьирования и доступны для наблюдения. К таким параметрам лингвисты относят:

- отношения между говорящим и его партнером(ами) по коммуникации, социальный контекст и тематику общения [Labov, 1972];
- степень интеллектуальной доступности речи, степень знакомства говорящих и их социальный статус [Eskénazi, 1993].

Коммуникативные ситуации, представленные в корпусе C-PROM, характеризуются контрастным набором экстралингвистических параметров, которые, по мысли авторов, ассоциируются у говорящих с определенным речевым стилем (см. с. 48).

Для конкретизации этих параметров используется модель, разработанная немецкими лингвистами [Koch, Oesterreicher, 2001]: это 10 пар концептуальных признаков, задающих варьирование устного и / или письменного речепорождения, они расположены на схеме² между двумя экстремальными коммуникативными точками контактность / дистантность (табл. 1).

Противопоставленность параметров носит градуальный характер, что позволяет построение коммуникативного рельефа любого стилистически конгруэнтного высказывания. Приведем схему концептуального рельефа профессионального интервью.

Схема [Koch, Oesterreicher, 2001] идеально подходит для решения задачи, поставленной в исследовании Симон: построить с помощью информантного анализа концептуальный рельеф высказываний, репрезентирующих указанные коммуникативные ситуации (см. с. 48) и затем установить наличие / отсутствие корреляции полученных просодических параметров и ситуативных характеристик. Прослушивание звучащих текстов процедурой информантного

² Схема частично доработана нами для наглядности и экономии места.

анализа не предусмотрено. Иначе говоря, информанты используют эти параметры для создания концептуального рельефа предложенных [Simon et al., 2010] типовых ситуаций, а не для определения стилеобразующих стратегий говорящих.

Таблица 1

Классификация концептуальных / ситуативных параметров [Koch, Oesterreicher, 2001]

К О Н Т А К Т Н О С Т Ь	общение		Д И С Т А Н Т Н О С Т Ь
	межличностное	публичное	
	собеседник		
	знакомый	незнакомый	
	эмоциональность		
	сильная	слабая	
	связь высказывания с действиями партнеров по коммуникации и ситуацией общения		
	есть	нет	
	связь высказывания с местом, где проходит общение		
	есть	нет	
	собеседник		
	актуальный	виртуальный	
	взаимодействие с собеседником		
активное	нет		
общение			
спонтанное	подготовленное		
фиксированная тема			
есть	нет		
диалог	монолог		
трансляция общения в СМИ ³			
есть	нет		

Процедура анализа, проведенного французскими исследователями, включает два этапа:

1. Акустический анализ корпуса с использованием методов автоматической обработки сигнала (скрипты EasyAlign, ProsoProm, ProsoReport, разработанные для программы электронно-акустического анализа Praat). Анализу подвергаются временные характеристики (скорость речи, скорость артикуляции, соотношение артику-

³ Параметр, добавленный [Goldman et al., 2009] и отсутствующий у [Koch, Oesterreicher, 2001].

ляция / паузация), частотные характеристики (частотный диапазон), ритмическая организация речи, процентное содержание ударных слогов от общего количества слогов и процентное содержание ударений, локализованных на первом слоге слова, использование хезитационных средств.

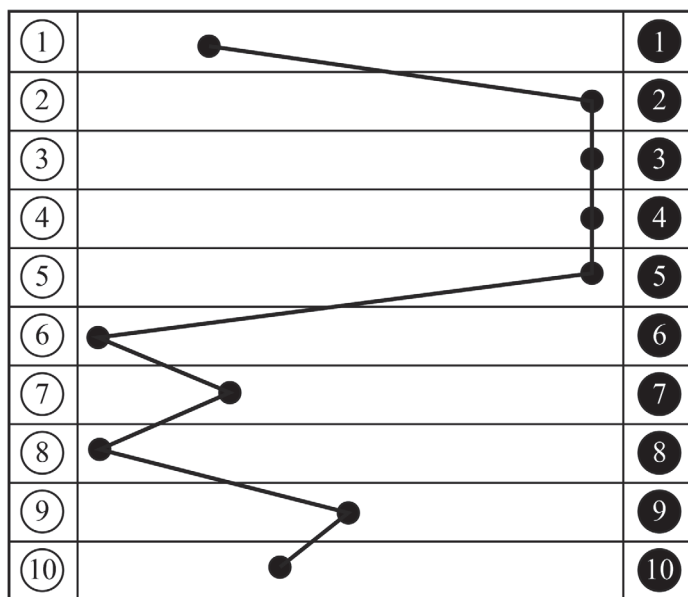

Рис. 1. Концептуальный рельеф профессионального интервью [Koch, Oesterreicher, 2001: 587]

Авторы выполняют сегментацию текста на фонационные отрезки (*unités séparées par des pauses* или USP). Вариативность методик, применяемых для сегментации звучащих текстов в зависимости от цели и материала исследования, подробно рассмотрена в статье Бубновой [Бубнова, 2021].

В ходе акустического анализа авторы рассчитывают средние значения указанных просодических характеристик для: а) каждого из 24 вошедших в корпус исследования звучащих текстов; б) 7 групп текстов, получивших по результатам информантного анализа один концептуальный рельеф.

2. Фоностилистический анализ корпуса (выявление наличия / отсутствия корреляции просодических параметров и ситуативных характеристик).

Кратко обобщим результаты проведенных исследований в соответствии с двумя поставленными авторами задачами.

I. Корреляция просодических и ситуативных параметров.

В ходе анализа установлено, что:

- степень подготовленности речи говорящего коррелирует с коэффициентом паузации (чем меньше степень подготовленности, тем больше коэффициент паузации) и с количеством хезитационной фонации (чем меньше степень подготовленности, тем больше количество хезитационной фонации) [Simon et al., 2010];
- публичный / межличностный характер общения коррелирует с величиной диапазона частоты основного тона (далее — ЧОТ): в образцах публичной речи диапазон ЧОТ больше, чем в ситуации межличностного общения;
- наличие / отсутствие трансляции общения в СМИ коррелирует с: а) процентным содержанием ударных слогов от общего количества слогов; б) процентным содержанием выделительного ударения от общего количества ударных слогов: в высказываниях, транслируемых СМИ, количество ударных слогов и выделительного ударения больше, чем в нетранслируемых [Goldman et al., 2009];
- способ порождения (чтение — не чтение в терминологии авторов) коррелирует со скоростью артикуляции и скоростью речи: в ситуациях чтения речь говорящих характеризуется более высокой скоростью артикуляции и речи, в ситуации не чтения — более низкой. Отметим, что наличие корреляции указанных параметров установлено во всех ситуациях чтения, кроме ПР, которая характеризуется наименьшими значениями скорости артикуляции и скорости речи.

II. Критерии, позволяющие квалифицировать комбинацию просодических и ситуативных параметров как отдельный фоностиль.

На основании данных, полученных в ходе анализа вариативности просодических характеристик в звучащих текстах, получивших один концептуальный рельеф, авторы делают вывод о возможности выделения трех фоностилей:

- нейтральное чтение (фр. *Lecture neutre à voix haute*);
- новостная радиопередача (фр. *Journal parlé*);
- политическая речь (фр. *Discours politique*).

Основаниями для их выделения авторы считают:

- внутрителивую конгруэнтность: в указанных выше группах звучащих текстов, получивших один концептуальный рельеф, на акустическом уровне авторы констатируют отсутствие значимой интердикторской вариативности просодических характеристик;
- межстилевую дифференцированность: противопоставляя группы текстов, характеризующиеся внутрителивовой конгруэнтностью,

авторы выделяют просодические параметры, которые могут быть названы стилеобразующими. Так, например, речь дикторов, ведущих новостные радиопередачи, характеризуется самой высокой скоростью речи и самым низким коэффициентом паузации, нейтральное чтение — самой высокой скоростью артикуляции и самым узким диапазоном ЧОТ, ПР — самыми низкими значениями скорости артикуляции и речи.

Звучащие тексты, концептуальные рельефы которых определены информантами как выступление на научной конференции, радиоинтервью, объяснение маршрута прохожему, бытовой рассказ демонстрируют на просодическом уровне такую интердикторскую вариативность, которая не поддается систематизации в рамках одного фоностилья.

Релевантным для нашего исследования является вывод Симон об отсутствии в ситуации ПР, в отличие от других ситуаций озвучивания письменного текста, корреляции между способом порождения и анализируемыми временными характеристиками. Полученные авторами результаты подтверждают, что стратегии озвучивания письменного текста в ПР отличаются от реализуемых говорящими в ситуациях новостной радиопередачи, нейтрального чтения и выступления на конференции. Открытым, однако, остается вопрос определения специфики стратегий озвучивания в ситуации ПР.

Поликодовый статус политической речи

Элементы ответа на этот вопрос находим в [Guaitella, 2014]. В отличие от [Goldman et al., 2009; Simon et al., 2010, 2013] автор анализирует фоностиль ПР изнутри, изучая ораторскую технику таких политических деятелей, как Де Голль, Марше, Миттеран, Ширак, Саркози, Олланд. Эта дискурсивная техника рассматривается как поликодовое (multimodal в терминологии автора) явление, создаваемое синергией просодии и кинесики. Анализируя записи ПР, реализация которых охватывает временной период более чем в 60 лет, И. Гаителла отмечает влияние исторического контекста на выбор и использование ораторами стилеобразующих просодических средств.

Каждый из указанных политиков создает свой собственный дискурсивный стиль, оригинальность которого проявляется, по мнению автора, в способе как подачи информативного компонента высказывания (фокусировка информации), так и реализации эмоционально-экспрессивного воздействия на слушающих.

На уровне просодии для анализа выбран восходяще-нисходящий тональный контур (ЧОТ), описанный П. Делаттром в статье “Les 10 intonations de base du français” [Delattre, 1966] и названный импли-

Многопараметрическая таблица [Guaïtella, 1991, 1995] показывает в покадровой разбивке восходящие и нисходящие траектории параметров частоты основного тона (F0) и движений бюста, головы, рук и бровей. Развертывание параметров синхронизировано, произносимый текст указан под таблицей и локализован на временной оси.

Обзор работ, посвященных этой проблеме [Беликов, 1991; Морозов, 2011; Кибрик, 2018], показывает, что синергия просодия — кинесика естественно сопровождает устное порождение речи.

Проведенный нами на материале ПР пилотный эксперимент по изучению просодии обращенности свидетельствует тем не менее, что отсутствие визуального канала при прослушивании ПР в ходе аудиторского анализа не препятствует восприятию информантами речи оратора как обращенной.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в рассмотренных фоностилистических исследованиях установлена следующая специфика ПР на просодическом уровне: низкий темп, высокий коэффициент паузации, большой процент ударных слогов, широкий диапазон ЧОТ, отсутствие хезитации. Этот усредненный «просодический портрет» ПР в целом совпадает с результатами, полученными в ходе проведенного нами акустического анализа ПР, что подтверждает фоностилистическую релевантность отобранного нами корпуса [Бубнова, Гладких, 2018].

Важно отметить, что три фоностиля (*нейтральное чтение, новостная радиопередача и ПР*), показавшие на просодическом уровне внутрстилевую конгруэнтность и межстилевую дифференцированность, характеризуются одной специфичной чертой: они представляют собой озвучивание письменного текста. Именно опора на письменный текст — непосредственно зрительная в нейтральном чтении и в новостной передаче и опосредованно зрительная в ПР — детерминирует стратегию *читающего* говорящего, который, встраивая озвучивание в разные ситуации, остается чтецом. Ситуативно он убыстряет чтение в *новостной радиопередаче*, реализует *нейтральное чтение* в среднем темпе, выразительно и «обращенно» воспроизводит письменный текст своей политической речи. Иначе говоря, результаты, полученные в исследованиях [Goldman et al., 2009; Simon et al., 2010, 2013], возвращают нас к выводу И.Р. Гальперина [2007: 15–25], который писал, что только письменная речь способна создать структуру, стиль, текст, а устно порождаемая речь такой формальной организацией не обладает. С этим выводом нельзя не согласиться, — действительно не обла-

дает, поскольку, в отличие от письменной, характеризуется собственной нормативностью и, следовательно, собственной формальной организацией. Проблема в том, что изучение этой нормативности проводится в зеркале письменной, т.е. методами — и концептуальный рельеф высказывания один из них, — выработанными для анализа письменной речи.

Комментируя исследование Гаителлы, подчеркнем, что поликодность ПР может быть представлена сложнее, поскольку на вербальном уровне наблюдается взаимодействие двух каналов порождения: письменного и устного. Это позволяет говорить, как минимум, о двуканальности уже на вербальном уровне. Выбор для анализа тонального компонента контура легко объясним тем фактом, что движение ЧОТ воспринимается и определяется слушающим легче, чем вариативность интенсивности и времени. Однако лингвистические представления о процессе порождения и восприятия устной речи не могут не учитывать выводы, полученные нейробиологами и психолингвистами в ходе исследования роли колебательных процессов в электрической активности структур мозга при выполнении различных когнитивных функций [Данилова, 2006; Казанович, 2018; Poeppel, 2003; Guiraud, 2017].

За прошедшие годы накоплен большой экспериментальный материал, убедительно свидетельствующий о наличии тесной связи между гамма-, тета- и дельта-колебаниями, с одной стороны, и (суб)фонемной, слоговой и ритмической обработкой речи, с другой. Исследования показывают, что мозг использует это взаимодействие для преобразования речевых ритмов в лингвистические сегменты, обеспечивая таким образом порождение и восприятие речи [Giraud & Poeppel, 2012; Nyafil et al., 2015; Fontolan, 2015].

Экспериментальная модель предполагает, что восприятие звуков синхронизируется с гамма-колебаниями (варьирующимися от 20 мс до 100 мс), восприятие слогов — с тета-колебаниями (100–250 мс) и восприятие акцентно-мелодических периодов — с дельта-колебаниями (250–1200 мс). Чрезвычайно важным выводом исследователей является наблюдение о временной упорядоченности этих колебаний, их «встроенности» друг в друга.

Отсюда вывод: определение когнитивного статуса акцентно-мелодических единиц, оформляемых восходяще-нисходящим контуром, не может абстрагироваться от их временной упорядоченности как между собой, так и по сравнению с другими акцентно-мелодическими группами, реализуемыми в речевом потоке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беликов А.П.* Функциональное взаимодействие речи и жеста: инструментальное исследование: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991. 160 с. URL: <https://cheloveknauka.com/funktsionalnoe-vzaimodeystvie-rechi-i-zhesta> (дата обращения: 25.05.2023).
2. *Бубнова Г.И.* Основные интонационные контуры: акустическая форма и функции, выполняемые в устнопорождаемой речи (на материале французского языка) // Сб. научных трудов «Экспериментальные исследования звучащей речи». 1998. С. 3–28.
3. *Бубнова Г.И., Гладких М.В.* Просодия обращенности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №3. С. 46–57.
4. *Бубнова Г.И.* Лингво-когнитивные стратегии, определяющие трансформации письменного текста в ситуации чтения и говорения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 9–19.
5. *Бубнова Г.И.* Перцептивно-слуховая сегментация устно порождаемой речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 51–64.
6. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007.
7. *Данилова Н.Н.* Роль высокочастотных ритмов электрической активности мозга в обеспечении психических процессов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 2. С. 62–72. URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2011/04/26/1210584340/62-72.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).
8. *Казанович Я.Б.* Осцилляторные нейросетевые модели когнитивных функций мозга: Автореф. дисс. ... докт. физ.-мат. наук. Пушкино, 2018. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008709131/ (дата обращения: 01.06.2023).
9. *Кибрик А.А.* Русский мультимедийный дискурс. Ч. I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. 39(1). С. 70–80. URL: https://multidiscourse.ru/data/pub/kibrik_psy_journal_1_2018.pdf (дата обращения: 1.06.2023).
10. *Морозов В.П.* Невербальная коммуникация: Экспериментально-психологические исследования. М., 2011.
11. *André F., Hirsch F., Béchet M., Defradas M., Didirková I., Maturafi L., Elodie B.* La pause : un paramètre variable dans le discours politique // SHS Web of Conferences. 2014. vol. 8. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20140801354> (дата обращения: 10.05.2023).
12. *Avanzi M., Simon A.C., Goldman J.P., Auchlin A.* C-PROM : Un corpus de français parlé annoté pour l'étude des proéminences // Proceedings of JEP. 2010. URL: https://www.researchgate.net/publication/236971668_C-PROM_Un_corpus_de_francais_parle_annoté_pour_l%27étude_des_proéminences (дата обращения: 02.06.2023).
13. *Bardiaux A.* Comment parlent les hommes politiques ? Analyse prosodique de la parole politique publique : de la variation stylistique à la variation individuelle // Recherches en Communication. 2010. Vol. 32. Issue 32. P. 207–223. DOI: <https://doi.org/10.14428/rec.v32i32.51763> (дата обращения: 02.06.2023).
14. *Béchet M., Sandré M., Hirsch F., Richard A., Marsac F. et al.* De l'utilisation de la pause silencieuse dans le débat politique télévisé. Le cas de François Hollande // Mots. Les langages du politique. 2013. Vol.103. P. 23–38. URL: <https://journals.openedition.org/mots/21460> (дата обращения: 02.06.2023).
15. *Dehaene S.* Apprendre ! Les talents du cerveau, le défi des machines. Paris, 2018.
16. *Delattre P.* Les dix intonations de base du français // The French Review. 1966. Т. 40. P. 67–211.

17. *Duez D.* Le pouvoir du silence et le silence du pouvoir : comment interpréter le discours politique // *MediaMorphoses*. 2003. No. 8. P. 77–82. URL: <http://www2.lpl-aix.fr/~fulltext/1619.pdf> (дата обращения: 02.06.2023).
18. *Eskénazi M.* Trends in Speaking Styles Research // *Proceedings Eurospeech'93*. 1993. Vol. 2. P. 501–509.
19. *Fontolan L.* Encoding speech through brain rhythms: a computational model of auditory cortex. THÈSE Présentée à la Faculté des Sciences de l'Université de Genève pour obtenir le grade de Docteur en Neurosciences. Université de Genève, 2015. URL: https://archive-ouverte.unige.ch/files/downloads/0/0/1/2/4/1/0/9/unige_124109_attachment01.pdf (дата обращения: 01.06.2023).
20. *Giraud, A.L., Poeppel D.* Cortical oscillations and speech processing: emerging computational principles and operations. // *Nature neuroscience*. 2012. Vol. 15. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4769593/> (дата обращения: 01.06.2023).
21. *Guiraud H.* Symphonie des oscillations cérébrales lors de la perception de parole : Études comportementale et en magnétoencéphalographie chez les enfants neurotypiques et dysphasiques. Thèse présentée en vue de l'obtention du grade de DOCTEUR EN PSYCHOLOGIE DE L'UNIVERSITE DE LYON. Discipline : Sciences Cognitives mention Linguistique, 2017. URL: http://www.ddl.cnrs.fr/fulltext/Guiraud/Guiraud_2017_These.pdf (дата обращения: 03.06.2023).
22. *Goldman, J.P., Auchlin, A., Simon, A.C.* Discrimination de styles de parole par analyse prosodique semi-automatique // *Actes d'IDP*. 2009. P. 207–221. URL: <https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal:110706> (дата обращения: 02.06.2023).
23. *Guaïtella I.* Comparaison critique du rythme de la lecture oralisée et de la parole spontanée. Thèse de Doctorat, Université de Provence, Aix-en-Provence, 1991.
24. *Guaïtella I.* Mélodie du geste, mimique vocale? // *Semiotica*. 1995. Vol. 103. No 3-4. P. 253–76.
25. *Guaïtella I.* Proéminences et éminences : savoir-faire discursif, faillances et défaillances des hommes politiques // *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage*. 2014. Vol. 30. URL: <http://journals.openedition.org/tipa/1248> (дата обращения: 02.05.2023).
26. *Hyañil A., Fontolan L., Kabdebon C., Gutkin B., Giraud A.L.* Speech encoding by coupled cortical theta and gamma oscillations. // *eLife*. 2015. Vol. 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.7554/eLife.06213.001> (дата обращения: 02.06.2023).
27. *Hirsch F., Marsac F., Didirková I., Béchet M. et al.* Spécificités du rythme de la parole politique. Le cas de François Hollande // *Romanica Wratislaviensia*. 2016. №63. P. 145–155. URL: <https://shs.hal.science/halshs-02289512> (дата обращения: 02.06.2023).
28. *Koch P., Oesterreicher W.* *Langage parlé et langage écrit*. Tübingen: Max Niemeyer. 2001. P. 584–627.
29. *Labov W.* *Sociolinguistic Patterns*. Pennsylvania, 1972.
30. *Léon P.* *Précis de phonostylistique. Parole et expressivité*. Paris, 1993.
31. *Lieury A., Léger L.* *Introduction à la psychologie cognitive*. Paris, 2020.
32. *Poeppel D.* The analysis of speech in different temporal integration windows: cerebral lateralization as 'asymmetric sampling in time' // *Speech Commun*. 2003. 41. P. 245–255. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0167-6393\(02\)00107-3](https://doi.org/10.1016/S0167-6393(02)00107-3) (дата обращения: 03.06.2023).
33. *Simon A.C., Auchlin A., Avanzi M., Goldman J.P.* Les phonostyles: une description prosodique des styles de parole en français. In: *Abecassi, M. & G. Ledegen, Les voix des Français. En parlant, en écrivant*. Berne, 2010. URL: https://www.unine.ch/files/live/sites/structuration_periodes/files/shared/new_am/simon_.pdf (дата обращения: 02.06.2023).

34. Simon A.C., Auchlin A., Goldman J.P., Christodoulides G. Tendances prosodiques de la parole radiophonique // Cahiers de Praxématique. 2013. Vol. 61. DOI:10.4000/praxematique.1899 (дата обращения: 02.06.2023).

Galina I. Bubnova, Marina V. Gladkikh

THE PROSODY OF ADDRESSING IN FRENCH POLITICAL SPEECH

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gboubnova@mail.ru; marinagladki@yandex.ru

Abstract: Political speech (hereinafter PS) is a monological public speech of a political figure, which relies on a written text, the informative component of which is created at the lexico-grammatical level by the speechwriter, and the task of the politician is to ensure that the information is adequately understood by the listening audience. One way of doing this is to reduce the distance between the speaker and the audience. To achieve this “understanding”, the speaker uses the opportunities provided by the oral channel of communication both at the verbal level — the means of phonetic expression that create the prosody of the address — and at the non-verbal level — from body posture to gestures and eye expressions. In linguistics and psycholinguistics the synergetic interaction between prosody and kinesics is increasingly discussed today. How is this interaction realised in PS and what is its effectiveness? Is it possible to consider the realised PS as a multimodal speech utterance? In order to answer these questions this article examines the current approaches to the study of French PS presented in corpus linguistics [Goldman et al., 2009; Simon et al., 2010, 2013] and interdisciplinary linguistics [Kibrik, 2018; Guaitella, 2014] and discusses the relevance of their results to describe the prosody of address as a strategic component of PS.

Key words: political speech; prosody of the addressing; phonostylistic variability; intonational contour; multimodality; synergy between prosody and kinesics

For citation: Bubnova G.I., Gladkikh M.V. (2024) Prosody of the Addressing in French Political Speech. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 44–60. (In Russ.)

About the authors: Galina I. Bubnova — Dr. Habil in Philology, Professor, The Head of the Department of the French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University; gboubnova@mail.ru; Marina V. Gladkikh — lecturer of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University; marinagladki@yandex.ru.

REFERENCES

1. Belikov A.P. 1991. *Funktsional'noe vzaimodeistvie rechi i zhesta: instrumental'noe issledovanie* [Functional interaction between speech and gesture: an instrumental study]. Moscow. URL: <https://cheloveknauka.com/funktsionalnoe-vzaimodeystvie-rechi-i-zhesta> (accessed: 25.05.2023). (In Russ.)

2. Bubnova G.I. 1998. Osnovnye intonatsionnye kontury: akusticheskaya forma i funktsii, vypolnyaemye v ustnoporozhdaemoi rechi (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Basic intonation contours: acoustic form and functions realised in oral speech production]. *Coll. of scientific papers "Experimental studies of oral speech production"*, pp. 3–28. (In Russ.)
3. Bubnova G.I., Gladkikh M.V. 2018. Prosodiya obrashchennosti [Prosody of the addressing]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, № 3, pp. 46–57. (In Russ.)
4. Bubnova G.I. 2020. Lingvo-kognitivnye strategii, opredelyayushchie transformatsii pis'mennogo teksta v situatsii chteniya i govoreniya [Linguistic and cognitive strategies that determine the transformation of written text in reading and speaking situations]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, № 4, pp. 9–19. (In Russ.)
5. Bubnova G.I. 2021. Pertseptivno-slukhovaya segmentatsiya ustno porozhdaemoi rechi [Perceptual-aural segmentation of oral speech]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, № 3, pp. 51–64. (In Russ.)
6. Gal'perin I.R. 2007. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga. (In Russ.)
7. Danilova N.N. 2006. Rol' vysokochastotnykh ritmov elektricheskoi aktivnosti mozga v obespechenii psikhicheskikh protsessov [The role of high-frequency rhythms of brain electrical activity in providing psychic processes]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 3, no. 2, pp. 62–72. URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2011/04/26/1210584340/62-72.pdf> (accessed: 1.06.2023). (In Russ.)
8. Kazanovich Ya. B. 2018. *Ostsillyatormnye neirosetevye modeli kognitivnykh funktsii mozga*. [Oscillatory neural network models of brain cognitive functions.] AVTOREFERAT dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni doktora fiziko-matematicheskikh nauk. Pushchino. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_008709131/ (accessed: 1.06.2023). (In Russ.)
9. Kibrik A.A. 2018. Russkii mul'tikanal'nyi diskurs. Chast' I. Postanovka problemy [Russian multimodal discourse. Part I. Statement of the problem]. *Psychological Journal*, 39(1), pp. 70–80. URL: https://multidiscourse.ru/data/pub/kibrik_psy_journal_1_2018.pdf (accessed: 1.06.2023). (In Russ.)
10. Morozov V.P. 2011. *Neverbal'naya kommunikatsiya: Eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya* [Nonverbal Communication: Experimental Psychological Research]. Moscow, Izd-vo «Institut psikhologii RAN». (In Russ.)
11. André F., Hirsch F., Béchet M., Defradas M., Didirková I., Maturafi L., Elodie B. 2014. La pause: un paramètre variable dans le discours politique. *SHS Web of Conferences*, vol. 8. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20140801354> (accessed: 10.05.2023). (In French)
12. Avanzi M., Simon A.C., Goldman J.P., Auchlin A. 2010. C-PROM: Un corpus de français parlé annoté pour l'étude des proéminences [A corpus of annotated spoken French for the study of prominences]. In *Proceedings of JEP*. URL: https://www.researchgate.net/publication/236971668_C-PROM_Un_corpus_de_francais_parle_annoté_pour_l'étude_des_proéminences (accessed: 02.06.2023). (In French)
13. Bardiaux A. 2010. Comment parlent les hommes politiques ? Analyse prosodique de la parole politique publique : de la variation stylistique à la variation individuelle [How do politicians speak? Prosodic analysis of public political speech: from stylistic variation to individual variation]. *Recherches en Communication*, vol. 32, issue 32, pp. 207–223. DOI: <https://doi.org/10.14428/rec.v32i32.51763> (accessed: 02.06.2023). (In French)

14. Béchet M., Sandré M., Hirsch F., Richard A., Marsac F. et al. 2013. De l'utilisation de la pause silencieuse dans le débat politique télévisé. Le cas de François Hollande [On the use of the silent pause in the televised political debate. The case of François Hollande]. *Mots. Les langages du politique*, vol.103, pp. 23–38. URL: <https://journals.openedition.org/mots/21460> (accessed: 02.06.2023). (In French)
15. Dehaene S. 2018. *Apprendre ! Les talents du cerveau, le défi des machines* [Learning! The talents of the brain, the challenge of machines]. Paris, Odile Jacob. (In French)
16. Delattre P. 1966. Les dix intonations de base du français. [Ten basic intonations of French]. *The French Review*, T. 40, pp. 67–211. (In French)
17. Duez D. 2003. Le pouvoir du silence et le silence du pouvoir : comment interpréter le discours politique [The power of silence and the silence of power: interpreting political discourse]. *MediaMorphoses*, no. 8, pp. 77–82. URL: <http://www2.lpl-aix.fr/~fulltext/1619.pdf> (accessed: 02.06.2023). (In French)
18. Eskénazi M. 1993. Trends in Speaking Styles Research. *Proceedings Eurospeech'93*, vol. 2, pp. 501–509. (In French)
19. Fontolan L. 2015. Encoding speech through brain rhythms: a computational model of auditory cortex. THÈSE Présentée à la Faculté des Sciences de l'Université de Genève pour obtenir le grade de Docteur en Neurosciences. Université de Genève. URL: https://archive-ouverte.unige.ch/files/downloads/0/0/1/2/4/1/0/9/unige_124109_attachment01.pdf (accessed: 02.06.2023)
20. Guiraud H. 2017. Symphonie des oscillations cérébrales lors de la perception de parole : Études comportementale et en magnétoencéphalographie chez les enfants neurotypiques et dysphasiques [Symphony of brain oscillations during speech perception: Behavioral and magnetoencephalography studies in neurotypical and dysphasic children]. Thèse présentée en vue de l'obtention du grade de DOCTEUR EN PSYCHOLOGIE DE L'UNIVERSITE DE LYON. Discipline: Sciences Cognitives mention Linguistique. URL: http://www.ddl.cnrs.fr/fulltext/Guiraud/Guiraud_2017_These.pdf (accessed: 03.06.2023). (In French).
21. Giraud, A.L., Poeppel D. 2012. Cortical oscillations and speech processing: emerging computational principles and operations. *Nature neuroscience*, vol. 15. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4769593/> (accessed: 01.06.2023)
22. Goldman, J.P., Auchlin, A., Simon, A.C. 2009. Discrimination de styles de parole par analyse prosodique semi-automatique [Discrimination of speech styles by semi-automatic prosodic analysis]. In *Actes d'IDP*, pp. 207–221. URL: <https://dial.uclouvain.be/pr/boreal/object/boreal:110706> (accessed: 02.06.2023). (In French)
23. Guaïtella I. 1991. *Comparaison critique du rythme de la lecture oralisée et de la parole spontanée* [Critical comparison of the rhythm of oralized reading and spontaneous speech]. Thèse de Doctorat, Aix-en-Provence, Université de Provence. (In French)
24. Guaïtella I. 1995. Mélodie du geste, mimique vocale ? [Melody of gesture, vocal mimicry?] *Semiotica*, vol. 103, no. 3–4, pp. 253–76.
25. Guaïtella I. 2014. Proéminences et éminences : savoir-faire discursif, faillances et défaillances des hommes politiques [Prosodic and gestural prominences in political discourse : emphasis, focalization and politicians' abilities]. *TIPA. Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage*, vol. 30. URL: <http://journals.openedition.org/tipa/1248> (accessed: 02.05.2023). (In French)
26. Hyafil A., Fontolan L., Kabdebon C., Gutkin B., Giraud A.L. 2015. Speech encoding by coupled cortical theta and gamma oscillations. *eLife*, vol. 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.7554/eLife.06213.001> (accessed: 02.06.2023)
27. Hirsch F., Marsac F., Didirková I., Béchet M. et al. 2016. Spécificités du rythme de la parole politique. Le cas de François Hollande [Specificities of the rhythm of po-

- litical speech. The case of François Hollande]. *Romanica Wratislaviensia*, no. 63., pp. 145–155. URL: <https://shs.hal.science/halshs-02289512> (accessed: 02.06.2023). (In French)
28. Koch P., Oesterreicher W. 2001. *Langage parlé et langage écrit* [Spoken and written language]. Tübingen, Max Niemeyer. pp. 584–627. (In French)
  29. Labov W. 1972. *Sociolinguistic Patterns*. Pennsylvania, University of Pennsylvania Press.
  30. Léon P. 1993. *Précis de phonostylistique, Parole et expressivité* [Phonostylistics review, Speech and Expressivity]. Paris, Nathan Université. (In French)
  31. Lieury A., Léger L. 2020. *Introduction à la psychologie cognitive* [Introduction to cognitive psychology]. Paris, Dunod. (In French)
  32. Poeppel D. 2003. The analysis of speech in different temporal integration windows: cerebral lateralization as “asymmetric sampling in time”. *Speech Commun*, 41, pp. 245–255. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0167-6393\(02\)00107-3](https://doi.org/10.1016/S0167-6393(02)00107-3) (accessed: 03.06.2023).
  33. Simon A.C., Auchlin A., Avanzi M., Goldman J.P. 2010. *Les phonostyles: une description prosodique des styles de parole en français* [Phonostyles: a prosodic description of speech styles in French]. In: Abecassi, M. & G. Ledegen, Les voix des Français. En parlant, en écrivant. Berne. Peter Lang. URL: https://www.unine.ch/files/live/sites/structuration_periodes/files/shared/new_am/simon_.pdf (accessed: 02.06.2023). (In French)
  34. Simon A.C., Auchlin A., Goldman J.P. & Christodoulides G. 2013. Tendances prosodiques de la parole radiophonique [Prosodic trends in radio speech]. *Cahiers de praxématique*, no. 61. DOI: 10.4000/praxématique.1899 (accessed: 02.06.2023). (In French)

Статья поступила в редакцию 05.06.2023;
одобрена после рецензирования 20.09.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 05.06.2023;
approved after reviewing 20.09.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

И.Л. Лебедева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РУССКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; lebedevamsu@yandex.ru

Аннотация: Представленная статья посвящена исследованию ряда рекуррентных черт, характерных для пользователей русского варианта английского языка в рамках письменного дискурса на английском языке, а именно в образовательном, академическом, художественном и урбанистическом контекстах. В статье доказывается, что русская культура, ментальность и идентичность реализуются посредством целого спектра транслингвальных практик, начиная с трансференции пунктуационного оформления русской письменной речи и способа ее представления, включая синонимическую вариативность и создание гибридных англо-русских каламбуров на уровне взаимодействия латиницы и кириллицы, и заканчивая «локализацией и натилизацией» [Platt, Weber and Ho, 1984: 2–3] не только общеупотребительных слов и терминов, одинаково понимаемых носителями большинства вариантов английского языка, но и даже целых произведений мировой художественной культуры на русском варианте английского языка. Совокупность перечисленных факторов свидетельствует о том, что русский вариант английского языка служит инструментом трансляции русской лингвокультурной идентичности и ментальности, которые делают данный вариант языка узнаваемым для носителей как русского варианта, так и других вариантов английского языка, носители которых знакомы с русской лингвокультурой.

Ключевые слова: русский вариант английского языка; академический дискурс; вариантология; дискурс; реферирование; художественный перевод; урбанонимы

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-5

Для цитирования: Лебедева И.Л. О некоторых особенностях функционирования русского варианта английского языка в письменном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 61–74.

Лебедева Ирина Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; lebedevamsu@yandex.ru.

Введение

Русский вариант английского языка характеризуется наличием определенных рекуррентных черт, регулярно воспроизводимых большинством русскоязычных носителей английского языка в разных областях письменного дискурса. Сразу стоит оговориться, что вопрос существования русского варианта английского языка неизменно вызывает неоднозначную реакцию среди многих российских лингвистов, однако мы придерживаемся позиций контактной вариатологии английского языка (World Englishes / WE), в основе которой лежит теория трех концентрических кругов мирового английского Б. Качру [Качру, 1985]. Согласно данному направлению лингвистики русский вариант английского языка является легитимной данностью и относится к вариантам английского языка Расширяющегося круга [Russian English: History, Functions, and Features, 2016] наряду с китайским, корейским, японским и другими вариантами английского языка. Напомним, что к вариантам Внутреннего круга относятся варианты английского языка, являющиеся родными для их носителей и официальными языками своих стран (американский, британский, канадский и т.д.), а к вариантам Внешнего круга — варианты английского языка, являющиеся вторыми для своих носителей и вторыми официальными языками для своих стран (индийский, сингапурский, южноафриканский) [Качру, 1985].

В России, как и в других странах, вариантов Расширяющегося круга, национальный вариант английского языка традиционно именуется иностранным языком (English as a Foreign language / EFL) и редко используется для внутреннего межличностного устного общения [Proshina, Nelson, 2020] вне научно-образовательного контекста. Случаи использования русского варианта английского языка в письменной коммуникации в век повсеместной цифровизации достаточно многочисленны, в том числе и за пределами научно-образовательных сфер. Кроме того, именно в письменном дискурсе русский вариант английского языка раскрывается наиболее ярко, демонстрируя свои лингвистические, прагматические и социокультурные рекуррентные черты. Письменный дискурс при этом понимается в самом широком смысле как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990].

Говоря о русском варианте английского языка, необходимо отметить, что в теории он, как и любой другой вариант данного круга, обладает вертикальным континуумом и подразделяется на три подварианта, включая базилект («русlish» или «рунглиш» / Rus(s)lish / Runglish); мезолект («русский английский» / Russian English) и акролект («русский вариант английского языка» / Russia English(es)) [Прошина, 2022]. На практике границы между лектами вариантов

английского языка могут быть достаточно размыты и зачастую требуют уточнения в силу того, что, например, «рушлиш» / «рунглиш» может трактоваться в узком смысле как базилектный подвид русского варианта английского языка, а «в широком понимании, которое более характерно для обыденного метаязыкового сознания... подразумевает различные типы взаимодействия русского языка с английским, в первую очередь англоизацию русского языка» (Ривлина, 2020: 650). Фокус данной статьи, однако, направлен по большей части на акролектальный и мезолектальный подвиды русского варианта английского языка (далее — АЯ).

Дистинктивными чертами русского варианта английского языка является в первую очередь его детерминированность русским языком и, соответственно, подверженность давлению национального менталитета и культуры, которое в письменном дискурсе реализуется целым спектром транслингвальных практик, начиная с трансференции пунктуационного оформления русской письменной речи и создания гибридных англо-русских каламбуров на уровне взаимодействия латиницы и кириллицы и заканчивая «локализацией и нативизацией» [Platt, Weber and Ho 1984: 2–3] не только общеупотребительных слов и терминов, одинаково понимаемых носителями большинства вариантов английского языка, но и отдельных текстов, и даже целых произведений мировой художественной культуры на русском варианте английского языка *without apology* [Susan Butler, 1997: 106].

Основная часть

Обратимся непосредственно к корпусу исследуемого материала для того, чтобы на примерах проследить, как манифестируется русский вариант АЯ в письменном дискурсе.

Для начала рассмотрим, как реализуется русский вариант АЯ в письменном дискурсе в сфере Высшей школы. Несмотря на то, что под преподаванием английского языка как первого иностранного в российских вузах в первую очередь предполагается преподавание вариантов английского языка Внутреннего круга (британского и / или американского вариантов АЯ), планы обучения большинства «языковых» вузов знакомят студентов с другими вариантами английского языка Внутреннего круга (австралийским, ирландским, канадским, новозеландским и шотландским) и в меньшей степени с вариантами Расширяющего круга (в основном индийским и / или сингапурским)¹. Тем не менее предполагается, что на выходе бака-

¹ Хочется отметить, что на факультете иностранных языков и регионоведения (ФИЯР) МГУ имени М.В. Ломоносова студенты в ходе программы обучения знакомятся с большинством вариантов английского языка, включая русский.

лавр или магистр, например, по специальности «Лингвистика», обладает продвинутым и профессиональным уровнем владения британского или американского варианта АЯ, а не русским вариантом АЯ. Создается впечатление, что русскому варианту АЯ не остается места, по крайней мере, в вузовской программе обучения. Что же происходит в реальности? Для примера возьмем курс «Реферирование и аннотирование письменных текстов на первом иностранном языке», который преподается в большинстве профильных высших учебных заведений. Во-первых, в традициях высшей школы в России, к сожалению, не существует универсально однозначных общепринятых эквивалентов для терминов «реферирование» и «аннотирование» на английском языке. Так, во многих учебниках, созданных русскоязычными авторами², на конференциях и даже в билетах на вступительных экзаменах в аспирантуру или при сдаче кандидатского минимума или максимума, в том числе и на других факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова, в качестве эквивалентов лексеме «реферирование» могут употребляться такие английские единицы, как *rendering*, *review* вместо *summary*, а «аннотация» может соответствовать лексеме *annotation* или даже в единичных, но зафиксированных случаях, *abstractation* вместо принятой в англоязычном мире лексемы *abstract*. Если мы обратимся к англоязычным словарным дефинициям, то увидим, что данные лексемы никак не могут быть использованы в качестве эквивалентов ввиду семантического расхождения их наполнений:

rendering — 1. *the way a piece of music, poem, film, play etc. is performed. For example: an interesting new rendering of Puccini's opera*
2. *FORMAL a translation*³ — *anything that's been interpreted in an artistic form is a rendering — a song, a drawing, a theatrical performance*⁴.

Соответственно, *rendering* представляет собой интерпретацию, переложение или перевод, а не *summary*, которое по своей сути является объективным суммированием основных идей автора или текста без интерпретаций, без изложения примеров и подробных деталей, что по большей части соответствует именно русскому эквиваленту *реферирование*:

The purpose of a summary is to give the reader, in a about 1/3 of the original length of an article/lecture, a clear, objective picture of the

² Нам кажется не совсем корректным приводить примеры таких учебников с именами и фамилиями авторов, но уверены, что многие из читателей сталкивались с такими учебниками в своей практике.

³ Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/rendering> (дата обращения: 01.06. 2023).

⁴ Vocabulary.com. URL: <http://vocabulary.com/rendering> (дата обращения: 01.06. 2023).

original lecture or text. Most importantly, the summary restates only the main points of a text or a lecture without giving examples or details, such as dates, numbers or statistics⁵.

В свою очередь, лексема *annotation* обозначает процесс добавления примечаний, помет, сносок к основному тексту с целью его пояснения и не является аналогом понятия «аннотация» в значении «краткая характеристика тематического содержания, цель, адресата и других особенностей какого-л. издания или рукописи»⁶:

to annotate — *to put notes in a piece of writing in order to explain parts of it*⁷.

Annotation — *a short explanation or note added to a text or image, or the act of adding short explanations or notes*⁸.

Несмотря на это, англоязычная лексическая единица *annotation* в научном дискурсе на английском языке, созданном представителями русской культуры, традиционно используется как синоним русской лексеме *аннотация*, что, например, характерно для англоязычной версии сайта Российской академии наук⁹.

Приведенные примеры демонстрируют реализацию принципа нативизации и локализации, отражающие тенденцию английских слов приобретать новые семантические значения в русском варианте АЯ и функционировать соответствующим образом, не характерным для остальных вариантов английского языка.

Таким образом, получая задание *to render*, *review* или *annotate the text* на английском языке русскоязычные студенты знают, что им нужно реферировать текст, тогда как иностранные студенты, владеющие своими вариантами английского языка даже на продвинутом уровне, но неподготовленные к таким реалиям, не понимают, в чем

⁵ URL: <http://academics.smcvt.edu/cbauer-ramazani/index.htm> (дата обращения: 01.06. 2023).

⁶ Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&all=#:~:text=%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%BE%D0%B9%20%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C,%D0%B8%20%D0%B4%D1%80%D1%83%D0%B3%D0%B8%D1%85%20%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%B9%20%D0%BA%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%2D%D0%BB> (дата обращения 01.06. 2023).

⁷ Macmillan Dictionary URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/annotate> (дата обращения: 01.06. 2023).

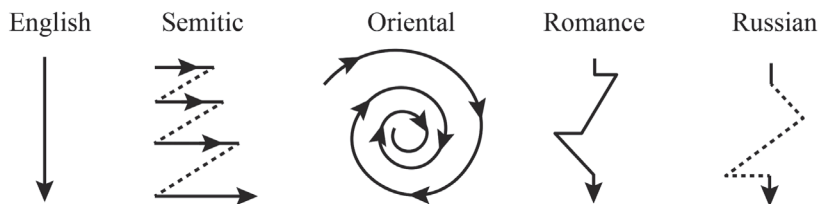
⁸ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/annotation> (дата обращения: 01.06. 2023).

⁹ URL: <https://ras.jes.su/pdv/s013128120005302-3-1-en> ANNOTATION The RAS (Russian Academy of Science) portal is the main part of JES platform (Journal education and science) (дата обращения: 10.06. 2023).

состоит смысл задания, или понимают его согласно дефинициям терминов англоязычных словарей. Аналогичная ситуация происходит и с зарубежными участниками конференций, организованных в России, когда они получают анонсы конференций на английском языке с просьбой прислать *annotation* своего доклада вместо *abstract*.

Противоположная ситуация наблюдается в случаях, когда преподаватель-носитель, например американской или британской лингвокультуры, просит неподготовленных к такому виду деятельности русскоязычных студентов и аспирантов *to summarize the text* и удивляется структуре работ, которые получает даже при условии, что русскоязычные студенты понимают объем понятия лексемы *summary*. Это происходит в том числе и в силу того, что стиль академического письма на русском варианте АЯ не совпадает с вариантами АЯ Внутреннего круга из-за детерминации родного русского языка и академического стиля.

Так, еще в 1966 г. Р. Каплан, анализируя стили письменного дискурса на разных языках, пришел к выводу, что письменный дискурс на английском языке отличается линейной структурой организации, тогда как на русском языке такая организация отсутствует, что отражено в представленной схеме.

[Kaplan, 1966:14]

Несмотря на то, что позже Р. Каплана активно критиковали за слишком обобщенный и стереотипизированный характер своих выводов тем не менее, если проследить на конкретных примерах, то видно, что академическое письмо на русском варианте английского языка действительно обладает уникальными рекуррентными дискурсивно-прагматическими характеристиками. Перечислим некоторые из них.

1. Отсутствие предложения (*frame-sentence*¹⁰), открывающего *summary*, в котором, помимо указания выходных данных реферируемого текста, четко постулируется его основная идея (*thesis*), потом

¹⁰ URL: <http://academics.smcvt.edu/cbauer-ramazani/index.htm> (дата обращения: 01.06. 2023).

доказываемая в тексте *summary*, и перефразируется в заключении *summary*:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— The role of English is discussed in the article by ...	In his article ... published in..., D. Crystal states that English is a global language...

2. Использование широкого синонимического ряда для обозначения автора реферируемого текста в каждой новой строке без изначального пояснения, что речь идет об одном и том же человеке:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— D. Crystal is the author... И далее в тексте: — The writer is sure... — The author discusses... — The linguist quotes... — The professor dwells on...	D. Crystal , a famous British linguist, states that... He argues... D. Crystal claims...

Данное явление идет от классической русской литературы и традиции вводить персонажи в текст под одними именами (например, по фамилии), а затем называть их уменьшительно-ласкательными вариантами имен, прозвищами, именами с отчествами или только отчествами без отсылки к первоначальному имени или фамилии, что значительно усложняет прочтение классической литературы носителям вариантов английского языка Внутреннего круга, привыкших к другой традиции [см., например, Roberts, 1996: 25], когда герой вводится в текст под одним именем с перечислением всех остальных вариантов рядом, исключающих введение на последующих страницах новых вариантов имени без отсылки к первоначальному.

Кроме того, на уроках русского языка и литературы в России школьников учат пользоваться длинными синонимическими рядами в отношении всех частей речи и разнообразить письменный текст, что затем реализуется в академическом письме на английском языке. Однако в академическом стиле на английском языке синонимическое разнообразие и вариативность традиционно характерны в основном для глаголов, а не для существительных, что и демонстрирует вышеприведенный пример.

Традиция синонимического разнообразия, однако уже в силу других причин, реализуется и среди урбанонимов, представленных дорожными указателями, например, на платной автотрассе

Москва — Санкт-Петербург и далее вплоть до Карелии, когда дорожный указатель со словом *ручей* сопровождается английским переводом, представленным произвольным чередованием лексем *brook, creek* или *spring* (по состоянию на август 2023 г.).

3. Побуквенная транслитерация русскоязычных слов на латиницу вместо использования устоявшегося перевода на английском языке с одновременным употреблением англоязычных лексем также ведет к реализации русского варианта английского языка на графическом уровне, приводя, зачастую неосознанно, к созданию гибридных русско-английских каламбуров:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— Gore of Uma — linguo v ocultural / linguo o cultural	— Woe from Wit — linguo u acultural

4. Явное доминирование пассивного залога над активным, а зачастую и полное игнорирование активного залога, который характерен именно для академического дискурса вариантов английского языка Внутреннего круга, также свойственно для русского варианта английского языка в письменном дискурсе:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— the following problems are described ... — such questions are considered	— D. Crystal describes ... — He considers that — D. Crystal claims ...

5. Указание на последовательность расположения идей в реферируемом тексте, что наиболее свойственно жанрам *рецензии* и *отзыву* (эквивалент на английском *review*), вместо последовательного представления идей, характерного для *summary*:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— In the first part / paragraph / in the beginning of the text... — In the second part / paragraph / in the middle of the text... — In the end / in the last paragraph	— Firstly — Second / Next / Later — Lastly / Finally

6. Использование личных местоимений, указывающих на автора *summary* и / или на общность людей, к которой принадлежит автор *summary*, и демонстрирующих коллективизм русской культуры, вместо отсылок к автору оригинального текста и избегания обобщений:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— we can say that... — in our society... — for us...	— the author claims... — in the modern society... — for linguists....

7. Присутствие своего мнения, оценки и интерпретации, которые не предполагаются в *summary*, но допускается в жанре *review*. Данные фразы в целом демонстрируют многословие, которое более характерно именно для русского письменного дискурса:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— It's important to mention... — It should be noted ... — The author draws our attention to the fact that...	— The author stresses that... — The author notes that... — The author highlights that...

8. В заключении развернутого академического *summary*, которое состоит из пяти параграфов, традиционно пересказывается последний параграф реферируемого текста вместо перифраза основной идеи реферируемого текста из введения *summary* и суммирования основных аргументов:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— In the end of the article, D. Crystal concludes that ...	— To conclude, D. Crystal claims that....

Примечательно, что при подготовке студентов во время курса реферирования во многих вузах зачастую данные моменты, особенно в совокупности, не учитываются и студентов готовят к созданию *summary* именно на русском варианте английского языка, априори предполагая, что форма и структура подачи материала на английском и русском совпадают.

Представленные особенности русского варианта английского языка можно наблюдать и в дискурсе художественной литературы, когда произведения общемировых классиков, имеющих устоявшиеся англоязычные переводы, заново переводятся на английский язык с русского. Рассмотрим переводы на русский вариант английского языка сказок «Белоснежка» Братьев Гримм и «Дюймовочка» Г.-Х. Андерсена [Андерсен, 2019] и сравним их с признанными переводами на варианты английского языка Внутреннего круга [Гримм, 2019].

Так, в исследованных переводах демонстрируются типичные черты русского варианта английского языка, детерминированные строем русского языка, начиная с пунктуационного оформления предложений, а именно использование тире в качестве заменителя сказуемого и для оформления прямой речи вместо запятых, а также применение запятых там, где они не предполагаются в английском языке, и заканчивая порядком слов в предложении:

Русский вариант АЯ
— It happened a long time ago — in the middle of the winter.   — The Royal couple named the little princess — Snow White.   — But now I know the one, who is more beautiful than you, her name is Snow White — it’s not you.   — Thank you! — said the young woman.

Кроме того, встречается рекуррентное использование широкого синонимического ряда для номинации одних и тех же персонажей на одной странице или даже в одном абзаце, атипичное для классических переводов на варианты английского языка, в которых чередуются номинация героев и местоимение, указывающее на них:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— The newly-made Queen, the wicked Queen, the Queen, the malicious, the evil Queen, the vicious Queen — Snow White, the poor girl, the girl, the princess — The dwarves, other gnomes, other fellows, all men	— The queen, she — Snow White, she — The dwarfs, they

Стоит обратить внимание на написание множественного числа лексемы *dwarf*, которое традиционно в английском языке пишется как *dwarfs*, тогда как написание *dwarves* характерно исключительно для произведений Дж. Р.Р. Толкиена, который использовал данную лексему для номинации отдельного народа в своем произведении¹¹.

Русский вариант английского языка рекуррентно манифестируется посредством лексических калек фраз, традиционно использующихся в русских народных сказках:

¹¹ “In a foreword to *The Hobbit*, published in 1937, J R R Tolkien writes: ‘In English, the only correct plural of ‘dwarf’ is ‘dwarfs’ and the adjective is ‘dwarfish’. In this story ‘dwarves’ and ‘dwarvish’ are used, but only when speaking of the ancient people to whom Thorin Oakenshield and his companions belonged’” URL: <https://www.independent.co.uk/news/corrections/errors-and-omissions/errors-amp-omissions-a-plural-question-that-disney-answers-better-than-tolkien-2340760.htm> 1 (дата обращения: 01.06. 2023).

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— It happened a long time ago — in the middle of the winter. — In a year , the king married another woman	— Once upon a time on a cold winter’s day, — A year later , the king married again

Одной из самых ярких реализаций русского варианта английского языка является приверженность свободному порядку слов, не характерному для вариантов английского языка Внутреннего круга:

Русский вариант АЯ	Варианты АЯ Внутреннего круга
— ... a diminutive table, covered with a white tablecloth, on which there were seven small plates and seven small glasses... — “She is definitely a good woman, I can let her in” — thought trustful Snow White . — As she’s lighter than swan’s down, let’s place her cradle on that wide leaf of water lily and move it to the middle of the river. It would be like an island for such a small girl and she could not escape	— table with seven small plates — I can let her in, she thought . I’ll put her on the water lily in the middle of the pond till then. This way, she’ll not be able to escape ¹²

Показательно, что такие книги, созданные посредством вторичного перевода с русского на английский язык, достаточно популярны среди российских родителей, о чем свидетельствуют отзывы на сайтах книжных магазинов, например Лабиринт. Российские родители, желающие приобщить своих детей к мировой литературе и к английскому языку, на самом деле воспроизводят русский вариант английского языка вместо британского или американского вариантов, на которые они рассчитывали, тем самым ретранслируя именно русский вариант английского и закрепляя его в сознании.

Заключение

Таким образом, проанализированный материал демонстрирует, что в письменном дискурсе, созданном носителями русскоязычной лингвокультуры, зачастую реализуется именно русский вариант английского языка, детерминированный русской лингвокультурой и характеризующийся такими характеристиками, как отсутствие

¹² URL: <https://www.bedtimeshortstories.com/thumbelina-story> (дата обращения: 01.06. 2023).

унификации в терминологии, подмена или смешение англоязычных и русскоязычных концептов, создание русско-английских каламбуров, высокая вариативность лексем и употребление длинных синонимических рядов, вторичный перевод уже существующих на английском языке понятий, явлений и целых текстов, что приводит к разночтениям и интерпретациям универсально трактуемых носителями большинства вариантов английского языка лексических единиц, в том числе и принадлежащих к терминологическому полю.

В силу вышесказанного русский вариант английского языка в письменном дискурсе, проявляющийся на всех уровнях представления текста, начиная с пунктуационного оформления, выбора лексических эквивалентов и заканчивая последовательностью представления идей, осознанно или неосознанно служит инструментом выражения русской лингвокультурной идентичности и ментальности, что проявляется в ряде лингвистических и экстралингвистических черт, которые делают данный вариант языка узнаваемым не только для носителей русского варианта, но и других вариантов английского языка, носители которых знакомы с русской лингвокультурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсен Х.-К.* Дюймовочка. На англ. яз. / Пер. И. Чистяковой. М., 2019.
2. *Гримм Яков и Вильгельм.* Белоснежка. На англ. яз. / Пер. И. Чистяковой. М., 2019.
3. *Прошина З.Г.* EIL или EFL? Изменение буквы или новая концепция языкового образования? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 171–186.
4. *Прошина З.Г.* Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88.
5. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Яреца. М., 1990. С. 136–137.
6. *Butler S.* Corpus of English in Southeast Asia: Implications for a regional dictionary // In English is an Asian Language: The Philippine Context. Edited by Maria Lourdes S. Bautista. Manila, 1997. P. 103–124.
7. *Kachru B.B.* Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle. In Randolph Quirk & Henry G. Widdowson (eds.), English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures, 11–30. World Englishes: Critical Concepts in Linguistics 3. L.; N.Y., 1985. P. 241–269.
8. *Kaplan R.* Cultural through patterns in intercultural education. Language learning, 1966. Vol. 16. P. 1–20.
9. *Platt J.T., Weber H., Ho L.M.* The New Englishes. L., 1984.
10. *Proshina, Z.G., Eddy A.A.* (eds.). Russian English: History, Functions, and Features. Cambridge, 2016.
11. *Proshina, Z.G., Nelson C.L.* Varieties of English and Kachru's Expanding Circle. = Варианты английского языка и Расширяющийся круг Качру. Russian Journal of Linguistics 24. Vol. 3. 2020. P. 523–550.

12. Rivlina, A.A. Russian English and what it is not. *Russian Journal of Linguistics* 24. Vol. 3. 2020. P. 649–668.
13. Roberts. E. *The Xenophobe's Guide to the Russians*. 1996.

Irina L. Lebedeva

RUSSIAN ENGLISH IN THE WRITTEN DISCOURSE: FEATURES AND CHARACTERISTICS

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; lebedevamsu@yandex.ru

Abstract: The article is aimed at describing a number of certain recurrent features of Russian English in the academic, educational and literary domains of the written discourse in English created by the Russian speakers of English. The article argues that Russian culture, identity and academic traditions are verbalized through a range of translanguaging practices, starting with the transference of the Russian punctuation and sequence of presenting ideas, including lexical variety and Russian-English hybrids, and finishing with the “nativization and localization” [Platt, Weber and Ho, 1984: 2–3] of the common lexical units, terms, urbanonyms included, and even classic world literature, which is retranslated into Russian English from Russian (for instance, Andersen’s *Thumbelina* and Brothers Grimms’ *Snow white*). The combination of analyzed characteristic features invariably turns Russian English presented in the written discourse into a potent tool for the Russian identity construction recognizable both to the Russian and non-Russian speakers of English, specifically to those who are familiar with Russian culture and academic traditions. Yet, written discourse created via Russian English might mislead the speakers of other Englishes in case they have not been exposed to this particular variety on a regular basis.

Key words: Russian English; Russian variety of English; World Englishes (WE); written discourse; summary; translation; urbanonyms

For citation: Lebedeva I.L. (2024) Russian English in the Written Discourse: Features and Characteristics. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 61–74. (In Russ.)

About the author: Irina L. Lebedeva — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory of Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies; lebedevamsu@yandex.ru.

REFERENCES

1. Andersen H.Ch. 2019. *Thumbelina*. In English. Translation by I. Chistyakova. Moscow, Strekoza.
2. Brothers Grimm. 2019. *Snow White*. In English. Translation by I. Chistyakova. Moscow, Strekoza.
3. Proshina Z.G. 2016. *EIL ili EFL? Izmeneniye bukvy ili novaya kontseptsiya yazykovogoobrazovaniya?* [EIL or EFL? Change of the letter or a new conception of language education?] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 171–186. (In Russ.)

4. Proshina Z.G. 2022. *Lingvokontaktologiya: sovremennye problem i perspektivy* [Contact linguistics: current challenges and perspectives] // *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 73–88. (In Russ.)
5. Arutyunova, N.D. 1990. *Discourse. Lingvisticheskiy ensiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Ensiklopediya, pp. 136–137. (In Russ.)
6. Butler, S. 1997. Corpus of English in Southeast Asia: Implications for a regional dictionary // *In English is an Asian Language: The Philippine Context*. Edited by Maria Lourdes S. Bautista. Manila: Macquarie Library, pp. 103–124.
7. Kachru, B.B. 1985. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle. In Randolph Quirk & Henry G. Widdowson (eds.), *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures*, pp. 11–30. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kaplan R. 1966. *Cultural through patterns in intercultural education*. Language learning (16), pp. 1–20.
9. Platt J.T., Weber H., Ho L.M. 1984. *The New Englishes*. London, Melbourne & Henley Routledge & Kegan Paul.
10. Proshina, Z.G., Eddy A.A (eds.). 2016. *Russian English: History, Functions, and Features*. Cambridge, Cambridge University Press.
11. Proshina Z.G., Nelson C.L. 2020. *Varieties of English and Kachru's Expanding Circle*. Russian Journal of Linguistics 24 (3), pp. 523–550.
12. Rivlina A.A. 2020. *Russian English and what it is not*. Russian Journal of Linguistics 24 (3), pp. 649–668.
13. Roberts E. 1996. *The Xenophobe's Guide to the Russians*. Ravette Pub Ltd.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023;
одобрена после рецензирования 18.10.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 25.07.2023;
approved after reviewing 18.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

О.Л. Бессонова, А.С. Ососкова

ДЕКОДИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ДИМИНУТИВНЫХ И АУГМЕНТАТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА

*Донецкий государственный университет, Донецк, Россия;
olgabessonova@mail.ru; anna_ososkova@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена изучению способов декодирования оценочных смыслов наименований лица с диминутивным и аугментативным значением. Разработаны критерии отбора эмпирического материала из лексикографических источников: маркер лица в толковании, морфологический или синтаксический показатель диминутивности и аугментативности в структуре лексем, маркер количественной и качественной оценки в дефиниции, лексикографическая помета. Для комплексного анализа оценочной семантики диминутивов и аугментативов используются компонентный анализ, словообразовательный метод, лингвокультурологический анализ и описательный метод. Диминутивные и аугментативные наименования лица характеризуются аксиологической сложностью, так как кроме предметно-логического значения уменьшительности / увеличительности актуализируют эмоционально-оценочные, экспрессивные и стилистические смыслы. Аксиологический потенциал рассматриваемого пласта лексики имеет большое значение для декодирования ценностной картины мира англоязычного языкового сообщества. Установлено, что семантика всех диминутивов и аугментативов, составивших эмпирический корпус, характеризуется частной оценкой. Наиболее частотными оказались этические, эстетические и интеллектуальные оценки, а менее частотными — эмоциональные, гедонистические и нормативные. Поведение, внешность и интеллект являются наиболее важными основаниями оценки человека в англоязычном социуме. По характеру оценки преобладают лексемы рационально-эмоционального и эмоционального типов, единицы с рациональной оценкой малочисленны. Наблюдается асимметрия в сторону преобладания пейоративных диминутивных и аугментативных наименований. Количественная оценка диминутивов и аугментативов мотивируется семантикой производящей основы, морфологическим или синтаксическим показателем и зависит от контекста употребления.

Бессонова Ольга Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Донецкого государственного университета; olgabessonova@mail.ru.

Ососкова Анна Сергеевна — аспирант кафедры английской филологии Донецкого государственного университета; anna_ososkova@mail.ru.

Ключевые слова: диминутив; аугментатив; наименование лица; оценка; декодирование; английский язык

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-6

Финансирование: Исследование проводилось по теме государственного задания (№ госрегистрации 1023031200012-7-6.2.1).

Для цитирования: Бессонова О.Л., Ососкова А.С. Декодирование оценочной семантики английских диминутивных и аугментативных наименований лица // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 75–88.

Введение

Человек как социальное существо регулярно взаимодействует с окружающей действительностью, что приводит к формированию его ценностной картины мира и представлений о добре и зле. Ценности, которые являются предметом изучения такой философской дисциплины, как аксиология (от греч. *axia* ‘ценность’ и *logos* ‘учение’), выступают нравственными смыслами, существующими в разных языках и культурах. *Добро, красота, святость, знание, правомерность* служат примерами положительных качеств, в то время как их абсолютные антиподы *зло, безобразия, грех, невежество, беззаконие* наделены отрицательными смыслами и осуждаются обществом [Анисимов, 2001: 9]. Разделение качеств на ценности и антиценности осуществляется, согласно аксиологической шкале «хорошо — плохо», индивидом, так как именно человек осмысляет и оценивает мир и себя в этом мире. Следовательно, можем говорить об оценке как антропоцентрической категории, ориентированной на выражение ценностной сущности объекта с точки зрения взглядов, чувств и интересов отдельного лица или общества в целом [Bessonova, 2018].

Различные пласты лексики английского языка, характеризующиеся аксиологической насыщенностью, играют важную роль в фиксации, хранении и трансляции ценностей, присущих англоязычному лингвокультурному сообществу, а также в реконструкции ценностной картины мира. В связи с этим представляется важным правильно интерпретировать ценностные смыслы в значении языковых единиц с обширным аксиологическим потенциалом. В рамках данного исследования большой интерес представляют английские диминутивные и аугментативные наименования лица, а именно такие языковые единицы, как: *Protto* ‘протестант’ — *Aus.* a Protestant [Green’s Dictionary of Slang]; *superpatriot* ‘суперпатриот’ — an extremely or excessively zealous or devoted patriot [Merriam-Webster Dictionary]. Изучение способов декодирования и интерпретации значения таких единиц с осложненной семантикой, как диминутив-

ные и аугментативные наименования лица, представляется актуальным, поскольку эти языковые единицы не просто выражают уменьшительность / увеличительность, но и реализуют значительный оценочный, эмоциональный, экспрессивный и стилистический компоненты значения.

Анализ литературы по проблеме исследования свидетельствует о том, что в настоящее время фокус лингвистов сосредоточен на изучении диминутивов, в частности, их структурных, семантических и функциональных особенностей [Manova, Grestenberger, Korecky-Kröll, 2023; Чударь, 2020], морфонологической специфики [Davis, 2023; Mashaqba, Huneety, Abu, Mohammed, Zeidan, 2022], способов передачи категории диминутивности при переводе [Есакова, Леоненкова, 2022]. Аугментативы представлены в лингвистических исследованиях достаточно фрагментарно, предметом исследования выступает их словообразовательная специфика [Курилова, 2018; Kruashvili, 2018; Sarwar, 2018]. Ряд научных работ посвящен одновременному изучению диминутивов и аугментативов как маркеров речевого развития ребенка [Амзаракова, 2019], а также способов реализации уменьшительной и увеличительной семантики [Bagchi, Parakh, 2021; Zivingi, Sulaiman, 2022]. Рассматриваются словообразовательные средства выражения оценочности и эмотивности диминутивов и аугментативов [Ефремов, 2021; Vanhove, Ahmed, 2018], в частности, в разных типах дискурса [Голушин, 2022; Нгуен, 2021; Николина, 2021; Скачкова, 2022]. В таком контексте интерес к изучению оценочной семантики английских диминутивов и аугментативов — наименований лица представляется оправданным, а установление и описание особенностей декодирования и интерпретации оценочных смыслов в их значении актуальным. Методологическими источниками исследования послужили работы по проблемам языковой оценки [Арутюнова, 1999; Кунин, 1980; Вольф, 2020; Телия, 2008], декодированию оценочных смыслов в художественном и медиадискурсе [Бессонова, Осташова, 2022; Гордиенко, 2020], а также фундаментальные труды, посвященные теоретическим основам диминутивности и аугментативности [Dressler, Barbaresi, 2011; Schneider, 2012].

Определение ключевых понятий исследования: оценка, наименование лица, диминутив, аугментатив

В лингвистических исследованиях представлены различные подходы к определению категории оценки. В нашем исследовании мы придерживаемся мнения А.В. Кунина о том, что «оценка — это объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицит-

но или имплицитно» [Кунин, 1996: 81]. Заключение о двойственном характере оценки дополняется ее антропоцентрической сущностью: «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [Вольф, 2020: 24]. Если положительная или отрицательная оценка определяется на основании объективно присущих денотату свойств, то она носит рациональный характер; если оценка ориентирована на эмоциональное отношение субъекта к денотату, то она носит эмоциональный характер; если же оценка объединяет объективное суждение и эмоциональное переживание, то она носит рационально-эмоциональный характер [Bessonova, 2018].

Поскольку именно человек является субъектом оценки, а часто и ее объектом, наименования лица представляют особый интерес для изучения. В языке они могут быть представлены словами, словосочетаниями, лексико-фразеологическими образованиями и апеллативными именами, которые обладают эмоционально-экспрессивной (оценочной) и стилистической коннотацией. Наименования лица указывают на признак имени и выражают субъективно-оценочные, объективные физические и социальные характеристики человека. Такие номинативные единицы полифункциональны и способны выполнять номинативную, идентифицирующую, характеризующую, коммуникативную, социально-различительную функции.

Диминутив (от лат. *deminuere* ‘уменьшить, ослабить’) — это слово или словоформа, передающая субъективно-оценочное значение малости, как правило, с помощью уменьшительных аффиксов, и выражающая различные эмоции от ласкательности до уничижительности [Ахманова, 2014]. Аугментатив (от лат. *augmentare* ‘увеличить, усилить’) — это слово или форма слова, передающая субъективно-оценочное значение большого объема, размера и т.д., как правило, с помощью увеличительных аффиксов, и выражающая эмоциональные окраски от восхищения до презрения [Ахманова, 2014].

Диминутивы и аугментативы вступают между собой в оппозицию «мало — много» с нулевым значением между ними, представляющим норму, отклонение от которой в сторону убывания или нарастания признака вызывает эмоциональную реакцию субъекта оценки. Зафиксированное в социуме соотношение количественно-качественных смыслов можно представить так: мало — плохо, много — хорошо. Тем не менее будет заблуждением полагать, что всякое слово, реализующее уменьшительное значение, обладает негативной окраской, а всякое слово со значением увеличительности, является положительно-оценочным. Необходимо помнить, что место любой реалии в системе культурных ценностей может быть определено лишь через роль, которую играет по отношению к этой ре-

лии человек. Следовательно, оценочное суждение субъективно и может быть как истинным, так и ложным.

Методика отбора материала исследования

Языковые единицы, составившие эмпирический корпус, были отобраны согласно ряду критериев из авторитетных толковых словарей английского языка [Новый большой англо-русский словарь; NSOED, 2002; CNPDSUE, 2007; Green's Dictionary of Slang; Merriam-Webster Dictionary].

Предлагаемая система критериев включает как инвариантный, так и вариативные критерии. Инвариантный критерий предполагает наличие в толковании лексемы маркера, указывающего на лицо (*adjective + person, a person of, a person who, a person with*). Еще одним инвариантным критерием является наличие маркера узальной оценки в лексикографическом толковании лексемы. Например, на количественную оценку указывают такие прилагательные в дефиниции, как *little, small, big, huge*, на качественную оценку — *brave, attractive, lovable, petty, stupid*.

Первый вариативный критерий определяет наличие в структуре лексемы категориального показателя диминутивности или аугментативности. Показателем диминутивности в таком случае может служить словообразовательный аффикс (*-ie / -y / -ey / -ee, -o, -s, -ling, -et, -ette, -let, -ock, -kin, -ster, -el, -en, -icle, sub-*), если речь идет о лексеме-слове. Если диминутив имеет структуру словосочетания, то показателем служит слово с семантикой малого размера в его составе, например *little, small, tiny, baby, rear, half*. Маркером аугментативности может выступать словообразовательный формант в структуре слова (*super-, arch-, great-, grand-, proto-, mega-, hyper-, -zilla*) или слово-компонент аугментатива-словосочетания, например, *big, chief, superior, head, grand*.

Еще один вариативный критерий связан с указанием на дополнительные коннотативные смыслы в значении единиц, составивших эмпирический корпус. Так, лексикографические пометы *a term of endearment, affectionately, a pet-form of, tender, hypocoristic form, playfully, jocular, derogatory, contemptible, abusive, offensive, vulgar, ironical* фиксируют эмотивную коннотацию в значении аугментативов и диминутивов, пометы *colloq, informal, slang* — стилистическую коннотацию. В толкованиях некоторых единиц корпуса отмечены пометы *dialectal, Austral., AmE, UK, Scot., Welsh*, что указывает на территориальный вариант их употребления.

Таким образом, на основании установленных критериев отбора сформирован корпус материала исследования, в который вошло 2421

наименование лица в английском языке, в том числе 2130 диминутивов и 291 аугментатив.

Семантические типы диминутивных и аугментативных наименований лица в английском языке

Анализ словарных дефиниций показал, что все диминутивы и аугментативы, составившие эмпирический корпус, являются частнооценочными, единицы общеоценочного типа отсутствуют. В основу классификации диминутивных и аугментативных наименований лица частнооценочного типа положен подход Н.Д. Арутюновой, которая выделяет сенсорные (сенсорно-вкусовые, психологические), сублимированные (эстетические, этические) и рационалистические (утилитарные, нормативные, телеологические) оценки [Арутюнова, 1988: 126]. Анализ языкового материала показал, что в количественном отношении преобладают наименования лица с этической оценкой, например *archtraitor* ‘коварный предатель’ — a chief or transcendent traitor [Новый большой англо-русский словарь]. Многочисленны также диминутивы и аугментативы с интеллектуальной оценкой (*supergenius* ‘сверхгений’ — a genius of extreme brilliance [Новый большой англо-русский словарь]) и эстетической оценкой (*beaut* ‘красавица’ — *slang, chiefly N. American, Austral.* a beautiful person [Merriam-Webster Dictionary]). Меньшей номинативной плотностью характеризуются наименования лица с эмоциональной (*prissy* ‘зануда’ — *US colloq* a ‘kill-joy’ [Green’s Dictionary of Slang]), гедонистической (*guttie* ‘неприятная личность’ — *Ireland* an unpleasant person [CNPDSUE]) и нормативной оценкой (*rousie* ‘неквалифицированный рабочий’ — *Austral& NZ colloq* an unskilled worker [NSOED]).

Отмечены случаи, когда в значении лексемы сочетаются несколько типов частной оценки. Так, в значении диминутива *barbie* ‘барби’ комбинируются эстетическая, интеллектуальная и эмоциональная оценка: *barbie* ‘барби’ — *transf, chiefly N. Amer, informal* a pretty but passive, unintelligent or characterless young woman [NSOED].

Чаще всего оценке подвергается характер (*meanie* ‘мелочный человек’) и поведение человека (*angelet* ‘ангелочек’), его внешность (*shortie* ‘коротышка’) и умственные способности (*dummy* ‘тупица’). Следовательно, данные сферы выступают наиболее важным участком оценочной шкалы, по которой дается оценка человеку в англоязычном лингвосоциуме.

В значении английских диминутивных и аугментативных наименований лица представлены разные семантические типы оценки. Установлено, что наибольшая номинативная плотность свойственна эмоционально-оценочным диминутивным и аугментативным наи-

менованиям лица. В данном случае оценка основывается не на положительных или отрицательных качествах референта, а связана лишь с желанием говорящего выразить эмоциональное отношение к нему. Например, обозначение родственника выражает ласку (*wifelet* ‘женушка’ — *colloquial, endearing* a wife [Новый большой англо-русский словарь]), а наименование вынужденного переселенца характеризуется уничижительной окраской (*reffo* ‘беженец’ — *Austral., derogatory* a refugee who has settled in Australia [Merriam-Webster Dictionary]).

Обозначения лица с рационально-эмоциональной оценкой также достаточно многочисленны. В значении таких единиц одновременно присутствуют семы рациональной и субъективной оценки. Например, в диминутиве, называющем человека, который употребляет наркотики, оценка имеет оскорбительный характер, что фиксируется лексикографическими пометами в словарной статье: *junky* ‘наркоманишка’ — *disparaging, offensive* a person who is addicted to narcotics and especially to heroin [NSOED]. Отрицательная оценка наименования человека с подобным аддиктивным поведением обусловлена негативным отношением к феномену наркотической зависимости в обществе. А в следующем аугментативном наименовании влияние и важность человека вызывают положительную эмоциональную реакцию, поскольку значимость и признание в социальной группе определяется личностными качествами индивида и его поступками: *big beast* ‘крупный зверь’ — *UK* an important, powerful person [CNPDSUE].

Наименее продуктивными оказались наименования лица с рациональной оценкой. Так, диминутивы с префиксами *sub-*, *sur-*, *under-* (*subminister* ‘помощник министра’ — an assistant or subordinate minister [Merriam-Webster Dictionary]) и аугментативы с префиксами *proto-*, *arch-* (*archbishop* ‘архиепископ’ — a bishop of higher rank [Merriam-Webster Dictionary]), обозначающие лицо по трудовой деятельности, содержат исключительно дескриптивную информацию и сообщают о занимаемом уровне в социальной иерархии. Такие языковые единицы не реализуют оценку и эмоции и являются нейтральными.

Также, на материале английских диминутивных и аугментативных наименований лица четко просматривается асимметрия «хороший — плохой». На положительный характер оценки указывают такие положительно-оценочные маркеры в дефиниции, как *attractive, pretty, brave, loyal, virtuous, strong, lovable, endearing, professional, skilled, talented, successful, prominent, remarkable, chief, senior, powerful*. Отрицательный характер оценки маркирован значительно большим количеством отрицательно-оценочных слов в толковании: *ill-*

tempered, arrogant, impudent, rough, coarse, stingy, refractory, perverse, shrewd, malicious, cunning, cowardly, effeminate, promiscuous, unso-phisticated, foolish, stupid, mad, eccentric, awkward, unattractive, in-competent, unqualified, inexperienced, despicable, disgusting, unpleas-ant, repulsive, weak, untidy, minor, petty, poor. Данное наблюдение коррелирует с тем фактом, что отрицательно-оценочных димину-тивных и аугментативных наименований лица в английском языке гораздо больше, чем положительно-оценочных, что объясняется свойством человеческой натуры концентрировать внимание на от-клонениях от нормы.

Примечательно, что лексическое значение производящей основы некоторых диминутивных наименований лица расходится с эмоци-онально-оценочным и функционально-прагматическим значением производного слова. Рассмотрим дефиницию одного из таких слов: *goody-goody* ‘святоша’ — *offensively* virtuous or diligent person [CNPDSUE]. Из примера видно, что диминутив, фиксирующий по-ложительные моральные качества добродетели и прилежания, вы-ражает пейоративную оценку, которая отражена в маркере *offensively*, и служит оскорбительным прозвищем такого человека. Данный пример может служить иллюстрацией феномена «аксиологическая революция», под которым понимаются радикальные изменения системы ценностей. В результате таких аксиологических сдвигов происходит подмена понятий — ценности становятся антиценно-стями и наоборот.

Было бы заблуждением считать, что конкретный уменьшитель-ный или увеличительный аффикс фиксирует характер оценки. Рас-смотрим это на языковом материале нашего корпуса. Так, голландский диминутивный суффикс *-kin* может выражать как положительную (*cleverkins* ‘умничка’ — UK a clever person [CNPDSUE]), так и от-рицательную оценку (*bumpkin* ‘мужлан’ — a rustic or awkward person [NSOED]). Древнеанглийский суффикс *-ling* придает одному слову ласкательное значение (*catling* ‘кошечка’ — *endearing* a girl [Merriam-Webster Dictionary]), а другому уничижительное (*authorling* ‘писате-лишка’ — an inferior author [Новый большой англо-русский словарь]). Аугментативный префикс *super-* также обладает амбивалентной се-мантикой и способен образовывать как мелиоративы (*supermodel* ‘супермодель’ — a famous and successful fashion model [Merriam-Webster Dictionary]), так и пейоративы (*superprick* ‘супермерзавец’ — *slang, derogatory, vulgar* a highly objectionable person [Новый большой англо-русский словарь]).

Из вышесказанного следует, что оценочное значение диминутив-ных и аугментативных наименований лица в английском языке может быть мотивировано семантикой производящей основы, мор-

фологическим, синтаксическим показателем или сразу несколькими компонентами, а также зависеть от контекста употребления.

Заключение

Оценка человеком человека представляет особый интерес в современных лингвистических исследованиях в силу антропоцентрической сущности категории. Оценочное суждение о качествах объекта номинации выражает его ценность с точки зрения взглядов и чувств субъекта, которые основываются на универсальных и национально-специфических ценностях индивида и всего лингвокультурного сообщества.

Проведенный анализ показал, что диминутивные и аугментативные наименования лица в английском языке — это оценочные языковые единицы с осложненной семантикой, поскольку кроме предметно-логического значения малости и огромности они реализуют оценочную, эмоциональную, экспрессивную и стилистическую коннотацию. К тому же в ходе исследования установлено, что аксиологические смыслы в таком пласте лексики, как английские диминутивы и аугментативы, могут кодироваться, с одной стороны, семантикой основы и, с другой стороны, словообразовательным аффиксом или дополнительным словом. Часто ценностные смыслы реализуются одновременно в нескольких компонентах. Рассматриваемые единицы кодируют частнооценочные сенсорно-вкусовые, интеллектуальные, эмоциональные, эстетические, этические и нормативные оценки. Преобладают наименования лица с эмоциональной оценкой, характер которой мотивирован семантикой производящей основы и словообразовательным формантом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анисимов С.Ф.* Введение в аксиологию. М., 2001.
2. *Амзаракова И.П.* Преувеличение и преуменьшение как маркеры речевого развития ребенка: акмеологический подход // *Филология и человек.* 2019. № 2. С. 123–133.
3. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
4. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999. 1–XV.
5. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2014.
6. *Бессонова О.Л., Осташова О.И.* Оценочное высказывание в англоязычном художественном дискурсе XIX и первой половины XX века // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 2. Языкознание. 2022. Т. 21. № 4. С. 72–86.
7. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. Серия: Лингвистическое наследие XX века. Стереотип. изд. URSS, 2020.
8. *Голушин И.* Словообразовательные средства выражения эмотивности в сербском языке // *Вестник Российского нового университета.* Серия: Человек в современном мире. 2020. №3. С. 60–67.

9. *Гордиенко Е.В.* Декодирование оценочных квантов в англоязычном медиакурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 2. С. 87–96.
10. *Есакова М.Н., Леоненкова Е.Д.* Русские диминутивы как особые единицы перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2020. № 3. С. 75–91.
11. *Ефремов В.А.* Аффектонимы: семантика, прагматика и лингвокультурология // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 18–37.
12. *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.; Дубна, 1996.
13. *Кунин А.В.* Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Сборник научных трудов МПНИИЯ им. М. Тореза. Вып. 168. М., 1980. С. 158–185.
14. *Курилова С.Н.* Аугментативность как аффиксально маркированная категория частей речи в юкагирском языке (на материале языка тундровых юкагиров) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т.16. № 3. С. 88–101.
15. *Николина Н.А.* Экспрессивные словообразовательные средства в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2021. № 3. С. 41–47.
16. *Скачкова Е.В.* Семантика и особенности функционирования существительных с аугментативными суффиксами в неформальной интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. № 1. С. 179–186.
17. *Телия В.Н.* Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 2008.
18. *Чударь А.Н.* Структурно-семантические и функциональные особенности аналитических диминутивов в австралийском, новозеландском и южноафриканском английском // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1: Филология. 2020. № 2(105). С. 92–99.
19. *Bagchi T., Parakh M.* A preliminary classification of diminutives and augmentatives in Bangla // Working Papers on Linguistics and Literature. XV. 2021. P. 702–712.
20. *Bessonova O.* Evaluative Designations of Person in Non-Cognate Languages // Language in the New Millennium: Applied-Linguistic and Cognitive-Linguistic Considerations / Ed. by A. Uberman, M. Dick-Bursztyn. Berlin, 2018. Vol. 11. P. 77–94.
21. *Davis C.* The morpho-phonology of an English diminutive. Proceedings of the Linguistic Society of America. 8(1). 2023.
22. *Dressler W., Barbaresi M.* Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages. 2011.
23. *Kruashvili I.* Nouns with augmentative meaning in the German wordbuilding // Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES). 2018. №3. P. 138–145.
24. *Manova S., Grestenberger L., Korecky-Kröll K.* Introduction: Diminutives across languages, theoretical frameworks and linguistic domains // Trends in Linguistics. Studies and Monographs. Berlin, 2023. (preprint)
25. *Mashaqba B., Huneety A., Abu G., Mohammed N., Zeidan Z.* On Morphology-Phonology Interface: Insights From Diminutives in Jordanian Arabic. Theory and Practice in Language Studies. 12(6). 2022. P. 1206–1213.
26. *Sarwar M.* A Study of Augmentativization in English and Bangla // JER Journal of ELT Research. Vol. 3, No. 1. 2018. P. 68–77.
27. *Schneider K.* Diminutives in English. 2012.

28. *Vanhove M., Ahmed M.H.* Diminutives and augmentatives in Beja (North-Cushitic) // *Studies in Language*. 42. 2018. P. 51–80.
29. *Zivingi S., Sulaiman R.* Comparative morphological analysis of diminutive and augmentative in English, Kurdish and Arabic. *International Journal of Communication*. 9(2). 2022. P. 132–135.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

30. Новый большой англо-русский словарь. URL: <https://eng-rus.slovaronline.com> (дата обращения: 12.07.2023)
31. Green's Dictionary of Slang. URL: <https://greensdictofslang.com> (accessed: 12.07.2023)
32. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 12.07.2023)
33. *The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English*. L., N.Y., 2007.
34. *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Oxford, 2002.

Olga L. Bessonova, Anna S. Ososkova

DECODING EVALUATIVE SEMANTICS OF ENGLISH DIMINUTIVE AND AUGMENTATIVE DESIGNATIONS OF PERSON

*Donetsk State University, Donetsk, Russia; olgabessonova@mail.ru;
anna_ososkova@mail.ru*

Abstract: The paper addresses decoding and interpretation of evaluative senses of diminutive and augmentative designations of person. The empirical corpus is constituted by the lexical units selected from lexicographic sources according to a number of criteria, among which are the following: a marker of person in the lexicographic definition, a morphological or syntactic marker of diminutivity and augmentativity in the lexical unit structure, a quantitative and qualitative evaluation marker in the definition, a connotational label. The methods of componential, structural, and linguocultural analysis as well as a descriptive method have been applied to bring into the open evaluative semantics of diminutives and augmentatives. Diminutive and augmentative designations of person are axiologically complicated. Alongside the meaning of diminution and augmentation they express emotional, evaluative, expressive, and stylistic connotations. Axiological potential of the vocabulary layer in question is of great importance for decoding the English speaking community values' worldview. All diminutives and augmentatives of the corpus are ascertained to have a particular evaluative meaning. Ethical, aesthetic and intellectual evaluations are the most frequent, with emotional, hedonic and normative evaluations being less frequent. Behaviour, appearance, and intelligence are the most important bases for evaluating a person in the English cultural community. Diminutive and augmentative designations of person with rational-emotional and emotional semantics prevail, while designations with rational evaluation are few in number. Evaluative asymmetry also manifests itself in prevalence of pejorative diminutive and augmentative designations. Quantitative evaluation of diminutives

and augmentatives is motivated by semantics of the root morpheme, morphological or syntactic marker and depends on the context of use.

Key words: diminutive; augmentative; designation of person; evaluation; decoding; English

Funding: The research was carried out within the framework of the state budget theme (state registration number 1023031200012-7-6.2.1).

For citation: Bessonova O.L., Ososkova A.S. (2024) Training the Augmented Interpreter Today. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 75–88. (In Russ.)

About the authors: Olga L. Bessonova — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of English Philology Department, Donetsk State University; olgabessonova@mail.ru; Anna S. Ososkova — PhD Student, English Philology Department, Donetsk State University; anna_ososkova@mail.ru.

REFERENCES

1. Anisimov S.F. 2001. *Vvedenie v aksiologiyu* [Introduction to axiology]. Moscow, Sovremennyye tetradi. (In Russ.)
2. Amzarakova I.P. 2019. Preuelichenie i preumen'shenie kak markery rechevogo razvitiya rebenka: akmeologicheskii podkhod [Diminution and hyperbole as markers of child's speech development: acmeological approach] *Filologiya i chelovek*, no. 2, pp. 123–133. (In Russ.)
3. Arutyunova N.D. 1988. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
4. Arutyunova N.D. 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury (In Russ.)
5. Akhmanova O.S. 2014. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)
6. Bessonova O.L., Ostashova O.I. 2022. Otsenochnoe vyskazyvanie v angloyazychnom khudozhestvennom diskurse XIX i pervoi poloviny XX veka [Evaluative Utterance in the English Fictional Discourse (19th and the First Half of the 20th Century)] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2, Yazykoznanie, vol. 21, no. 4, pp. 72–86. (In Russ.)
7. Vol'f E.M. 2020. *Funktional'naya semantika otsenki. Seriya: Lingvisticheskoe nasledie XX veka* [Functional Semantics of Evaluation. Series: Linguistic Heritage of the XX century]. Moscow, Nauka (In Russ.)
8. Golushin I. 2020. Slovoobrazovatel'nye sredstva vyrazheniya emotivnosti v serbskom yazyke [Word-forming means of expressing emotivity in the Serbian language] *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta*. Seriya: Chelovek v sovremennom mir, no. 3, pp. 60–67. (In Russ.)
9. Gordienko E.V. 2020. Dekodirovanie otsenochnykh kvantov v angloyazychnom mediadiskurse [Decoding Evaluative Senses in the Discourse of English Mass Media] *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. Filologicheskie nauki, no. 2, pp. 87–96. (In Russ.)
10. Esakova M.N., Leonenkova E.D. 2020. Russkie diminutivy kak osobyie edinity perevoda [Russian diminutives as special translation units] *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 22: Teoriya perevoda, no. 3, pp. 75–91. (In Russ.)

11. Efremov V.A. 2021. Affektonimy: semantika, pragmatika i lingvokul'turologiya [Affectonyms: semantics, pragmatics, and cultural linguistics] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya, no. 73, pp. 18–37. (In Russ.)
12. Kunin A.V. 1996. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka* [Course of Modern English Phraseology]. Moskva; Dubna (In Russ.)
13. Kunin A.V. 1980. Mekhanizm okkazional'noi frazeologicheskoi nominatsii i problema otsenki [The mechanism of occasional phraseological nomination and the problem of evaluation] *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov imeni Morisa Toreza*, issue 168, pp. 158–185. (In Russ.)
14. Kurilova S.N. 2018. Augmentativnost' kak affiksāl'no markirovannaya kategoriya chastei rechi v yukagirskom yazyke (na materiale yazyka tundrovyykh yukagirov) [Augmentativity as a marked affixal speech parts category in Tundra Yukaghir] *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Vol. 16, no. 3, pp. 88–101. (In Russ.)
15. Nikolina N.A. 2021. Ekspressivnye slovoobrazovatel'nye sredstva v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo [Expressive words in the works of M. Dostoevsky] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Russkaya filologiya, no. 3, pp. 41–47. (In Russ.)
16. Skachkova E.V. 2022. Semantika i osobennosti funktsionirovaniya sushchestvitel'nykh s augmentativnymi suffiksami v neformal'noi internet-kommunikatsii (na materiale russkoyazychnykh blogov) [Semantics and specificities of functioning of nouns with augmentative suffixes in informal internet-communication (based on the materials of Russian-speaking blogs)] *Vestnik Samarskogo universiteta*. Istoriya, pedagogika, filologiya, no. 1, pp. 179–186. (In Russ.)
17. Teliya V.N. 2008. *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti*. [Human factor in language. Language mechanisms of expressiveness]. Moscow (In Russ.)
18. Chudar' A.N. 2020. Strukturno-semanticheskie i funktsional'nye osobennosti analiticheskikh diminutivov v avstraliiskom, novozelandskom i yuzhnoafrikanskom angliiskom [Structural, semantic and functional peculiarities of analytical diminutives in Australian, New Zealand and South African English] *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Seriya 1: Filologiya, no. 2(105), pp. 92–99. (In Russ.)
19. Bagchi T., Parakh M. 2021. A preliminary classification of diminutives and augmentatives in Bangla. *Working Papers on Linguistics and Literature*. XV, pp. 702–712.
20. Bessonova O. 2018. Evaluative Designations of Person in Non-Cognate Languages. *Language in the New Millennium: Applied-Linguistic and Cognitive-Linguistic Considerations*. Berlin. Vol. 11, pp. 77–94.
21. Davis C. The morpho-phonology of an English diminutive. *Proceedings of the Linguistic Society of America*. 8 (1). 2023.
22. Dressler W., Barbaresi M. 2011. *Morphopragmatics: diminutives and intensifiers in Italian, German and other languages*. Mouton de Gruyter.
23. Kruashvili I. 2018. Nouns with augmentative meaning in the German wordbuilding. *Cross-Cultural Studies: Education and Science (CCS&ES)*, no. 3, pp. 138–145.
24. Manova S., Grestenberger L., Korecky-Kröll K. 2023. Introduction: Diminutives across languages, theoretical frameworks and linguistic domains. *Trends in Linguistics. Studies and Monographs*. Berlin. (preprint)

25. Mashaqba B., Huneety A., Abu G., Mohammed N., Zeidan Z. 2022. On Morphology-Phonology Interface: Insights from Diminutives in Jordanian Arabic. *Theory and Practice in Language Studies*. 12(6), pp. 1206–1213.
26. Sarwar M. 2018. A Study of Augmentativization in English and Bangla. *JER Journal of ELT Research*. Vol. 3, no. 1, pp. 68–77.
27. Schneider K. 2012. *Diminutives in English*. Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen.
28. Vanhove M., Ahmed M.H. 2018. Diminutives and augmentatives in Beja (North-Cushitic). *Studies in Language*. 42, pp. 51–80.
29. Zivingi S., Sulaiman R. 2022. Comparative morphological analysis of diminutive and augmentative in English, Kurdish and Arabic. *International Journal of Communication*. 9(2), pp. 132–135.

LIST OF LEXICOGRAPHIC SOURCES

30. Novyi bol'shoi anglo-russkii slovar' [New English-Russian Dictionary]. URL: <https://eng-rus.slovaronline.com> (accessed: 12.07.2023) (In Russ.)
31. Green's Dictionary of Slang. URL: <https://greensdictofslang.com> (accessed: 12.07.2023)
32. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed: 12.07.2023)
33. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. 2007
34. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. 2002

Статья поступила в редакцию 17.07.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 17.07.2023;
approved after reviewing 25.09.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

М.Э. Конурбаев, Е.Ю. Андреева

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О СООТНОШЕНИИ ТЕМБРА И СИНТАКСИСА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; marklen@konurbaev.ru

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; eyandreeva@fa.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме связи между тембром и синтаксисом в различных функциональных стилях речи. Выбирается и объясняется методологическая основа исследования взаимного влияния синтаксиса (уровня обусловленных конструкций) и тембра (уровня индуктивной цельюоформленности). При рассмотрении понятия «интенциональность» в рамках направления феноменология становится очевидным, что тембр следует понимать как иерархию элементов связи, которая создает желаемое звучание с учетом уже имеющихся в сознании инвариантов. Тембр формирует не только прямые синтаксические связи, но и экспрессивные оттенки, содержащиеся как в +структуре, так и в семантике частей конкретного речевого произведения.

С целью создания удобства и максимальной объективности анализа при описании синтаксических особенностей произведений различных функциональных стилей в рамках данного исследования задается конкретный диапазон рассмотрения — от уровня простых морфологических связей до уровня гипертекстовых единств. Поле анализа представлено в виде простой целевой, где ядро — это зона хорошо известных стандартизированных типов синтаксических связей, зона-2 — пространство связей, существующих в виде зримых повторов (анафор, эпифор, рефренов, синтаксических повторов), зона-3 — зона связи всех существующих связующих элементов в рамках текста, трудно поддающаяся объективному истолкованию (связи, закрепленные ритуалом).

В заключительной части настоящего исследования приводится пример анализа стихотворного текста на английском языке и его перевода на русский с целью демонстрации тесной связи синтаксиса и тембра на различных уровнях иерархии.

Конурбаев Марклен Эрикович — доктор филологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор-консультант кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ; marklen@konurbaev.ru.

Андреева Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ; eyandreeva@fa.ru.

Ключевые слова: филология; текст; феноменология речи; интенциональность; тембр; синтаксис; образ; смысл; ассоциативные связи; ритуал

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-7

Для цитирования: Конурбаев М.Э., Андреева Е.Ю. Постановка вопроса о соотношении тембра и синтаксиса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 89–105.

Введение

Филология как наука, главным объектом изучения которой является текст, призвана толковать и понимать смыслы, заключенные как в отдельно взятом слове, так и в целом произведении. Текст, будучи источником и средством передачи информации, требует комплексного исследования, необходимого не только для поверхностной оценки качества изложенного, но и для верной интерпретации того, что хотел передать автор.

В книге «Введение в общую филологию» Ю.В. Рождественский рассуждает о том, что «филологическое знание состоит в проникновении не только в содержание того или иного текста, но и в его истолкование» [Рождественский, 1996: 9]. Процесс истолкования текста делится на ступени, помогающие логичным образом прийти к пониманию предметов частной и общей филологий. Предметом анализа частной филологии является конкретный текст, а именно его создание, авторство, вхождение в конкретную область культуры; общая филология занимается рассмотрением общих исторических закономерностей постижения и интерпретации текстов в процессе развития культуры, знаний и речевого общения, а также технического прогресса.

Филология имеет свой предмет, отличный от лингвистики, зачастую не выходящей за пределы конкретного предложения: филология занимается описанием фактуры речи, а также поиском разнообразных связей и смыслов в пределах текста. Важно заметить, что текстовые связи ни в коем случае не являются статичными, а смысл текста состоит в переоживлении данных связей. В широком понимании динамичность текста называется тембром.

Тембр в своей основе предполагает выстраивание определенной иерархии: какие-то элементы текста оказываются более значимыми, какие-то — менее важными. С появлением каждого нового элемента необходимо оценивать его место в общей иерархии. Может оказаться, что с появлением новых элементов предыдущие, стоящие наверху, вдруг опустятся ниже, что заставит искать новые смыслы. Данный принцип входит в основу когнитивной лингвистики и феноменологии как философской концепции.

В современной филологической науке существует большое количество дефиниций понятия «тембр». В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой тембр определяется как «специфическая сверхсегментная окраска речи, придающая ей те или другие экспрессивно-эмоциональные свойства» [Ахманова, 2004: 472]. Профессор М.Э. Конурбаев понимает под тембром «систему особой просодической маркировки иерархизированных смысловых акцентов, основанных на оценке семантико-стилистической реализации использованных автором текста языковых единиц»¹. Речевой тембр — широкое понятие, охватывающее как процесс создания речевого произведения, так и процесс восприятия, понимания данного произведения. Ключевую часть речевого тембра составляет слуховой образ [Конурбаев, 2022: 39].

Целью настоящей статьи является осмысление феномена тембра в свете его неразрывной связи с синтаксисом речи. Данная работа поможет углубить знание о тембральной составляющей синтаксических конструкций, а также расширить рамки анализа тембра в основных функциональных стилях речи.

Феноменология речи как методологическая основа при изучении связи тембра и синтаксиса

Феноменология речи считается относительно новой наукой. Ее основоположником является Ф. Brentano [Брентано, 1996], разработавший оригинальную концепцию сознания. Основные тезисы философии Brentano строятся на положении о тематизации сознания на базе дифференциации физических и психических феноменов, а также на утверждении об интенциональной природе актов сознания. Суть понятия «интенциональность» заключена в осознании того факта, что интенциональные содержания включают ряд признаков, которые отсутствуют в предметной области «физических объектов». При анализе интенциональных отношений характер связи между вещами является имманентным (происходит взаимодействие некоего психического состояния и объекта, к которому это состояние относится). Еще одним признаком, характеризующим сферу интенциональности, является присутствие виртуальных образов, не существующих в реальном мире; они представляют собой предметности особого типа, к которым устремлены психические переживания. Ф. Brentano ставит вопрос о механизме, при помощи которого индивид в процессе активности сознания устанавливает

¹ Данное определение было предложено проф. М.Э. Конурбаевым в речи на Ученом совете филологического факультета 15 июня 2023 г.

связь с феноменами, которые не существуют в реальной действительности.

Важно отметить, что интенциональный объект не является просто продуктом человеческого воображения — психическим образом в сознании. У индивида может быть ощущение не только того, что тот или иной образ возникает чисто в его голове, а еще и того, что данный образ может быть реальным, т.е. существовать за пределами его психики [Dennet, 1987].

Д. Деннет, развивая идеи Ф. Brentano, в своих исследованиях затрагивает тему использования так называемых меток, помогающих человеку по-новому осмысливать свои действия и состояния. С раннего детства мы устанавливаем ассоциативные связи между слуховыми и артикуляционными процессами и наряду с этим в процесс включаются структуры параллельно протекающих процессов. Таким образом, в нашей памяти формируются особые ассоциативные узлы. Именно эти узлы являются опорами, придавая меткам независимую идентичность в рамках системы. Слово может быть подобной полезной меткой, совершенствующей ресурсы мозга, в том случае, когда оно представляет собой готовый закрепитель искомым ассоциаций, уже сформированных и установленных в данной системе [Деннет, 2004].

Э. Гуссерль обращает свое внимание на сущностное отношение между объектом и интенциональным актом, делая вывод о взаимозависимости этих двух составляющих, так как акт неосуществим без объекта, а объект, в свою очередь, определен актом. В то время, как Ф. Brentano полагал, что интенциональный объект обладает самостоятельной структурой и является неразложимым в рамках акта, Э. Гуссерль, принимая данный тезис, делает акцент на объекте *per se* (сквозь призму интенциональных актов), не равному объекту реальному. Гуссерль рассматривает интенциональность в качестве важнейшей функции сознания, смыслодающего акта, рассуждая о том, что когнитивной науке бесполезно искать внешние причинно-следственные связи в пределах интенционального поля [Гуссерль, 2009].

Одним из ключевых понятий феноменологии выступает термин «феноменологическая редукция» (лат. *reductio* — уменьшение, ослабление), означающая, что все трансцендентное (имманентно не данное адресату информации) должно обозначаться индексом обнуления (*Nullität*) [Гуссерль, 2006]. Основной принцип действия феноменологии — усматривающе-выясняющий: вначале происходит установление смысла, а затем — его распознавание [Гуссерль, 2009].

Одним из ключевых принципов феноменологии является принцип «Назад к самим вещам!», который предполагает преодоление пред-

рассудков, освобождение от общепринятых фактов, мнений, предпосылок, шаблонов и клише с целью обращения к изначальному опыту сознания, в рамках которого рассматриваемые объекты возникают не в свете устоявшихся теоретических положений и умозаключений, а как нечто, само раскрывающееся перед исследователем. В основу самоистолкования феноменологии Э. Гуссерль закладывает следующий принцип: «Любое дающее из самого первоисточника созерцание есть правовой источник познания, и все, что предлагается нам в «интуиции» из самого первоисточника (так сказать, в своей настоящей живой действительности), нужно принимать таким, каким оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает» [Гуссерль, 2009: 80]. Вводя идею «эпохэ» (греч. *εποχή* — удержание, самообладание, воздержание от суждений), Гуссерль вкладывает в нее картезианский метод «всеобщего сомнения», который должен быть использован каждым философом в начале своих философских размышлений [Декарт, 1994].

В процессе толкования речевого произведения в сознании человека происходит такой процесс, как интенциональное объяснение, или ноэматически-ноэтическая интерпретация [Гуссерль, 1992], где ноэзис — мышление, ноэма — мысль. Ввиду интенциональности сознания ноэзис стремится выяснить смысл (ноэму). В свою очередь, все единства, содержащиеся в сознании, в конце концов сводятся к некоему идентичному пределу. Таким образом, универсум переживаний, направленных на один и тот же предмет, представляет собой нечто инвариантное. В процессе формирования синтетических многообразий человеческое сознание осуществляет свободную вариацию в рамках более или менее четко очерченных горизонтов, которые в идеале стремятся охватить весь мир [Канке, 2008]. В этой связи при обращении к вопросу интерпретации текста данные «очерченные горизонты» могут быть представлены понятием иерархии — положением элементов речевого сообщения в порядке от высшего к низшему, а под тембром мы будем понимать иерархию тех элементов связи, которая в конечном счете создаст желаемое звучание. Следует сделать оговорку, что тембр образует не только прямые связи (синтаксис), но и экспрессию, заключенную как в структурной, так и в семантической составляющих. Тем самым он представляет собой некую область, находящуюся на периферии между синтаксисом и семантикой, основанную на ожидании того или иного оттенка восприятия в сочетании с устоявшимися коммуникативными шаблонами в рамках уникальной устной или письменной интерпретации говорящего. Именно на данной контекстуально обусловленной речевой вариации зиждется динамика речи и ее феноменологическая

реализация в различных типах межличностной коммуникации [Конурбаев, 2023].

Таким образом, можно сделать вывод о целесообразности применения феноменологического подхода к анализу речевых сообщений различных функциональных стилей с точки зрения их тембральной оформленности. Данный подход расширяет варианты интерпретации адресатом информации сквозь призму чувств, индивидуального опыта, набора ассоциаций индивида на фоне заданных инвариантов.

Механизм осмысления и интерпретации речевого сообщения: иерархия связей

При изучении тембра необходимо принимать во внимание достижения в сфере дисциплин, связанных с постижением механизмов порождения и восприятия речи, рассматривая такие составляющие, как речевой процесс, соотношение слова с мыслительным образом, понятие и слово, суждение и предложение, ход мысли и текстовая структура. Данные сферы подробно рассматривались отечественными учеными Н.И. Жинкиным [Жинкин, 1958; 1982], А.Н. Соколовым [Соколов, 1956], Л.С. Выготским [Выготский, 2023], А.А. Леонтьевым [Леонтьев, 1969] и др. В ходе многочисленных экспериментов было выявлено, что при речевом общении главную роль играют не отдельно взятые элементы высказывания, а их «суммарная энергия», состоящая в мыслительном представлении, сложившемся в процессе живого взаимодействия компонентов высказывания [Конурбаев, 2022]. Таким образом, существует некая энергетика связей внутри текста, притягивающая элементы друг к другу.

Линейная словесная репрезентация действительности начинается с оформления говорящим или пишущим некоей логической структуры обобщенной картины своего замысла. Ввиду того, что коммуникативный процесс невозможен без осмысления отрезков речи, обращенных к человеку, исходная структура начинает обрастать различными оттенками тона или отношения, которое и называется тембром. В самом широком смысле тембр можно определить как выстраивание иерархии элементов в рамках данного речевого произведения. В процессе постижения исходной коммуникативной схемы адресат высказывания декодирует направленное ему языковое сообщение, следуя определенному алгоритму:

1) постижение полных предложений с предикацией (лексико-синтаксический уровень);

2) проверка логической связи с фактом в пределах данных предложений (логический уровень);

3) поиск и восприятие экспрессивных маркеров сквозь призму общего стиля (стилистический уровень);

4) восприятие речевого события как некоего смыслового целого (уровень анализа анафорических отношений; уровень «застывшей формы»);

5) идентификация маркеров эмоционального напряжения, связанных с жизненным опытом человека, образами и концертами из памяти (экстралингвистический уровень);

6) работа человеческого воображения по развитию эмоционально осмысленной реальности на основе силы прогностического видения оживленных объектов (уровень воображения);

7) ретроспективная коррекция общей ментальной репрезентации, которая зиждется на обновленном видении феноменологически ускоренной реальности (уровень распознавания новых элементов при разворачивании речи в процессе вербальной коммуникации);

8) обобщение всех предыдущих уровней при помощи психических слуховых образов (психический уровень) [Конурбаев, 2023].

Успешному постижению общего смысла произведения способствует умение автора объединять синтаксические и логические ударения во фразах. Стоит отметить, что верной расстановки синтаксического ударения, следуя за организованными тем или иным образом членами структуры текста, недостаточно. Для более глубокого прочтения важную роль играет логическое ударение, предопределенное смыслом высказывания. Несмотря на практическое отсутствие разницы между синтаксическим и логическим ударением с просодической точки зрения, с интонационного ракурса логическое ударение более интенсивно, ярко в сравнении с синтаксическим. Кроме того, существует эмфатическое ударение, покрывающее собой логическое и синтаксическое. Фонетические характеристики данного вида ударения обусловлены стилистически (единицы «высокого» / «сниженного» стиля), коннотацией (прямое / переносное значение слов), а также эмоционально-понятийным спектром.

Слова в тексте формируют небольшие блоки-последовательности в сознании читателя таким образом, что их денотативное значение частично расподобляется в новое коннотативное значение, возникающее в контексте. Сближение элементов текста вносит абсолютно новые смыслы [Konurbayev, 2016: 11]. Число ассоциативных связей в сознании читателя может быть бесконечно велико.

Понимая под тембром любого речевого произведения иерархию различных связующих элементов, в своей совокупности создающих желаемое звучание, будет уместно также обратиться к понятию «тембральные струны»; они представляют собой частицу восприятия, ассоциативную связь, которую читатель устанавливает между

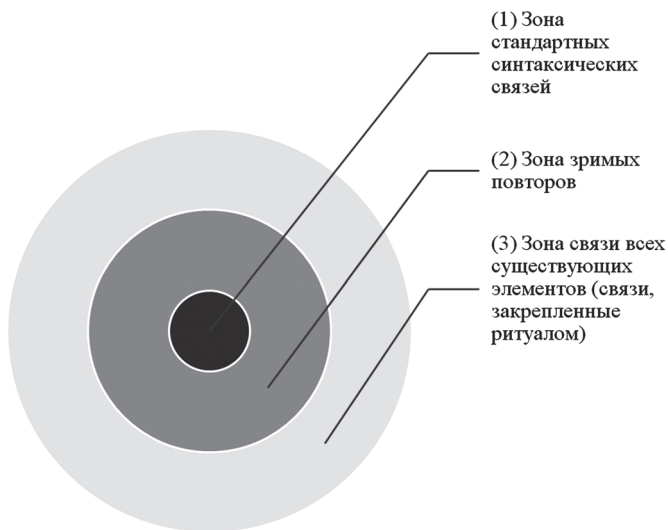
различными элементами в процессе коммуникации, пытаюсь постичь значение речевого сообщения, направленного в его сторону, и посредством которой адресат формирует «канву» когнитивного пространства в пределах своей индивидуальной картины мира [Konurbayev, 2016: 11–12]. Таким образом, некий инвариант, содержащийся в сознании читателя, обрастая разнообразными связями, создает новые и новые вариации интерпретации речевого произведения и продуцирования обратной связи.

Описание синтаксических особенностей текстов основных функциональных стилей: концепция и базовые понятия

В рамках различных функциональных стилей мы имеем разное сочетание слов и различные варианты их организации. Одной из актуальных задач для современной лингвистики является описание синтаксических особенностей основных функциональных стилей. Для удобства и максимальной объективности анализа необходимо задать конкретный диапазон — от уровня простых морфологических связей до уровня гипертекстовых единств. Поле анализа можно представить в виде простой целевой, где ядром (объективной частью) будет зона хорошо известных стандартизированных типов синтаксических связей. За ядром следует зона (зона-2), где связи существуют в виде зримых повторов — анафор, эпифор, рефренов, синтаксических повторов. Над двумя данными зонами располагается зона связи всех существующих элементов связи в пределах текста, но при этом трудно объяснить, каким именно образом данные элементы связаны (зона-3, субъективная часть). Считаем целесообразным назвать третью зону областью связей, закрепленных ритуалом.

В пределах данной модели текстового анализа термин «ритуал» будет являться одним из ключевых понятий. В настоящее время ритуалом можно назвать достаточно обширный ряд явлений и процессов общественной жизни. Современная наука зачастую рассматривает ритуал как языковую игру. Исследователь Ю.Н. Кириленко определяет ритуал как иррациональную, непосредственную форму познания мира, где смыслы передаются не только вербальным путем, а еще и через некую цепочку действий-символов [Кириленко, 2010]. Выстраивая собственное семантическое пространство, ритуал может быть представлен в виде текста с изначально заданными кодами. Следовательно, в рамках ритуала может быть задействовано несколько языков (кодов), каждый из которых необходимо отдельно проанализировать в целях дальнейшей корректной интерпретации [Кириленко, 2010]. Одной из важных характерных особенностей ритуала является также особая интенсификация выразительных средств [Байбурын, 1993].

Зоны для анализа связей в текстах различных функциональных стилей

Следует отметить, что ритуал с лингвистической точки зрения имеет определенный набор так называемых идеальных схем в трех ипостасях: синтаксической, семантической и прагматической. Что касается синтаксического аспекта, его можно считать эталоном, «идеальной языковой схемой», прописанной в источниках. Семантический уровень представляет собой значение, предполагающееся для данного конкретного ритуала — «связь актора со сверхреальностью», достигаемой при помощи ритуала, однако в данном случае уже не приходится говорить об однозначной схеме, поскольку «достижение перехода от профанного к сакральному» не может быть однозначно эксплицируемым [Кириленко, 2010: 40]. В рамках уровня прагматики изучаются внешние условия — экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на «идеальные схемы» синтаксического и семиотического уровней ритуального действия в каждой конкретной ситуации [Кириленко, 2010: 41].

Полагаем, что в рамках заданной концепции анализа будет целесообразным применить понятие «ритуал» не только к сакральным, религиозным источникам, но и ко всем типам текстов. С точки зрения предлагаемой модели анализа будем понимать под ритуалом некий набор элементов, связи между которыми являются нерегулируемыми, но обусловленными традицией. Таким образом, это субъективная составляющая зоны связей всех существующих элементов, которая реализуется посредством особой закономерности единиц, установленной говорящим с учетом его национальной или религи-

озной модели мира, обладающих или не обладающих экспрессивной окраской в зависимости от участников коммуникации, ситуации, а также пространства актуализации.

Тембральное оформление синтаксических конструкций в речи

Существует неразрывная связь между тембром и синтаксисом. Рассмотрением связей в области между построением текста и его интерпретацией занимается темброведение [Конурбаев, 2015]. Эта сфера исследует диапазон распространения перцепции между выразительными элементами структуры текста и их семантическим потенциалом.

Акт говорения или письма предполагает выстраивание в голове определенной иерархии структурных, семантических и экспрессивных речевых средств, необходимых для успешной передачи речевых сообщений. С одной стороны, данный процесс детерминирован законами построения текста — грамматикой, синтаксической организацией, логикой, композиционными особенностями. С другой стороны, восприятие подобной иерархии элементов человеком зачастую зависит от внешних факторов, включающих индивидуальные характеристики получателя речевого сообщения, а именно его уровня владения языком, эрудиции, особенностей психики, когнитивного стиля. Таким образом, одни звуки могут восприниматься адресатом ярче и отчетливее, в то время как другие остаются абсолютно нейтральными, «немыми». Подобная неоднородность речи способствует созданию разнообразных феноменологических «давлений» или восприятий [Конурбаев, 2023]: в нашей кратковременной памяти происходит соединение экспрессивных элементов и акцентов с другими текстовыми оттенками, что способствует формированию гештальтов [Вертгеймер, 2022]. Теория гештальтов настаивает на идее целостности, что противоречит бихевиористскому подходу, рассматривающему комплексный объект как сумму элементарных поведенческих реакций [Лешли, 1933].

Вследствие этого для целей анализа текстов с точки зрения связи структурных и сверхсегментных элементов речи считаем обоснованным ввести понятие «цельнооформленность». Под цельнооформленностью мы понимаем содержание-намерение, систему ключевых слов, иерархию смысловых акцентов, систему обобщений, присущую произведению в целом, где использованные автором слова разнообразным образом реализуют имеющийся у них в рамках языка семантический потенциал². В более общем смысле оформлен-

---

² Данное определение было предложено проф. М.Э. Конурбаевым в речи на Ученом совете филологического факультета 15 июня 2023 г.

ность можно расценивать как некий баланс пропорций элементов различных уровней в пределах данного текста.

Внутри каждого речевого произведения существуют различные единства, в совокупности образующие текст (согласно теории гештальтов). Таким образом, анализ структуры связей в тексте должен проводиться следующим образом: (1) описание связей, подчиненных законам синтаксиса, грамматики и дейксиса; (2) описание элементов, образующих данные связи.

При анализе текстов художественной литературы важным оказывается осмысление особых феноменов — образов. Основная функция образа — поэтическая. Образ — «нерв и стержень» поэзии [Колчигин, 2018: 188]. Однако поэтический образ зачастую имеет «непривлекательную» способность значительно отклоняться от реальной жизни. Цепляя за собой иные образы, увлекая их за собой, он зачастую превращает художественное произведение в громадную паутину из образов, в которой происходит либо утрата реальности, либо ее умножение до гипертрофированной степени. Но и особенность человеческого воображения заключена в способности увлекать индивида далеко за грани реальности таким образом, что чувственность и жизненность элиминируется в калейдоскопе гротескных образов. Главная особенность воображения, таким образом, заключается в способности связывать мысль и чувство. Из этого следует, что, так как главной функцией образа выступает хранение цельности внутреннего мира человека, образу нельзя предоставлять чрезмерную свободу, ибо тогда наш внутренний мир выступит хаосом, мифом без границ. Так, цельнооформленность произведения вступает в резонанс с внутренней целостностью мира индивида. Тембр же, представляя собой тонкую оценку меры выделенности элементов в тексте, представляет собой живое пространство образа.

Необходимо также упомянуть о таком важном аспекте анализа художественного произведения, как индивидуальный стиль автора. Художник по-своему опредмечивает, интерпретируя, тот или иной набор выразительных средств; даже при неизменной структуре тропа стиль подвергается трансформации [Минералов, 1999]. Формированию индивидуальных стилей способствуют как глобальные (социально-исторические), так и конкретно-биографические (например, психофизиологические) факторы.

Рассмотрение грамматики как совокупности определенных правил весьма узко, ибо грамматическая система — факт духовной культуры того или иного народа, воздействующий на каждую личность; таким образом, грамматика представляет собой не только «техническое орудие», но и важный компонент художественного творчества [Минералов, 1999: 55]. Порой происходит несовпадение

синтаксических связей с логическими. Синтаксис, поддержанный ритмической составляющей, находится в противоречии с содержанием фразы как единицы языка. Однако слова, стоящие «не на тех» местах, разобщенные в синтаксическом плане, образуют связи ассоциативные, незримо перестраивающие фразу изнутри. Таким образом, происходит художественная трансформация общезыкового смысла [Минералов, 1999: 105]. Становится очевидным, что элементы речи группируются вокруг сильной точки — слова или сочетания слов, которые несут наибольшую эмоциональную нагрузку. Именно на данном этапе осмысления речевого сообщения колоссальную роль играет тембр.

С фонетической точки зрения речевой тембр определяется как минимум звуковых параметров, которые составляют неотъемлемое свойство текста, необходимо присутствующим при его устном воспроизведении и без которых невозможно его истинное понимание [Конурбаев, 2002: 15–16]. С точки зрения смысла тембр представляет собой совокупность прямых и косвенных связей, вместе формирующих желаемое звучание, а следовательно, и желаемую интерпретацию того или иного сообщения.

В качестве примера анализа текста с точки зрения тесной связи синтаксиса и тембра рассмотрим особенности стихотворения Кристины Россетти “When I am dead, my dearest” и его перевода на русский язык В.Я. Брюсова:

Christina Rossetti <i>When I am dead, my dearest</i>	Перевод В.Я. Брюсова
When I am dead, my dearest, Sing no sad songs for me; Plant thou no roses at my head, Nor shady cypress tree: Be the green grass above me With showers and dewdrops wet; And if thou wilt, remember, And if thou wilt, forget. I shall not see the shadows, I shall not feel the rain; I shall not hear the nightingale Sing on, as if in pain: And dreaming through the twilight That doth not rise nor set, Haply I may remember, And haply may forget	Когда умру, над прахом Не травь, мой милый, слез . Не надо кипарисов, Не надо алых роз. Холодным, влажным дерном Покрой больную грудь , И, если хочешь, — помни, А хочешь — позабудь. Я не увижу теней, Я не услышу гроз И соловиной песни , Как будто полной слез . Во мраке беспредельном Хочу я потонуть . Ты только, сердце, помни... А лучше — позабудь

Прежде всего следует отметить, что текст К. Россетти обнаруживает приметы следующих жанров: любовная лирика (лирические

герои представляют собой влюбленную пару), религиозно-философская лирика (медитативные рассуждения о вопросах жизни, любви и смерти), ламентация (плач по умершей лирической героине), автоэпитафия («надгробная надпись» на случай собственной смерти), а также завет (посыл лирической героини живому возлюбленному в стихотворной форме). Самой Россетти жанр данного произведения был определен как песня (song). Подобное многообразие жанровых оттенков, безусловно, дает исследователям языка и переводчикам огромный простор для толкования [Матвиенко, 2015].

С точки зрения структурной организации строфическое деление стихотворения эквивалентно его тематическому делению — оно состоит из двух восьмистиший, где в первом — предсмертные пожелания лирической героини придают свежесть и даже некую игривость всей октаве, а во втором — неуловимо ощущается тоска и чувство одиночества героини. В переводной версии элиминируется четкая дифференциация между темами двух восьмистиший. В оригинале постепенный переход абстрактных пожеланий в конкретную просьбу отражен в синтаксическом строении стихотворения: две темы = два сложноподчиненных распространенных предложения. В процессе перевода В.Я. Брюсов сохраняет два восьмистишия, однако вместо двух синтаксических предложений перед читателем возникает семь.

В оригинальной версии все синтаксические и семантические связи выглядят ровно, отсутствуют внезапно возникающие слова, не принадлежащего тематической группе знаков (кладбище, трава, кипарисы, розы). Ничто не нарушает стройный ход медитативного рассуждения. В.Я. Брюсов же при переводе посредством небольшого семантико-стилистического сдвига полностью перестраивает тембр стихотворения, при этом содержание его остается практически неизменным. Переводчик переосмысливает фразы, связанные с образом кладбища, создавая картины, изображающие именно русский погост. В.Я. Брюсов также «додумывает» о переживаниях лирического героя (Холодным, влажным дерном / Покрой большую грудь. . .) — определения подчеркивают эмоциональное состояние печали, дискомфорта, душевной боли. В то время, как в стихотворении К. Россетти мы наблюдаем статичность образов (And dreaming through the twilight / That doth not rise nor set. . .), у Брюсова возникает динамика, движение (Во мраке беспредельном / Хочу я потонуть. . .). Возникает впечатление, что переводчика не устраивает статика и отсутствие градации элементов в тексте оригинала, и он пытается создать иерархию динамичных связей уже в тексте перевода. Таким образом, автор перевода создает абсолютно новый эмоционально-экспрессивный фон, меняющий тембр всего произведения.

Заключение

Феномен «тембр» можно рассматривать двояко: с одной стороны — в самом общем смысле — это минимальный набор звуковых параметров, составляющих неотъемлемое свойство текста, облигаторно присутствующих при его устном воспроизведении, ибо без них его истинное понимание становится невозможным; с другой стороны — с точки зрения феноменологии — осмысляя процесс восприятия и интерпретации речевого произведения адресатом, мы понимаем под тембром иерархию различных связующих элементов, создающих в итоге желаемое звучание. Изучение тембра произведения как иерархии взаимосвязанных элементов опирается на данные психологии, физиологии, фонетики, акустики. Что касается филологической науки, здесь необходимым оказывается инструментарий стилистики, лингвопоэтики и синтаксиса (начиная с морфологических связей, малого синтаксиса и до уровня большого синтаксиса). Основной целью исследователя становится выявление связей, возникающих в мозге, а также их классификация с разных проекций. Таким образом, мы имеем дело с живым синтаксисом. Обозначая диапазон проведения анализа тембрально-синтаксических связей, необходимо брать во внимание три основных зоны: (1) ядро — зона стандартных синтаксических связей; (2) зону зримых повторов; (3) зона связей, обусловленных ритуалом (субъективных связей). Недостаточно рассматривать текст лишь с грамматической точки зрения (прямых связей): необходимо принимать во внимание и эмоционально-экспрессивные оттенки — сильные точки, несущие эмоционально-смысловую нагрузку (косвенные, индуктивные связи, а также элементы, образующие данные связи).

В качестве перспектив для дальнейшего исследования данной темы можно обозначить необходимость уточнения понятия «иерархия» применительно к анализу связей различных типов в текстах, принадлежащих различным функциональным стилям. Кроме того, считаем важным доказать оправданность использования термина «цельнооформленность» как одной из универсальных составляющих комплексного тембрового анализа различных типов текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
2. *Байбури А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / РАН, Музей антропол. и этнограф. им. Петра Великого (Кунсткамера); отв. ред. Б.Н. Путилов. СПб., 1993.
3. *Брентано Ф.* Психология с эмпирической точки зрения // Избранные работы. М., 1996.
4. *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М., 2022.

5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 2023.
6. *Гуссерль Э.* Амстердамские доклады // Логос. 1992. № 3. С. 62–80.
7. *Гуссерль Э.* Идея феноменологии: Пять лекций. СПб., 2006.
8. *Гуссерль Э.* Иден к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2009.
9. *Декарт Р.* Размышления о первой философии. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1994.
10. *Деннет Д.* Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004.
11. *Жинкин Н.И.* Механизмы речи. М., 1958.
12. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М., 1982.
13. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. М., 2008.
14. *Кириленко Ю.Н.* Философское измерение ритуала: ритуал как языковая игра // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 341. С. 39–42.
15. *Колчигин С.Ю.* Чувство и мысль (Опыт коррелятивной феноменологии). Алматы, 2018.
16. *Конурбаев М.Э.* Стиль и тембр текста. М., 2002.
17. *Конурбаев М.Э.* Филологические основы темброведения. М., 2022.
18. *Конурбаев М.Э.* Введение в феноменологию речи. М., 2023.
19. *Лешли К.* Мозг и интеллект [Текст] / К.С. Лешли; пер. с англ. А.А. Нусенбаума; под ред. Л.С. Выготского; с предисл. И.Д. Сапира. М.; Л., 1933.
20. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
21. *Матвиенко О.В.* Русские интерпретации стихотворения К. Дж. Россетти “When I am dead, my dearest...”: диалектика утрат и открытий // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2015. № 1 (9). С. 84–104.
22. *Минералов Ю.И.* Теория художественной словесности (поэтиками и индивидуальность). М., 1999.
23. *Рождественский Ю.В.* Общая филология. М., 1996.
24. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации (под ред. О.С. Ахматовой). М., 1969.
25. *Dennet D., Haugeland J.* Intentionality // The Oxford Companion to the Mind, in R.L. Gregory, ed., Oxford, 1987. P. 1–7.
26. *Konurbaev M.E.* The style and timbre of English speech and literature. N.Y., 2016.

Marklen E. Konurbaev, Ekaterina Yu. Andreeva

ON THE RELATION BETWEEN TIMBRE AND SYNTAX

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; marklen@konurbaev.ru
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; eyandreeva@fa.ru*

Abstract: The article is devoted to the question of the relationship between timbre and syntax in different functional styles of speech. The methodological basis for investigating the mutual influence of syntax (the level of conditioned constructions) and timbre (the level of inductive wholeness) is selected and explained. When considering the notion of “intentionality” within the framework of the direction of phenomenology, it becomes obvious that timbre should be understood as a hierarchy of communication elements, which creates the desired sound taking into account the invariants already available in consciousness. The timbre forms not only direct, syntactic links, but also expressive components contained in both the structure and semantics of the parts of a particular speech work. In order to create convenience and maximum objectivity of analysis when

describing syntactic features of works of various functional styles, a specific range of consideration is set within the framework of this study — from the level of simple morphological relations to the level of hypertext unities. The field of analysis is represented as a simple target, where the core is the zone of well-known standardized types of syntactic links, zone-2 is the space of links existing in the form of visible repetitions (anaphora, epiphora, refrain, syntactic repetitions), zone-3 is the zone of links of all existing linking elements within the text, which is difficult to interpret objectively (links fixed by ritual). The final part of this study presents an example of analyzing a poetic text in English and its translation into Russian in order to demonstrate the close relationship between syntax and timbre at different levels of the hierarchy.

Key words: philology; text; speech phenomenology; timbre; syntax; image; meaning; associative relationships; ritual

For citation: Konurbaev M.E., Andreeva E.Yu. (2024) On the Relation Between Timbre and Syntax. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 89–105. (In Russ.)

About the authors: Marklen E. Konurbaev — Dr. Habil in Philology, Professor, Department of the English Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; Consulting Professor of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation; marklen@konurbaev.ru; Ekaterina Yu. Andreeva — PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication of the Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation; eyandreeva@fa.ru.

REFERENCES

1. Akhmanova O.S. 1969. *Sintaksis kak dialekticheskoe edinstvo kolligacii i kollokacii* [Syntax as a dialectical unity of colligation and collocation]. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
2. Akhmanova O.S. 2004. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
3. Baiburin A.K. 1993. *Ritual v tradicionnoj kul'ture: Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obrjadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. SPb.: Nauka. (In Russ.)
4. Brentano F. 1996. *Psihologija s jempiricheskoj točki zrenija // Izbrannye raboty* [Psychology from an empirical point of view // Selected Works.]. Moscow: House of Intellectual Book, Russian Phenomenological Society. (In Russ.)
5. Dennett D. 2004. *Vidy psihiki: na puti k ponimaniju soznanija* [Types of Psyche: Toward an Understanding of Consciousness]. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)
6. Dennet D., Haugeland J. 1987. [Intentionality]. *The Oxford Companion to the Mind*, Oxford University Press, pp. 1–7. (In English)
7. Descartes R. 1994. *Razmyshlenija o pervoj filosofii. Sochinenija: V 2 t.* [Reflections on the First Philosophy. Works: In 2 vol.]. Vol. 2. Moscow: Mysl. (In Russ.)

8. Husserl E. 1992. *Amsterdamskie doklady* [Amsterdam Papers]. *Logos*, no. 3, pp. 62–80.
9. Husserl E. 2006. *Ideja fenomenologii: Pjat' lekcij* [The Idea of Phenomenology: Five Lectures]. SPb.: IC “Humanitarian Academy”. (In Russ.)
10. Husserl E. 2009. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas to Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Moscow: Academic Project. (In Russ.)
11. Kahnke V.A. 2008. *Osnovnye filosofskie napravlenija i koncepcii nauki* [Main philosophical trends and concepts of science]. Moscow: Universitetskaya kniga; Logos. (In Russ.)
12. Kirilenko Yu.N. 2010. *Filosofskoe izmerenie rituala: ritual kak jazykovaja igra* [Philosophical dimension of ritual: ritual as a language game]. *Bulletin of Tomsk State University*, no. 341, pp. 39–42. (In Russ.)
13. Kolchigin S.Yu. 2018. *Chuvstvo i mysl'* (Opyt korreljativnoj fenomenologii) [Sense and thought (Experience of correlative phenomenology)]. Almaty: CaJa. (In Russ.)
14. Konurbaev M.E. 2002. *Stil' i tembr teksta* [Style and timbre of the text]. Moscow: MAKSS Press.
15. Konurbaev M.E. 2016. The style and timbre of English speech and literature. New York: Palgrave Macmillan. (In English)
16. Konurbaev M.E. 2022. *Filologicheskie osnovy tembrovedenija* [Philological bases of timbre studies]. Moscow: Nauka Publishing House. (In Russ.)
17. Konurbaev M.E. 2023. *Vvedenie v fenomenologiju rechi* [Introduction to the phenomenology of speech]. Moscow: Nauka Publishing House. (In Russ.)
18. Lashley K. 1933. *Mozg i intellekt* [Brain and intellect]. Moscow-Leningrad: Sotsek-giz. (In Russ.)
19. Leontiev A.A. 1969. *Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
20. Matvienko O.V. 2015. *Russkie interpretacii stihotvorenija K. Dzh. Rossetti “When I am dead, my dearest...”: dialektika utrat i otkrytij* [Russian interpretations of C. J. Rossetti’s poem “When I am dead, my dearest...”: dialectics of loss and discovery]. *World Literature at the Crossroads of Cultures and Civilizations*, no. 1 (9), pp. 84–104. (In Russ.)
21. Mineralov Yu.I. 1999. *Teorija hudozhestvennoj slovesnosti* [Theory of Artistic Literature (Poetics and Individuality)]. Moscow: Humanit. izd. center VLADOS. (In Russ.)
22. Rozhdestvensky Yu.V. 1996. *Obshhaja filologija* [General philology]. Moscow. (In Russ.)
23. Vygotsky L.S. 2023. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
24. Wertheimer M. 2022. *Produktivnoe myshlenie* [Productive thinking]. Moscow: Izd. group “Alma Mater”; Gaudeamos. (In Russ.)
25. Zhinkin N.I. 1958. *Mehanizmy rechi* [Mechanisms of speech]. Moscow: APN Publishing House. (In Russ.)
26. Zhinkin N.I. 1982. *Rech' kak provodnik informacii* [Speech as a conductor of information]. Moscow: Nauka Publishing House. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.07.2023;
одобрена после рецензирования 01.10.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 01.10.2023;
approved after reviewing 15.06.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Т.Ю. Загрякина

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ФРАНЦУЗОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМ *PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE*)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tatiana_zagr@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена обозначениям в языке референций культуры, формирующих и отражающих чувство идентичности ее носителей. Среди них образ «своего пространства», который маркируется и формируется при помощи особых слов, относящихся и к языку, и к культуре. С учетом работ Ф. Броделя, П. Нора, Р.А. Будагова, Л. Февра, А. Рея, М. Озуф и др. обосновывается понятие «форс-слов» (*mots-force / lieux de force*), имеющих длительную историю, отражающих культуру и ценности коллектива, обладающих эмоциональной силой и исторически изменчивых. На материале словарей, научных, научно-популярных и художественных текстов, интернет-сайтов устанавливаются два полюса представлений французов о самих себе. Первый маркируют лексемы, ассоциированные с гражданским обществом (*Patrie — Nation — Etat / Nation, Contract, Drapeau, République*). Второй реконструируется в статье на основе лексем *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Langues* (мн. ч.) и ассоциируется с ценностями частной жизни, идеей родной земли, локальной и семейной памятью. На примере указанных лексем выявляется, что характер форс-слов и направленность их развития не являются раз и навсегда данными: в одних обстоятельствах происходит развитие идентифицирующей функции слова, в других — ослабление форс-слова и утрата им силы эмоционального воздействия и способности быть маркером идентичности.

Ключевые слова: французский язык; форс-слова; группы форс-слов; родная земля; «национальный пейзаж»; терруар; деревня; культурная идентичность; коллективные представления

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-8

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Загрякина Татьяна Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; tatiana_zagr@mail.ru.

© Загрякина Т.Ю., 2024

Для цитирования: Загряжкина Т.Ю. Аспекты культурной идентичности французов сквозь призму языка (на примере лексем *pays-paysage-terroir-village*) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 106–123.

Изучение номинаций, детерминирующих место человека в ментальном пространстве, привлекает внимание многих исследователей в связи с разработкой концепций идентичности.

Обозначения референций культуры в этом контексте уже рассматривались на страницах нашего журнала [Раевская, 2012; Шевлякова, 2019]. В частности, была установлена мотивация наименований, используемых в теориях мест / lieux («вехи памяти», «места памяти» — Ю.Н. Караулов, П. Нора, «места знания» — Ш. Жакоб, Н.В. Никифорова; «не места» — М. Оже и др.). Использовались и другие обозначения дифференциальных признаков культуры: Ф. Барт пишет о «знаках, сигнализирующих об идентичности» и о «средствах символического различения», И. Плассеро — о «знаковых символических атрибутах»; все чаще используется наименование «маркер» [Загряжкина, 2023: 38 и др.]. Референты этих и других номинаций имеют разную семиотическую природу: это может быть костюм, кухня, традиции и коллективные практики, язык и отношение к языку и т.д. Важной референцией является «территория коллективной идентичности», имеющей инфра- и супранациональные уровни [Филиппова, 2010], образы этой территории и ее границ.

Проблема взаимодействия слова и образа, рассмотренная С.А. Аскольдовым-Алексеевым в одном из ранних исследований концепта [Аскольдов-Алексеев, 1928], до сих пор остается актуальной. По этому принципу построен, в частности, словарь русской культуры Ю.С. Степанова, в котором автор следует тезису о «неслучайности именовании в культуре» «как обобщенному положению, как принципу» своего исследования [Степанов, 2004: 69]. Описывая методики изучения концепта, З.Д. Попова и И.А. Стернин начинают с выбора «ключевого слова» — «имени заданного концепта» [Попова, Стернин, 2001: 14]. Между тем изучение ключевых слов, относящихся и к языку, и к культуре, может быть самостоятельным объектом исследования. Этой теме посвящена данная статья, выполненная на французском материале.

В работе “L’identité de la France” (в русском переводе: «Что такое Франция?») Ф. Бродель подчеркнул роль «идеальных образов и заветных слов» в процессе поиска нацией самой себя [Бродель, 1994: 12]. К проблеме «особых» слов языка, характеризующего культуру, эпоху, творчество писателя или особенности отдельного произведения, обращались многие специалисты, использовавшие близкую, но

не тождественную терминологию: *ключевые слова* (А. Вежицкая; А.Д. Шмелев), *слова-ключи*, *mots-clé* (Р.А. Будагов), *mots-force* (Л. Февр), *lieux de force* (А. Рей) и др. Вопрос о том, считать ли «особый» характер такого слова постоянным или переменным для данного языка и культуры, авторы решают по-разному. Р.А. Будагов [Будагов, 2002], Л. Февр [Febvre, 1996], А. Рей [Rey, 2004] полагали, что этот признак не является постоянным. Так, в книге “Honneur et Patrie”, написанной в 1940-х годах и опубликованной только в 1996 г., историк Л. Февр (основатель школы Анналов) обосновывал понятие форс-слов (*mots-force*) как «старых» слов языка, имеющих длительную историю, богатых по своему значению и обладающих большой эмоциональной силой. По образному выражению Февра, форс-слова «оставляют след в нашем сознании и в минуту слабости или другую тяжелую минуту побуждают нас к действию или бездействию» [Febvre, 1996: 56].

На материале лексики французской революции он выявил пары и группы таких слов, связанных между собой изменчивыми отношениями. Форс-слова того времени “Honneur” (Честь) и “Patrie” (Родина) сформировали, с его точки зрения, две группы слов: 1) *Honneur — Famille — Fidélité* (Честь — Семья — Верность), отсылающая к семейным и вассальным чувствам дворянства, и 2) *Patrie — Nation — Etat* (Родина — Нация — Государство), отражающая преданность Республике и готовность действовать в ее защиту. Маркеры языка и культуры дворянства / революционного народа были широко представлены в дискурсах революционного десятилетия как противоположные. Февр показал, как с развитием французской революции эмоциональное воздействие группы *Honneur — Famille — Fidélité* ослабевало, а воздействие группы *Patrie — Nation — Etat* усиливалось. В период Директории ситуация изменилась на противоположную: революционный вокабуляр эмоционально «износился», «устал» и утратил силу [Febvre, 1996]. В современном французском политическом дискурсе лексема *Patrie* отошла на второй план, но ценности Республики (*République*) сохраняют свою силу.

Соглашаясь с тем, что дискурс об идентичности, или «идентитарный нарратив», имеет ритуализованный характер [Филиппова, Ле Торривелек, 2018], можно утверждать, что встречающиеся в нем особые слова и образы образуют референтную сеть. Вслед за Л. Февром с учетом работ Р.В. Будагова и А. Рея мы определяем эти лексемы как форс-слова («сильные слова», «места силы»), имеющие длительную историю, отражающие культуру и ценности коллектива, обладающие эмоциональной силой и исторически изменчивые. В статье предлагается подход, заключающийся: а) в выделении форс-слов; б) рассмотрении их семантики в развитии; в) учете их

эмоционального воздействия; г) установлении взаимодействия слов в группах (цепочках), образованных на основе смежности, в разные периоды жизни общества.

В качестве точки отсчета используем фрагмент из книги французского историка Моны Озуф “Composition française: retour sur une enfance bretonne” [Ozouf, 2009], находящейся на перекрестке жанров — научного, научно-популярного, автобиографического. Через столетие М. Озуф ведет диалог со своим соотечественником, как и она, выходцем из Бретани Е. Ренаном — писателем и общественным деятелем, заложившим основу трактовки понятия *Nation / Нация* во французском политическом дискурсе. Вопрос о множественной идентичности французов рассматривается в книге М. Озуф сквозь призму истории страны, региона Бретань и собственной семьи автора.

В этой работе М. Озуф развивает мысль о двух концепциях в коллективных представлениях французов о себе самих — абстрактной и конкретной. На абстрактном полюсе находятся представления о Франции как «продукте разума»: <> «это **нация** политическая и гражданская, созданная сознательным объединением людей, проистекающим из [общественного] **договора**, в меньшей степени унаследованная, в большей — построенная. Это **нация**, чья мощная простота, полученная путем искоренения различий, объединяет всех под складками одного **знамени**. Франция, таким образом — это **побежденное** разнообразие» (здесь и дальше перевод наш. — Т.З.) [Ozouf, 2009: 13]. Противоположный полюс связан с конкретным началом: это «Франция ни гражданская, ни политическая, состоящая из этнической и культурной идентичности “**краев**” (“*pays*”) в старом значении этого слова (термина), которые ее составляют; результат отложений на протяжении очень долгой истории; конкретная и не абстрактная, разнообразная (обильная) и непростая, состоящая из живой толщи **возделанных участков** (*terroirs*), **пейзажей** (*paysages*), **деревень** (*villages*), **языков** (*langues*), тысяч способов жить и умирать, которые вписаны в образ Гексагона. Франция в этом случае — это **допущенное** разнообразие» [Ozouf, 2009: 13–14]¹ (выделено нами. — Т.З.).

История взаимодействия полюсов была не простой, а в иные времена весьма напряженной. Текст книги содержит сильный эмо-

¹ La France, ni civique ni politique, est faite de l'identité ethnique et culturelle des “pays” au sens ancien du terme, qui la composent; fruit des sédimentations d'une très longue histoire; concrète et non abstraite, profuse et non pas simple; faite de l'épaisseur vivante de ses terroirs, de ces payasages, de ses villages, de ses langues, des mille façons de vivre et de mourir qui se sont inscrites dans la figure de l'Hexagone. La France, cette fois, c'est la diversité assumée [Ozouf, 2009: 13–14].

циональный заряд, который ощущает каждый, кто берет ее в руки. Один полюс идентичности французов, маркированный у Озуф лексемами *Nation, Contract, Drapeau* (Нация, [общественный] Договор, Знамя), вполне сопоставим с группой форс-слов Февра *Patrie — Nation — Etat*, получившей особую насыщенность в период французской революции. Мы предполагаем, что второй полюс может быть реконструирован на основе лексем, имеющих иную референцию: это цепочка *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Langues* (Края, Пейзажи, Участки земли, Деревни, [местные] Языки). Первый полюс маркирован абстрактными понятиями и обобщенными лексемами (ед.ч.), возвышенными и как бы парящими над землей, второй — лексемами более конкретного содержания, имеющими множественную референцию (мн.ч.), связанными с частной жизнью человека, ощущающего связь со «своей» землей. В первом контексте выражена идея насилия (*la diversité vaincue* / побежденное разнообразие), во втором — допущения (*la diversité assumée* / допущенное разнообразие).

В статье анализируются первые четыре компонента второй цепочки, а именно *Pays-Paysages, Terroirs, Villages*, с учетом словарей, ряда текстов и интернет-сайтов. Пятый компонент *Langues* ([местные] языки) является отдельным объектом исследования, к которому автор этих строк неоднократно обращалась в других публикациях [например: Загряжская, Крюкова и др., 2021], и в данной статье он не рассматривается.

Pays, m

Это самое старое из всех слов цепочки. По данным этимологического словаря А.-Ж. Греймаса, его первая письменная фиксация относится к X в.; слово восходит к лат. <ragensis, житель сельской общины <лат. *ragus, ragi* — сельская община)². Лексема “pays” в контексте Озуф помещена в кавычки как цитата из прошлого. Автор специально отмечает, что она используется в «старом значении термина», т.е. в значении (*родной*) край; родная земля. Действительно, первое и основное значение слова в старофранцузском языке — край, местность (*région, contrée*) с учетом этимона — сельская местность. В памятниках XII в. появляется производное *raisant* — крестьянин, житель сельской местности, что укрепляет ассоциативную связь *pays* с обитаемым пространством сельской местности. Начиная с XIII в. в текстах фиксируется сочетание *pays natal*, содержащее эмоциональную коннотацию (*родной край*).

² Greimas A.J. Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle. P., 1968. P. 465.

В современном языке сохраняется референция обитаемого пространства, однако историческое значение слова перемещается с первого места на третье. Согласно словарю *Trésor de la langue française (TLF)*³, значения слова располагаются от более абстрактного и общего к более конкретному и частному. Первое значение слова — *страна*, ассоциированная с идеей нации и государства (*Nation, Etat*). Вторая группа значений отсылает к *части* нации и государства: *провинция, регион, кантон*; происходит конкретизация понятия, упоминается связь с привычками, традициями. Третья группа сохраняет историческое значение «места, где человек родился» — конкретного, ограниченного пространства (*petite ville, village / небольшой город, деревня*). Отмечаются семы изолированности, некоторой отсталости: *un pays perdu*, а также эмоциональные коннотации слова — теплое чувство по отношению к родной земле, ностальгия, настолько сильная, что может ассоциироваться с болезнью, например во фразеологическом обороте (*avoir*) *le mal, la maladie du pays*, букв.: болеть (тосковать) по родному краю. Слово в данном значении Февр назвал «вечным» (*un vieux mot de toujours*) [Febvre, 1996: 57], в этом значении оно включается в цепочку *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Landscapes*.

Paysage, m

Лексема *paysage* — производная от *pays*. Согласно TLF⁴, она впервые зафиксирована в середине XVI в. как термин изобразительных искусств, однако практически сразу стала использоваться и в общем значении «общий вид края, который можно охватить взглядом». В современном языке оно стало первым значением слова: «общий вид, который представляет природа края, региона» (*vue d'ensemble, qu'offre la nature, d'une étendue de pays, d'une région*). Таким образом, речь идет об образе природы ограниченного участка земли / региона, а не страны в целом. Лексема не имеет столь длительной истории, как другие компоненты цепочки, и не всегда обладает большой силой воздействия. Между тем его можно считать форс-словом при определенных условиях: в ассоциативном ряду с лексемами *pays, terroirs, villages*, в котором оно приобретает эмоциональную окраску как зрительный образ, конкретизирующий и усиливающий воздействие других компонентов цепочки.

Кроме того, в истории культуры Франции был период, когда слово и образ *paysage* оказывали сильное воздействие на коллектив-

³ Dictionnaire du Trésor de la Langue Française. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/pays#top> (дата обращения: 01.10.2023).

⁴ Dictionnaire du Trésor de la Langue Française (TLF). URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/paysage#top> (дата обращения: 01.10.2023).

ные представления французов. Как отметила Ф. Кашен, в середине XIX в. пейзаж стал главным жанром Салона парижской Академии изящных искусств. При этом художники того времени предпочитали не величественный и яркий пейзаж, где были бы изображены горы, водопады, грандиозные места, а ландшафт центральной Франции — архетипический, «национальный» пейзаж, «где все возделано, посажено, обжито, где [слышен] звук колокольни, шагов, железной дороги. Это природа Энциклопедии, освоенная и преобразованная людьми и техникой». В работах Барбизонской школы и других живописцев — Моне, Писсаро, Дюпре, Руссо, Коро, Сезанна — предстает скромная, уравновешенная Франция; изображаются полевые работы, прогулки на природе, охота и рыбалка; те же сцены можно увидеть на тканях, фарфоре, календарях как символ родной, «домашней» Франции (*la France de chez nous*) [Cachin, 1986: 463].

Идентифицирующая роль пейзажа раскрывается и в художественной литературе XIX в. — О. Бальзака, Э. Золя, Ж. Санд и других французских писателей XIX в. Обратив взор на жизнь французской глубинки, они с удивлением и восхищением обнаружили «другую» культуру, находящуюся не далеко, а совсем рядом — культуру сельского жителя с его чувством земли и коллективными ценностями. В контексте руссоистских идей и новых веяний городская цивилизация начинает проигрывать сравнение с сельской патриархальной культурой.

Приведем в качестве примера зарисовки французской провинции в романе Бальзака «Крестьяне» (*Les Paysans*), в которых писатель активно использует пейзаж в идентифицирующей функции. Подчеркивается, что это «французская земля»; в отличие, вероятно, от пространства города. Приехавший в провинцию и «остолбеневший от изумления» парижанин видит в ней «что-то дикое, неприлизанное, таинственное и необычное». Между тем само описание говорит об обратном: воссоздается не дикая и необузданная природа, а умиротворяющий пейзаж, освоенный и обработанный человеком. Если в зарисовках провинции и есть доля «дикости», то она строго отмерена и дозирована. Ровно настолько, чтобы сквозь декоративную заброшенность и безлюдность заметить след деятельности человека, уходящей в сакральное прошлое: «От этих уединенных и покрытых пылью флигелей идет великолепная дорога, обсаженная вековыми вязами, развесистые кроны которых, склоняясь друг к другу, образуют длинный величественный свод. Аллея поросла травой; чуть приметен на ней двойной след, проложенный колесами экипажа. Древний возраст вязов, ширина двух боковых аллей для пешеходов, почтенный вид флигелей, потемневшие от времени каменные

пилястры — все говорит нам о въезде чуть ли не в королевский замок»⁵.

Как видно из приведенного контекста, за локальным (суланжским) пейзажем просвечивает «национальный», вневременной ландшафт, общее место памяти; время как будто останавливается и оставляет человека размышлять о себе и своих корнях.

Между тем в ряде других зарисовок романа дистанция между прошлым и настоящим сокращается, они описаны реалистично и даже натуралистично. Происходит обратное движение от «национального» пейзажа к локальному: «К дому примыкал маленький виноградник, примерно с арпан, обнесенный живой изгородью и заботливо обработанный, как у всех местных крестьян: земля была так хорошо удобрена, лозы так умело посажены и окопаны, что ветви их начинают зеленеть первыми на три лье в округности. За тою же оградой кое-где покачивались жидкие верхушки фруктовых деревьев — миндальных, абрикосовых и слив. Между виноградными лозами обычно сажали картофель и бобы. Кроме того, к усадьбе принадлежал еще расположенный позади двора и вытянутый по направлению к деревне участок, сырой и низменный, удобный для разведения излюбленных овощей рабочего люда — капусты, чеснока и лука — и огороженный плетнем с широкой калиткой, в которую проходили коровы, месь копытами землю и роняя по пути навозные лепешки»⁶. Конкретная и приземленная коннотация, таким образом, чередуется с надтерриториальной, оторванной от конкретного места, «вечной».

Идентифицирующая функция пейзажа получила новое подтверждение в контексте литературного движения регионалистов (*Mouvement littéraire régionaliste*) конца XIX — первой трети XX в. Движение достигло своего пика в 1900–1930 гг., но как целостное направление прекратило существование после II мировой войны [Thièse, 1988].

Поэты и писатели-регионалисты стремились географически локализовать действие и ввести буколические мотивы, показав красоту родной природы во всех деталях: «Вечер. Слышится песня древесных лягушек. А в цветущей изгороди уже ютились синицы и малиновки. Дрозды, коноплянки, снегири...» [цит. по: Thièse, 1988: 225] Автор этого отрывка, Огюст Го (Auguste Gaud) из Пуату, как и другие авторы, очень скоро был забыт. Между тем в период расцвета движения произведения регионалистов были востребованы, быстро распространялись, парижские издатели создавали коллекции

⁵ Бальзак О. Крестьяне. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/285736-2-onore-balzak-krestyane.html#text> (дата обращения: 02.05.2023).

⁶ Там же.

“Pays de France”, “Le roman des provinces françaises”, “Provinces françaises”. Начав с поэзии, регионалисты перешли к прозе; романы изучались в школах, составляли корпус диктантов, получали литературные премии (Гонкуровские премии 1907–1925 гг., Гран-при по литературе французской академии 1917–1936 гг. и др.). Таким образом, вся страна знакомилась с пейзажами регионов Франции.

Village, m

Старофранцузское *vile, ville* <лат. *villa*- (дом в сельской местности) имело несколько производных с разными суффиксами: *vilel, vilete, viloi, viloir* и др.⁷

По данным TLF, лексема с суффиксом *-age, villaige* <лат. *villagium* зафиксирована в 1385 г., в том же значении деревенского дома⁸. В современном языке оно имеет несколько значений. Первым отмечено значение сельского поселения как *группы жилых домов (groupe d’habitations)*. В словаре приводятся знаковые места, отражающие представление о деревенском сообществе: *les maisons du village serrées autour de leur clocher / деревенские дома, сгрудившиеся вокруг колокольни; cimetièrre, église, place du / d’un village / кладбище, церковь, площадь*. Эти места напоминают о корнях, религиозных традициях и коллективных практиках и подчеркивают роль семейной и коллективной памяти. Среди других референций — отъезд и возвращение в деревню; оба действия имеют символическое значение отрыва и нового присоединения к деревенскому миру: *quitter, revoir son village retourner au village*. Среди частотных определений указание на региональную принадлежность — бретонскую, лотарингскую и др.

Второе значение слова образует оппозицию с городом: *campagnard, paysan, villageois (сельский житель) — citadin (городской житель)*; номинации сельского жителя преобладают и могут иметь сниженные коннотации. Палитра коннотаций лексемы во фразеологизмах довольно разнообразна: от высокомерно-уничжительной (*être parée comme une épousée de village / быть разодетой, как деревенская невеста*) до снисходительных (*coq de village / первый парень на деревне, буквально: деревенский петух; être de son village / быть слишком наивным*).

Приводятся также конкретные обозначения деревенских практик (*fête, nocce de village / деревенский праздник, деревенская свадьба*), профессий и рода занятий, занимающих особое положение в дере-

⁷ Greimas A.J. Dictionnaire de l’ancien français jusqu’au milieu du XIVe siècle. P. 666.

⁸ Dictionnaire du Trésor de la Langue Française. URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/village#top> (дата обращения: 01.10.2023).

венской иерархии: *barbier, curé, médecin de village* / *деревенский парикмахер, кюре, врач*. Эти номинации лишены в словаре явных отрицательных или уничижительных коннотаций. Ср. также заглавие романов Бальзака *Le Curé de village* и *Le Médecin de campagne*.

Писатели XIX — начала XX в. заставили общество присмотреться не только к сельскому пейзажу (см. выше), но и к сельскому миру и сельскому жителю. Так, в романе Бальзака «Крестьяне» (*Les Paysans*) присутствие человека в пейзаже становится физически зримым: «Вдали открывается первая панорама: мельница с запрудой, насыпная дорога, обсаженная деревьями, утки, развешанное белье, дом с соломенной кровлей, сети и рыбный садок, и тут же, конечно, мальчишка — помощник мельника, уже пристально уставившийся на мою особу. В деревне, где бы вы ни находились, даже когда вы уверены в полном своем одиночестве, за вами всегда наблюдает из-под холщового колпака пара любопытных глаз: работник бросает мотыгу, виноградарь выпрямляет согнутую спину, девочка, пасущая коз, овец или коров, взбирается на иву и подсматривает за вами»⁹. В этом описании показывается встреча двух разных и непересекающихся миров: парижанин изучает деревенский пейзаж, думая, что он находится в одиночестве, в это время деревенский житель изучает парижанина. Повествователь скорее дистанцирован и от одного, и от другого.

Противопоставление мира города и деревни показано по-иному в творчестве писателей-регионалистов первой трети XX в. «Вечные ценности» патриархальной жизни, замкнутой и самодостаточной, противопоставлены универсалистской городской культуре, которая показана как враждебная. Циклический ритм жизни со сменой времен года и видов работ нарушает событие: приезд городского жителя / жительницы. Происходящий вследствие этого разрыв деревенской традиции часто заканчивается трагически — смертью местного жителя / жительницы. Весь пафос литературы регионалистов был направлен на безусловное сохранение сельской культуры, пусть и застывшей в своем развитии. По мнению А.-М. Тьез, консервативная направленность этой литературы, усилившаяся к 1930-м годам, привела к тому, что движение было забыто, однако оно оказало влияние на коллективные представления французов [Thiese, 1988].

Гораздо более удачной попыткой изучить и популяризировать особенности местных, в первую очередь, сельских, культур, является научная и общественная деятельность Ж.-К. Бувье, Кс. Равье, Н. Пелена. Работа группы была особенно активной в 1980–1990-е

⁹ Бальзак О. Крестьяне. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/285736-2-onore-balzak-krestyane.html#text> (дата обращения: 02.05.2023).

годы и имела двойную цель: исследовать дискурс коллектива о себе самом и поддержать местные традиции как актуальную часть культуры. Этот вид дискурса получил обозначение этнотекст, который первоначально рассматривался как дискурс сельского коллектива (*discours qu'une collectivité (rurale) tient sur elle-même*), затем задачи были расширены. В настоящее время фонд этнотекстов составляет часть аудиоархивов Франции [подробнее: Загрязкина, Крюкова и др., 2021: 75].

Terroir, m

По данным А.Ж. Греймаса, лексема *terroir* впервые засвидетельствована в середине XIII в. в значении *территория, владение*¹⁰. *TLF фиксирует форму tieroir < лат. territorium < terra-* в тексте начала XIII в.¹¹ В соответствии с этимологом *terra-* — земля, слово обозначает владение землей, при этом в его историческом и современном значении отражается связь с человеческой деятельностью.

Согласно TLF, лексема имеет значение возделанной территории (*étendue de terre exploitée*) и обозначает земельный участок, принадлежащий сельскому коллективу: *ensemble de terres exploitées diversement par une collectivité rurale (совокупность земель, которые по-разному используются сельской общиной)*. Начиная с XVI в. фиксируется значение «вкуса вина определенной территории» (*gout du terroir (à propos d'un vin)*). С одной стороны, сохраняется идея территории, почва которой имеет определенные физические характеристики, влияющие на характеристики сельскохозяйственной продукции. С другой — появляется сема вкуса вина или другого продукта, обусловленного этими факторами. Отсылка к типу почвы со временем усиливается и приобретает терминологическую самостоятельность, прежде всего в сфере виноделия, при этом характеристики продукции могут быть не только специальными, но и обобщенно-сенсорными. Ср. у Бальзака: «Cette nature de terroir explique le goût particulier du vin de Soulanges (Природа этой земли (terroir) объясняет особый вкус суланжского вина)¹². Таким образом, происходит переход от значения термина к значению локализатора региона.

Между тем эволюция слова имеет не только терминологическую направленность. Как показывают другие примеры TLF, развивается символическая коннотация словосочетания *gout du terroir* (*чувство*

¹⁰ Greimas A.J. Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle. P. 625.

¹¹ Dictionnaire du Trésor de la Langue Française Informatisé (TLFi). URL: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/definition/terroir#top> (дата обращения: 01.10.2023).

¹² Ibidem.

земли, *ressentir son terroir*), отсылающая к духовной связи человека и родной земли и отражающая привязанность к этому краю. Прием местной пищи описывается как знаковое действие, приобщение. Ср. пример из романа «У нас» писателя-регионалиста Ж. де Пескиду (J. de Pesquidoux, *Chez nous*, 1921): *Le jeune homme (...) goûte ce pain et ce vin qui ont la saveur de leur terroir* (Молодой человек пробует хлеб и вино, которые имеют местный вкус, букв.: вкус *терруара*). Выражение *goût de terroir* поднимается от обозначения особого вкуса до обозначения *особого чувства* — чувства земли, и лексема *terroir* становится идентификатором региона, его особенностей (*particularités rurales*), характера уроженцев и / или жителей (*caractère des personnes qui y vivent ou en sont originaires*). Все примеры, иллюстрирующие данное значение в TLF, имеют нейтральные или положительные коннотации: *être enraciné dans le terroir* (нустить глубокие корни в регионе), *avoir l'amour du terroir* (любить свой край / регион); *la France, terroir fertile en talents* (Франция — плодотворная почва для талантов) и др.

Между тем значение выражения *goût de terroir*, засвидетельствованное в общефранцузском словаре TLF, не совпадает с его значением в профессиональной винодельческой сфере. Так, в специализированном «Словаре языка виноделия», составитель М. Кутье, статья *terroir* начинается с примера *goût de terroir* (буквально: вкус земли) и сопровождается пометой, что в профессиональной среде оно используется редко. В словаре это объясняется «двусмысленностью» выражения: «... издавна это выражение обозначает неприятный вкус, обусловленный случайным попаданием в сосуд земли или посторонних субстанций»¹³. Таким образом, абстрактное и возвышенное значение *goût du terroir* (вкус земли, чувство земли) в профессиональном языке вытесняется конкретным, отрицательно окрашенным значением *неприятный привкус вина*. Эта эволюция подтверждается подборкой исторических дефиниций, зафиксированных во французских словарях XVI–XIX вв. Например, в словаре Фюртьера (1690) сообщалось следующее: «Говорят, что вино имеет вкус *терруара*, когда в нем есть что-то неприятное, идущее от природы/качеств земли, где произрастает лоза»¹⁴.

По мере совершенствования санитарных норм и развития производства в XX–XXI вв. проникновение чужеродного компонента в продукт стало практически невозможным, и коннотация *goût du terroir* как *неприятного, инородного (при)вкуса* как будто потеряла актуальность. И все же это выражение в профессиональной среде

¹³ Coutier M. Dictionnaire de la langue du vin. P., 2007. P. 408.

¹⁴ Ibidem.

энологов сохраняет сниженную коннотацию; *goût du terroir* утрачивает значение *оригинальных черт территории, проявляющихся в продукте*. Эта сема «отрывается» и «переходит» к другому профессиональному выражению *expression du terroir* (*выражение терруара*) в значении типических характеристик вина определенного региона без нежелательного привкуса¹⁵.

Культуры сыра и вина являются одной из характерных черт французского образа жизни, привлекающей внимание туристов. Неудивительно, что лексема *terroir* активно используется в современном туристическом дискурсе не только Франции, но и франкоязычных стран, в частности в рамках направления *tourisme du terroir* (региональный / местный туризм). Она фигурирует в названиях туристических офисов (*Maison du Tourisme et du Terroir*) и в описании маршрутов. В описаниях предложений турфирм лексема используется в двух значениях: как термин («термин “терруар” содержит наиболее важную характеристику климата и типов почвы, которые непосредственно влияют на производство и вкус вина») и как локализатор особенностей («некоторые регионы имеют больше «терруара», чем другие» / *certaines régions ont plus de “terroir” que d’autres*). Лексема *terroir* при этом заключена в кавычки, подобно цитате: «Каковы различные “терруары” Франции?» (*Quels sont les différents “terroirs” de France?*)¹⁶.

Изучение туристических сайтов Франции, Бельгии, Швейцарии, Марокко показывает, что большая часть контекстов с лексемой *terroir* рекламирует преимущественно гастрономическую сторону туризма. Типичная структура сайта, прежде всего, включает сведения о местных продуктах, сыре и вине, блюдах региональной кухни и гастрономических сувенирах. Вслед за этим представляются предметы народных промыслов; видовые фотографии в сочетании с ландшафтными и тематическими маршрутами; исторические строения. Предлагаются списки *терруаров* (*terroirs*) с указанием главных достопримечательностей, прежде всего также гастрономических: «Терруар Аквитании прежде всего известен своей гастрономией...»¹⁷ Достопримечательности иного характера часто (но не всегда) отодвигаются на второй план; таким образом, происходит конкретизация и «приземление» значения лексемы.

Между тем в ряде современных проектов развитие местного туризма, *tourisme du terroir*, рассматривается как часть обширной социально-экономической программы. Так, в программе *Tourisme*,

¹⁵ Coutier M. Op. cit. P. 408–409.

¹⁶ Quels sont les différents “terroirs” de France? URL: <https://www.tourisme-et-terroir.be/quels-sont-les-differents-terroirs-de-france/> (дата обращения: 02.05.2023).

¹⁷ Ibidem.

produits de terroir et territoires de progrès dans les zones de la marge au Maroc, разработанной на факультете филологии и гуманитарных наук университета Кади Айад (Cadi Ayyad), Марокко, показывается, что местный туризм может стать ускорителем развития территорий. Примером является обустройство пригорода Марракеш, древней столицы Марокко¹⁸. В названии проекта содержится элемент языковой игры: следование друг за другом терминов *terroir* и *territoire* создает паронимический эффект, а вся синтагма приближается к скороговорке с чередованием согласных [t] и [r]: *tourisme, produits de terroir et territoires de progrès*. Такой заголовок привлекает внимание с точки зрения формы и содержания.

На протяжении всей истории своего развития лексема *terroir* ассоциировалась с результатом человеческой деятельности и осознанием этого результата. Деятельность могла развиваться в контексте абсолютного («вечный цикл» сельской жизни) и относительно времени (производство сельхозпродукции, в первую очередь винодельческой, что для культуры Франции немаловажно). Развитие лексем имеет множественную направленность как: а) термин¹⁹; б) пространственный локализатор; в) маркер идентичности. Как термин в составе фразеологизма *goût du terroir* лексема может иметь нейтральную (общезападный язык) и сниженную коннотацию (профессиональная энологическая сфера). Пространственный локализатор *terroir* обозначает местные особенности. Как маркер идентичности — это форс-слово, обладающее силой воздействия, возрастающей в определенных условиях (литературное движение регионалистов) и исчезающей в других. В современной туристической сфере лексема *terroir* используется лишь как пространственный локализатор, детерминирующий туристическую дестинацию и ее особенности, преимущественно гастрономические.

В заключение подчеркнем, что одним из дифференциальных признаков культурной идентичности являются представления его носителей о «своем пространстве», географическом и ментальном, и их отражение в языке.

Образ «своего пространства» маркируется и формируется при помощи форс-слов, обладающих длительной историей, отражающих ценности сообщества и на том или ином этапе обладающих силой

---

¹⁸ Andollah A. *Tourisme, produits de terroir et territoires de progrès dans les zones de la marge au Maroc*. URL: <https://slideplayer.fr/slide/1142422/> (дата обращения: 02.05.2023).

¹⁹ В своем терминологическом значении лексема стала интеронимом (ср. *терруар* в русском языке). При заимствовании утрачивается эмоционально-окрашенная коннотация, свойственная французскому слову и связанная с переживанием говорящими связи с землей и культурой.

воздействия на говорящих. Форс-слова могут быть объединены в цепочки по смежности значений; отношения компонентов внутри цепочки и отношения между цепочками изменчивы. Можно выделить группы форс-слов, характеризующие разные представления французов о самих себе и о пространстве своей культуры. Первую составляют лексемы, ассоциированные с гражданским обществом (*Patrie — Nation — Etat / Contract, Drapeau; République*). Вторая реконструируется в данной статье как *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Langues* (*Края, Пейзажи, Участки земли, Деревни, [местные] Языки*). Компоненты, составляющие вторую цепочку, имеют дискретный характер: они отсылают к частной жизни человека, его отношению к родной земле, пейзажу как образу этой земли, локальной и семейной памяти.

Свойства форс-слов не являются раз и навсегда данными: в одних обстоятельствах происходит движение от конкретного и «приземленного» полюса к абстрактному и возвышенному, эмоционально окрашенному и идентифицирующему; в других — конкретизация и девалоризация форс-слова, утрата им силы эмоционального воздействия и способности быть маркером идентичности.

В предисловия к словарю *Dictionnaire culturel en langue française* А. Рей писал, что «в тысячелетнем теле языка» может «дремать», возникать, укрепляться или ослабевать «место силы» [Rey, 2005: XVI]. Это высказывание побуждает к продолжению исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская речь. Новая серия. Вып. II. Л., 1928. С. 28–44.
2. Бродель Ф. Что такое Франция: В 2 т. М., 1994.
3. Будагов Р.А. Слова-ключи — Les mots-clés — Schlüsselwörter // Будагов Р.А. Язык и культура. Хрестоматия: В 3 ч. Ч. 3: Социолнгвистика и стилистика. М., 2002. С. 63–68.
4. Загряжская Т.Ю. Динамика символизации культуры: от мест памяти к местам перехода (на франкоязычных научных дискурсах) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 38–50.
5. Загряжская Т.Ю., Крюкова О.А., Невежина Е.А., Моисеева Д.П. Франкофонные исследования. М., 2021.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
7. Раевская М.М. Базовые символы национального самоопределения в испанской лингвокультуре // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 67–78.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.
9. Филиппова Е.А. Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2010.
10. Филиппова Е., Ле Торривелек К. Введение // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / Под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривелека. М., 2018. С. 126–140.

11. Шевлякова Д.А. Идея Рима в формировании национальной идентичности итальянцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 79–88.
12. Sachin F. Le paysage du peintre // Les lieux de la mémoire / Dir. de P. Nora. En 3 vol., 7 livres, V. II. La Nation. 1. Héritage, historiographie, paysages. P., 1986. P. 435–483.
13. Coutier M. Dictionnaire de la langue du vin. P., 2007.
14. Febvre L. Honneur et Patrie. P., 1996.
15. Ozouf M. Composition française: retour sur une enfance bretonne. Saint-Amand, 2009.
16. Rey A. Préface // Dictionnaire culturel en langue française / Dir. d'A. Rey: En 4 vol. P., 2005. Vol. I. P. III–XVI.
17. Thiese A.M. Le mouvement littéraire régionaliste (1900–1945) // Ethnologie française, nouvelle serie. T. 18. № 3. Régionalismes (juillet-septembre 1988). P. 220–232.

Tatiana Yu. Zagryazkina

**ASPECTS OF CULTURAL IDENTITY OF THE FRENCH
THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE
(ON THE EXAMPLE OF THE LEXEMES
PAYS-PAYSAGE-TERROIR-VILLAGE)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatiana_zagr@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the designations in the language of cultural references that form and reflect the sense of identity of its bearers. Among them is the image of “your own space”, which is marked and formed with the help of special words related to both language and culture. Taking into account the works of F. Brodel, P. Nora, R.A. Budagov, L. Febvre, A. Rey, M. Ozouf, etc., the concept of “force-words” (*mots-force / lieux de force*), having a long history, reflecting the culture and values of the collective, possessing emotional power and historically changeable, is substantiated. On the material of dictionaries, scientific, science fiction and fiction texts, Internet sites, two poles of representations of the Frenchmen about themselves are established. The first is marked by lexemes associated with civil society (*Patrie — Nation — Etat / Nation, Contract, Drapeau; République*). The second one is reconstructed in the article on the basis of the lexemes *Pays, Paysages, Terroirs, Villages, Langues* (plural) and is associated with the values of private life, the idea of the native land, local and family memory. Using the example of these lexemes, it is revealed that the nature of force words and the direction of their development are not data once and for all: in some circumstances, the identifying function of the word develops, in others, the force word weakens and loses its emotional impact and ability to be an identity marker.

Key words: French language; force-words; groups of force-words; native land; “national landscape”; terroir; village; cultural identity; collective representations

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Zagryazkina T.Yu. (2024) Aspects of French identity through the prism of language (using the example of the evolution of the lexemes *Pays-Paysages-Terroirs-Villages*). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 106–123. (In Russ.)

About the author: Tatiana Yu. Zagryazkina — Dr. Habil in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; tatiana_zagr@mail.ru.

REFERENCES

1. Askol'dov-Alekseyev S.A. 1928. Kontsept i slovo [Concept and word] // *Russkaya rech'. Novaya seriya*. [Russian speech. New series]. Vyp. II. Leningrad, pp. 28–44. (In Russ.)
2. Brodel' F. 1994. Chto takoye Frantsiya [What is France]. Moscow, in 2 vol. Vol. 1. (In Russ.)
3. Budagov R.A. 2002. Slova-klyuchi — Les mots-clés — Schlüsselwörter [Words-keys — Les mots-clés — Schlüsselwörter] // Budagov R.A. Yazyk i kul'tura [Language and culture]. Anthology, in 3 parts. Part 3. Sotsiolingvistika i stilistika [Sociolinguistics and stylistics]. Moscow, pp. 63–68. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2023. Dinamika simvolizatsii kultury: ot mest pamyati k mestam perehoda (na primere frankoyazychnyh nauchnyh diskursa) [Dynamics of cultural symbolization: from places of memory to places of transition (on the example of French-language scientific discourses)] // *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 38–50 (In Russ.)
5. Zagryazkina T.Yu., Kryukova O.A., Nevezhina E.A., Moiseeva D.P. 2021. Frankofonnye issledovaniya [Francophonie studies]. Moscow. (In Russ.)
6. Popova Z.D., Sternin I.A. 2001. Ocherki po kognitivnoy lingvistike [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh. (In Russ.)
7. Rayevskaya M.M. 2012. Bazovye simvoly natsional'nogo samoopredeleniya v ispan-skoy lingvokul'ture. [The basic symbols of national self-determination in the Spanish linguistic culture] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 67–78. (In Russ.)
8. Stepanov Yu.S. 2001. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury [Constants: dictionary of Russian culture]. Moscow. (In Russ.)
9. Filippova E.A. 2010. Territorii kollektivnoy identichnosti v sovremennom frantsuzskom disкурse [Territories of collective identity in the contemporary French discourse]. Autoabstract of the thesis ... PhD in History. Moscow. (In Russ.)
10. Filippova E., Le Torrivellec X. 2018. Vvedenie [Introduction] // *Svoi i chuzhiye. Metamorfozy identichnosti na vostoке i zapade Evropy* [Own and aliens. Metamorphosis of identity in the East and West of Europe]. In E.I. Filippova and X. Le Torrivellec (ed.). Moscow, pp. 126–140. (In Russ.)
11. Shevlyakova D.A. 2019. Ideya Rima v formirovaniy natsional'noy identichnosti ital'yantsev [The idea of Rome in the formation of the national identity of the Italians]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 79–88. (In Russ.)
12. Cachin F. 1986. Le paysage du peintre // *Les lieux de la mémoire* / In P. Nora (ed.). In 3 vol., 7 books, V. II. La Nation. 1. Héritage, historiographie, paysages. Paris, pp. 435–483. (In French)
13. Coutier M. 2007. Dictionnaire de la langue du vin. Paris. (In French)

14. Febvre L. 1996. *Honneur et Patrie*. Paris. (In French)
15. Ozouf M. 2009. *Composition française: retour sur une enfance bretonne*. Saint-Amand. (In French)
16. Rey A. 2005. *Préface // Dictionnaire culturel en langue française / In A. Rey (ed.): In 4 vol. Paris. V. I, pp. III–XVI*. (In French)
17. Thiese A.M. 1988. *Le mouvement littéraire régionaliste (1900–1945) // Ethnologie française, nouvelle serie. V. 18. № 3, Régionalismes (juillet-septembre 1988), pp. 220–232*. (In French)

Статья поступила в редакцию 13.09.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 13.09.2023;
approved after reviewing 25.09.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

М.М. Раевская, Ф.В. Габисова

**ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА САЛЬВАДОРА ДАЛИ
И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТЕКСТАХ XX–XXI ВВ.**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mraevskaya@gmail.com; fatimagabisova5@gmail.com*

Аннотация: Дискурс, чьим объектом является незаурядная личность и созданные ею произведения, представляет собой открытое пространство, постоянно пополняемое каждой последующей генерацией зрителя, транслирующего свое отношение к автору и его работам. Художественное наследие великого испанского художника Сальвадора Дали представляет собой уникальное достояние мировой художественной культуры, ставшее предметом пристального внимания не только его современников, но и широкой зрительской аудитории, искусствоведов, ученых, кинокритиков, литературоведов, поэтов и писателей последующих поколений. В силу того, что работы великого художника порождают множество интерпретаций, образующих открытое пространство вокруг до сих пор неразгаданного и не раскрытого самим автором замысла, авторы статьи исходят из предположения, что дискурс о Дали будет и далее — в новом культурном и историческом контексте — пополняться работами представителей искусства и науки. В фокусе исследования находится дискурс о Сальвадоре Дали, получивший в искусствоведческой традиции на испанском языке название *далинианский*. Предметом исследования выступают тексты, написанные самим Дали, его друзьями, деятелями культуры и искусства, а также представителями других наук, посвященные произведениям художника. В статье предпринята попытка систематизировать основной имеющийся на данный момент корпус текстов на испанском языке об изобразительном и литературном творчестве Дали и представить его типологию.

Ключевые слова: Сальвадор Дали; *далинианский* дискурс; искусствоведческий дискурс; типология *далинианского* дискурса; рецептивная эстетика

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-9

Для цитирования: Раевская М.М., Габисова Ф.В. Восприятие творчества Сальвадора Дали и его интерпретация в текстах XX–XXI вв. // Вестн. Моск.

Раевская Марина Михайловна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mraevskaya@gmail.com.

Габисова Фатима Валерьевна — аспирант, преподаватель кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; fatimagabisova5@gmail.com.

© Раевская М.М., Габисова Ф.В., 2024

Вокруг творчества и личности художника, еще при жизни снижавшего славу Великого Мастера, всегда формируется многослойное дискурсивное пространство, которое создают не только современники — друзья, журналисты, искусствоведы, но и последующие поколения исследователей, пытающихся открыть новые смыслы в застывших на полотнах формах. Восприятие имеющего наивысшую художественную ценность наследия массовым и элитарным зрителем, который выступает основным «потребителем» эстетических форм, зависит от исторических и социокультурных факторов, и потому может различаться во времени. В связи с этим дискурс, посвященный творчеству Мастера, всегда актуален и интересен с точки зрения своей семантической подвижности, отражающей разнообразные социально-политические, психологические и эстетические представления общества в разные исторические эпохи. Именно по этой причине дискурс, чьим объектом является незаурядная личность и созданные ею произведения, представляет собой открытое пространство, постоянно пополняемое каждой последующей генерацией зрителя, транслирующего свое отношение к автору и его работам.

Художественное наследие великого испанского художника Сальвадора Дали представляет собой уникальное достояние мировой художественной культуры. Произведения Сальвадора Дали, неординарные и эпатажные, до сих пор продолжают будоражить интерес современного массового и профессионального зрителя, о чем свидетельствуют многочисленные выставки как в самой Испании, так и за ее пределами (Москва, 2018–2022; Санкт-Петербург, 2021–2022; Фигерас (Испания), 2020; Нью Йорк, 2020; Токио, 2021; Париж, 2021–2022 и др.), а также другие мероприятия, проводимые культурно-просветительским фондом «Гала — Сальвадор Дали»¹, главная цель которого заключается в популяризации художественного и интеллектуального творчества художника.

Интересная и насыщенная событиями жизнь Сальвадора Дали, непростые семейные отношения, рано проявившийся талант к рисованию, знакомство с редакторами известных литературных журналов, ссора с Андре Бретоном и последующий выход из кружка сюрреалистов, сотрудничество с выдающимися деятелями культуры и искусства того времени, дружба с Федерико Гарсиа Лоркой и Луисом Бунюэлем, безмерная любовь к Гале Элюар, совместная

---

¹ Fundación Gala — Salvador Dalí, Centro de Estudios Dalinianos. URL: <https://www.salvador-dali.org/es/>.

жизнь в Париже, Лондоне и Нью-Йорке во многом определили мироощущение испанского художника. Именно С. Дали, и никто иной, становится квинтэссенцией целой эпохи мастеров, неким логическим выражением духовной человеческой мысли, которая проявилась в его творчестве в ответ на весьма неоднозначные социально-исторические явления и события, которыми так изобилует XX в.

Объектом настоящего исследования является дискурс о Сальвадоре Дали, получивший в искусствоведческой традиции на испанском языке название *далинианский* (*discurso daliniano*²). Его **предметом** выступают тексты, написанные самим Дали, его друзьями, деятелями культуры и искусства, а также представителями других наук, посвященные произведениям художника.

Целью исследования является попытка систематизировать основную имеющийся на данный момент корпус текстов на испанском языке³ об изобразительном и литературном творчестве Дали и представить его типологию. Следует отметить, что так называемый *далинианский дискурс* имеет многолетнюю традицию, до сих пор не получившую своего детального научного осмысления в междисциплинарном аспекте, который предлагается в данном исследовании. Именно поэтому ввиду достаточно высокой степени интертекстуальности работ Сальвадора Дали в основе исследования лежит **междисциплинарный подход**, который предлагает рассмотрение его творчества с позиции различных отраслей науки и позволяет оценить роль языковых форм в социальном функционировании искусства и воспитании художественного вкуса у нового поколения.

За исходную **теоретическую позицию** взято положение одного из основателей рецептивной эстетики Х.Р. Яусса о том, что любое художественное произведение не равно самому себе: первоначально созданный литературный текст не меняется, однако транслируемые им смыслы могут меняться в зависимости от исторической эпохи⁴. Представляется, что подобное понимание можно применить и к сфере изобразительного искусства — единожды созданная или изображенная на полотне форма статична, однако ее интерпретация будет зависеть от взгляда зрителя, обусловленного культурно и исторически, — и тем более по отношению к творчеству такого

² URL: https://www.elespanol.com/el-cultural/arte/20130426/dali-discurso-metodo/11499236_0.html.

³ Ввиду имеющейся на настоящий момент более чем обширной библиографии о творчестве Дали, в корпус исследуемого в данной статье материала вошли только тексты, написанные на испанском языке, а также написанные самим художником тексты на французском языке, но изданные в переводе на испанский язык.

⁴ См.: Яусс Х.Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12.

художника, как Дали, чьи работы порождают множество интерпретаций, образующих открытое пространство вокруг до сих пор не разгаданного и не раскрытого самим автором замысла. В настоящее время массовый и элитарный зритель смотрит на творчество Сальвадора Дали с позиций современной реальности, в которой реципиент вовлечен не только в поиск и раскрытие бесконечных смыслов, транслируемых творениями автора, но и в переживание широкого спектра эмоций в рамках непредвзятого взгляда, свободного от исторически сложившихся стереотипов.

На протяжении почти сотни лет изучением и описанием «далинианского ландшафта» занимаются ученые из самых разных областей науки во всем мире, о чем свидетельствуют многочисленные публикации (Elliott H. King, Ian Gibson, Basilio Casanova Varela, Augustín Sánchez Vidal и др.), самая ранняя из которых датируется 1927⁵ г., а наиболее поздняя — 2020 г.⁶ Однако одними из первых заговорили о Сальвадоре Дали люди из его ближайшего окружения, а именно, — его товарищи юношеских лет, жившие в студенческой резиденции в Мадриде, — Федерико Гарсия Лорка, Луис Бунюэль, Андре Бретон, Гильермо де Торре и др. Отдельные свидетельства можно найти в письмах и текстах воспоминаний выше упомянутых лиц, относящихся к мемуарному дискурсу, и, хотя ввиду сложившихся тесных дружеских отношений с художником, их работы не лишены субъективизма и пристрастности, однако, с учетом того, что приятелями С. Дали являлись весьма именитые деятели культуры и искусства первой четверти XX столетия, которые задавали тенденции, их отзывы также представляют собой ценный материал для исследования.

Для более точной классификации в данной статье предлагается условно обобщить все работы, принадлежащие их авторству, в одну категорию под названием *дружеский дискурс*, давая ему собственное определение. Согласно характеру материала, представляется логичным считать дружеским дискурсом о Дали всю совокупность текстов, письменных и устных, различной жанровой принадлежности (в том числе мемуарные очерки, научные статьи и искусствоведческие рецензии), объединенных авторством близких к художнику людей. При этом в данном конкретном случае речь идет о бытийной разновидности персонального (лично-ориентированного) дис-

⁵ *Sebastiá Gasch*. Salvador Dalí // Gaceta Literaria Madrid, Num.1 de Agosto del 1927.

⁶ *DALÍ*: “¡EL SURREALISMO SOY YO!” Paisajes fuera del tiempo por Montse Aguer // Salvador Dalí, Fundació Gala-Salvador Dalí, Figueres, 2020.

курса согласно классификации В.И. Карасика⁷, поскольку «в бытийном дискурсе предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами»⁸.

Следует отметить, что данная дискурсивная разновидность представлена самыми разнообразными жанрами письменных и устных текстов (статьи, рецензии, письма, воспоминания, отзывы, комментарии, интервью), среди которых выделяется статья одного из ближайших друзей Дали — писателя и литературного критика Гильермо Торре (Torre G., 1933⁹). Гильермо де Торре берется за написание одной из первых рецензий, посвященных новоявленному художнику и знакомит его с публикой. Если учесть те теплые дружеские отношения, которые существовали тогда между Гильермо и Сальвадором, становится неудивительным, что критика литератора в целом носит положительный характер: Торре описывает практически все грани творчества Дали и даже называет его «антихудожником», демонстрируя тем самым, что Сальвадор Дали являет собой нечто гораздо большее. Примечательно и то, что творческая биография мастера, описанная в данном труде, вышедшем в январе 1933 г., уже богата значительными событиями (показы, выставки, творческие встречи), когда Дали был еще весьма молодым художником. В целом с учетом высокого уже на тот момент статуса в мире искусства друзей Дали, можно сказать, что благодаря их утонченному вкусу и дару предвидения современники сразу получили представление о рождении нового творческого гения.

Самым объемным типом дискурса о Сальвадоре Дали является искусствоведческий, представленный работами историков и теоретиков искусства. При этом искусствоведческий дискурс, посвященный изучению произведений испанского художника, включает весьма представительный корпус трудов, написанных преимущественно зарубежными авторами (Bosquet, 1969; Breton, 1981; Dawn, 1995; C. Rojas, 1997; Я. Гибсон, 1998; R. Descharnes, 1998; A. Sanchez Vidal, 2004; S. Ordas, 2004; F. Diaz de Revenga, 2005; C. Garcia de la Rasilla, 2005; L. La Rubia de Prado, 2005; S. Saladyga, 2006; F. Felix,

⁷ См.: Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.

⁸ Там же.

⁹ Torre G. El salón al fondo del lago o la obra de Dalí / ARTE, Revista de la sociedad de artistas ibéricos Num. 2 / Enero, 1933.

2007; Roger Rothman, 2012; A. Pamies Elisenda, 2013; E. Shanes, 2014; M. Rodriguez, 2016; M. Salazar, 2016; B. Perez, 2016; B. Auger, 2016; A. Garcia Alberti, 2021; и др.). В данный корпус входят научные работы разных жанров: монографии¹⁰, диссертации¹¹, академические статьи¹², каталоги¹³, периодические издания¹⁴. Именитые представители (Victoria Embarba Embarba, Martin Germ, Miguel Cabañas Brava, Rosario Charro García, Sandra Garcés Villalonga, Elliott H. King, Ian Gibson и др.) каждого сменяющегося поколения не перестают находить все новые и новые трактовки произведений маэстро. Как правило, в каждой работе независимо от жанровой специфики предметом анализа выступают какое-либо историческое или культурное событие либо художественная техника или конкретные образы, изображенные на полотнах Дали.

Следует отметить, что подавляющее число публикаций, изданных в начале и середине XX в., отличаются гораздо более высокой степенью когнитивной нагрузки текстов-интерпретаций, что вполне объяснимо — в качестве авторов таких текстов зачастую выступают представители верхних слоев общества, в котором искусство является привилегией элиты. Художественные критики предыдущих поколений «сделали ставку» на ментальное восприятие картины: иносказательность и метафоризация — главные средства создания образности в их работах.

Что касается более поздних современных текстов-интерпретаций, посвященных живописи художника, то они стали значительно проще как по форме, так и по содержанию — в век высокоскоростных

¹⁰ El joven Dalí entre la tradición y la vanguardia artística / Miguel Cabañas Bravo, 1990.

¹¹ Salvador Dalí: Siete poemas sobre Lienzo. Un estudio de las relaciones entre su pintura y su poesía (1923–1950) / Francisco Javier Ochando Melgarejo, 2014; Representaciones de la mujer en el Surrealismo. El caso de Salvador Dalí / Lara Rodríguez Barbero, 2015; Interconexiones estéticas en Salvador Dalí, pintura y medio de comunicación de masas / Alberto García Alberti, 2020; и др.

¹² El salón al fondo del lago o la obra de Dalí / Guillermo de Torre, 1933; Lo real y lo superreal en la pintura de Salvador Dalí / Guillermo de Torre, 1934; Referencias mitológicas en la obra de Salvador Dalí: el mito de Leda / Rosa M. Maurell, 2000; Dalí, el genio surrealista / Ana Clara Bormida, 2003; Dalí y la ciudad de las atracciones / Jordana Mendelson, 2004; Dalí y la posmodernidad / Anna Maria Guasch, 2005; La imagen del crucificado en Salvador Dalí, José María Sert y Juan de la Cruz: Hipótesis de realización del dibujo del monasterio de la Encarnación de Ávila / Joan Carles Oliver, Lino Cabezas Gelabert, 2016; и др.

¹³ Salvador Dalí — aprendiz de pintor / Montse Aguer, Irene Civil, 2018; Dalí y el surrealismo en la Colección de Arte ABANCA / Diego Cascón Castro, 2019; DALÍ: “¡EL SURREALISMO SOY YO!” Paisajes fuera del tiempo / Montse Aguer, Carme Ruiz, 2020; и др.

¹⁴ SALVADOR DALÍ / Sebastia Gasch, 1928; Conversaciones con Dalí / Juan Ramón Masoliver, 1948; Dalí y Lorca, cartas de seducción / Carles Geli, 2013; и др.

технологий, в условиях клиповой культуры¹⁵, с ускорением темпа жизни и с постоянно увеличивающимся колоссальным количеством пропускаемой информации, заметна тенденция к примитивизации, т.е. поверхностной перцепции, чисто визуальному восприятию, которое сводится к тривиальному описанию картин. Сравнение двух академических статей — “*Pintura II Salvador Dalí*” С. Гаша 1929 г. и “*El Jinete de la muerte*”, de S. Dalí С. Симберкнопа 2016 г. — показывает вышеобозначенное различие: если в первой работе автор явно подметил изменение творческого мышления Дали, выразившееся, по его мнению, в переходе от картины-архитектуры к картине-поэзии (“*El cuadro-arquitectura va siendo sustituido lenta, pero seguramente, por el cuadro-poesía*”)¹⁶, то современный автор отдает предпочтение тривиальному описанию изображенных на полотне объектов (“*El primer elemento que llama nuestra atención es el jinete montado sobre su caballo. Él es el protagonista de la obra. Asimismo notamos que el jinete no pertenece al mundo de los vivos, dado que todo él es representado mediante huesos, que simbolizan la muerte*”)¹⁷.

Тем не менее в настоящее время интерес к изучению творческого наследия Сальвадора Дали со стороны научного сообщества по-прежнему не ослабевает: испанский искусствоведческий дискурс продолжает пополняться новыми исследованиями специалистов (S. Rodríguez, 2016; L. Rodríguez, 2016; M. Salazar, 2016; B. Perez, 2016; B. Auger, 2016; A. Garcia Alberti, 2021; и др.), которые стремятся осмыслить творчество Сальвадора Дали с различных культурно-исторических ракурсов, а также философско-эстетических позиций. К искусствоведческим работам присоединяются также тексты арт-журналистики, которые представлены в широком масс-медийном сегменте по всему миру (радио, телевидение, интернет-периодика), и образуют отдельную группу видеоматериалов.

Интеллектуальный гений великого сюрреалиста не оставляет равнодушными и представителей технических специальностей — инженеров, конструкторов и архитекторов¹⁸. В статье М. Пенья

¹⁵ Термин введен Элвином Тоффлером [Toffler A. (1984) *Future Shock*. Mass Market Paperback. P. 430].

¹⁶ *Pintura II Salvador Dalí* por Sebastián Gasch (Atlántico Madrid, 05.10.1929).

¹⁷ “*El Jinete de la muerte*”, de S. Dalí por Sebastián Cymberknop (La Universidad de las Ciencias Empresariales y Sociales, Argentina, 2016).

¹⁸ *Aguer M., La Huerta J.J. Dalí y la Arquitectura*. Cronología. Figueres. Barcelona: Fundació Gala-Salvador Dalí y Fundació Caixa, 1996. P. 138; *Ventura Blanch F. Del método paranoico crítico de Salvador Dalí en la obra de Rem Koolhaas “Celebraciones y destrucciones en el imaginario colectivo”* (Tesis Doctoral) / Universidad de Sevilla. Escuela Técnica Superior de Arquitectura de Sevilla / Departamento de Proyectos Arquitectónicos, 2017.

Фернандес-Серрано¹⁹, опубликованной в издании политехнического университета г. Картахены (Испания), рассматривается метод использования художником геометрических платоновских тел, в частности, икосаэдра для изображения человеческих фигур. Архитектор описывает процесс создания большой куполообразной крыши при постройке дома Дали в Порт-Льигате, спроектированной художником с опорой на теорию о геометрических платоновских телах. Тот же метод проектирования крыши здания был применен при строительстве музея Дали в Фигерасе, который художник возглавил лично.

Примечательно, что неподдельный интерес к художественному наследию Дали наблюдается и со стороны специалистов в сфере естественных наук, что находит свое отражение не только в академических статьях, но и диссертациях, посвященных анализу представленных на полотнах великого маэстро образов, форм и их восприятия. В эту группу входят работы, написанные представителями таких научных областей, как метеорология²⁰, биология²¹, математика, физика²², психология. По мнению всех исследователей²³, отношения Сальвадора Дали с наукой — один из наиболее заметных аспектов его художественного творчества, охватывающего основные естественные дисциплины. На протяжении всей жизни Дали пытался объединить искусство и науку, в личном архиве художника имеется более ста названий из различных научных дисциплин с аннотациями и комментариями на полях, а также часть переписки, которую он вел с некоторыми учеными.

Считается общепризнанным факт того, что Дали проявлял особый интерес к физике и психоанализу²⁴. Квантовая физика предложила новое видение мира, в котором не существует детерминизма, где частицы могут быть найдены в двух местах одновременно, где идентичность объектов создавалась самим актом наблюдения.

¹⁹ *Pena Fernandez-Serrano M.* La obsesion geometrica de Dali / Rita. Noviembre 2018. P. 162–169.

²⁰ El tiempo atmosférico en los cuadros de Dalí // Revista digital del Aficionado a la Meteorología. N. 25, noviembre de 2004. URL: www.meteored.com/ram.

²¹ *López del Rincón D.* La biología molecular en la trayectoria artística de Salvador Dalí / Universidad de Barcelona // Archivo Español de Arte, vol. LXXXIX, no. 356. P. 395–408, octubre-diciembre 2016; *Montserrat V.J.* Los artrópodos en la obra de Salvador Dalí / Departamento de Zoología y Antropología Física. Facultad de Biología. Universidad Complutense, Madrid // Boletín de la Sociedad Entomológica Aragonesa (S.E.A.), no. 49 (31/12/2011). P. 413–434.

²² *Embarba M.V.* Salvador Dalí: la óptica al servicio del arte // Universidad de Zaragoza, CIEN, Departamento de Física Aplicada, 2014.

²³ *López Ferrado M.* La obsesión de Salvador Dalí por la ciencia. História, Ciências, Saúde — Manguinhos, v. 13 (suplemento). 2006. P. 125–131.

²⁴ *Ibid.* P. 126.

Эти трудные для понимания концепции открывали путь воображению и потому стали постоянной темой в лаборатории сюрреалистического творчества. В статьях Дали 1930-х годов есть много упоминаний о новом мире, предложенном физикой: «физика должна сформировать новую геометрию мышления, и это будет именно бред параноидальной интерпретации»²⁵.

Кроме того, с учетом интереса, который Дали проявлял к биологии, а также продолжавшегося в науке до 1980-х годов так называемого периода ДНК, был создан каталог работ, который показывает их безусловную ценность в творческой карьере художника, первым включившего молекулярную биологию в историю искусства²⁶.

Математики (Corrales Rodríguez C., Fernando Blasco и др.) обсуждают геометрические законы и точнейшие арифметические расчеты Сальвадора Дали в его картинах *Тайная вечеря* (*El sacramento de la Última Cena*, 1955), *Гигантская летающая кофейная чашка с непонятным 5 метровым придатком* (*Media taza gigante volante con apexo inexplicable de cinco metros de longitud*, 1946), *Атомная Ледя* (*Leda atómica*, 1945), *Топологическое похищение Европы* (*El rapto topológico de Europa*, 1983), *Галатее со сферами* (*Galatea de las esferas*, 1952), *Распятое или гиперкубическое тело* (*Corpus Hypercubus*, 1954), *Ласточкин хвост* (*La cola de golondrina*, 1983). Так, в работе К. Корралес Родриганьес “Salvador Dalí y la cuestión de las dimensiones”²⁷ на примере картины *Распятое или гиперкубическое тело*, в которой художник создает игру с глубинной композицией, изучается техника создания образа Христа, распятого на кресте в восьмеричном пространстве. Исследование Ф. Бласко²⁸ посвящено раскрытию тесной связи живописи художника с математикой. Так, например, автор указывает, что размеры картины *Тайная вечеря* точно соответствуют «золотому сечению» Леонардо да Винчи, а в композиции полотна *Гигантская летающая кофейная чашка с непонятным 5 метровым придатком* соблюдена связь между прямоугольной формой картины, направлением спирали золотого сечения внутри нее и числами Фибоначчи. Ф. Бласко также подмечает, что даже сама форма усов С. Дали напоминает в различных

---

²⁵ Dalí. “La cabra sanitaria”, 1930. URL: <https://www.salvador-dali.org/> (дата обращения: 15.01.2022).

²⁶ López del Rincón D. La biología molecular en la trayectoria artística de Salvador Dalí, 2016.

²⁷ Corrales Rodríguez C. Salvador Dalí y la cuestión de las dimensiones. Noviembre 2004 / SUMA 47.

²⁸ Blasco F. Matemáticas en Dalí / Departamento de Matemática Aplicada a los Recursos Naturales, ETSI Montes Universidad Politécnica de Madrid // CULTURA Volumen 7, núm. 4 (diciembre 2011).

ситуациях алгебраические графики — параболу, бесконечность или спираль.

Внимание психологов²⁹ преимущественно приковано к творческому методу испанского художника, который сам определил его как «параноидально-критический». Связь между сюрреализмом Дали и психоанализом последовательно доказана во многих научных изысканиях: исследования психоаналитиков [Baur V., 2010; De la Flor F.R., 1992; Garland L., 2005; Ibáñez López N., 2006; Ibarz V. y Villegas M., 2007; Vidaurre C.V., 2005] свидетельствуют, что сюрреализм, а вместе с ним и авангард, в конечном счете преследующие цель — представить своего рода «археологию души», — нашли связь с решающим ту же задачу психоанализом именно по этой причине, расходясь с ней лишь в одном — психиатрия рассматривает бред как расстройство восприятия, а искусство ценит психоз с точки зрения его творческого потенциала. Представители данной области знания исследуют механизм парадоксального мышления Дали, который в 1930 г. обозначил данную тему в своем творчестве, анализируют истоки формирования его творческой стратегии и собственно концепцию его провокационного метода на материале картин и статей самого Дали, посвященных паранойе. В своих работах психологи рассматривают творческие взгляды Дали в сравнении с теориями Зигмунда Фрейда и Жака Лакана, поскольку хорошо известно, что испанский художник находился под сильным влиянием новых представлений о человеческой психике, искусстве и творчестве, открытых работами психиатров. Личные встречи Дали, Лакана и Фрейда рассматриваются в академических трудах в контексте времени и их взаимного влияния: отталкиваясь от позиций Фрейда, Сальвадор Дали предлагает поставить то, что он называет «параноидно-критическим методом», на службу творчеству. При этом, вступив в сюрреалистическое движение и провозгласив паранойю как креативное средство, Дали сам опубликовал несколько статей в сюрреалистических журналах, в которых изложил точку зрения на паранойю и бред как формы творчества, тем самым предоставив новое видение того, что ранее рассматривалось всего лишь как болезнь, и дав возможность поместить его работы о своем ви-

---

²⁹ Baur V. Paranoia y creación. Un lazo antiguo entre Lacan y Dalí / *Perspectivas en Psicología: Revista de Psicología y Ciencias Afines*, vol. 7, núm. 1, noviembre, 2010. P. 53–57 (Universidad Nacional de Mar del Plata, Argentina); Ibáñez López N. Paranoia y creación: sobre las relaciones entre la paranoia de autocastigo según Lacan y la paranoia-crítica daliniana. Tesis doctoral / Universidad Autónoma de Madrid / Facultad de Psicología / Departamento Psicología biológica y de la salud. Madrid, 2006.

дении творческого метода в отдельную категорию далинианского дискурса³⁰.

Вместе с тем тема параноидально-критического метода Дали до сих пор находится в центре научных изысканий и продолжает пополняться новыми работами, публикуемыми в специализированных научных изданиях как по психологии, так и искусству (Iribas Rudín A., 2004; Lázaro Docio J., 1997; Moure-Pazos I., 2015; Rodríguez Kauth A., 2004; Santamaría V., 1998).

Разносторонний гений Дали также внес весомый вклад и в европейское театральное искусство и кинематограф, что можно увидеть в придуманных им костюмах, декорациях, либретто и сюжетах. Если говорить о кинематографе в жизни С. Дали, то *Андалузский пес* — самый известный сюрреалистический фильм, который был задуман им вместе с Луисом Бунюэлем. Несмотря на свою пессимистическую тональность, фильм получил оглушительный успех у широкой публики, благодаря особой поэтичности и своеобразной красоте образов, а также обрел обширную библиографию, став объектом профессионального осмысления со стороны кинокритиков, литературоведов и психоаналитиков³¹. Основной вывод, к которому приходят все исследователи, является общепризнанным: Дали и Бунюэль, далекие от разрыва с традицией, берут за отправную точку сближение традиционных и авангардных элементов и создают уникальные произведения, преобразуя художественный мир XX в. Кроме того, исследователи кинематографа, рассматривающие творчество великого сюрреалиста в рамках фрейдистской теории (Norton R., Thacker J., 2021), отмечают, что Дали как соавтор сценария был хорошо знаком с работой Фрейда *Толкование сновидений*³², и именно по этой причине фильм Бунюэля и Дали похож на путешествие-иллюстрацию лекций Фрейда о символике сновидений. В работах кинокритиков (Romero-González T., 2012; Alvarez D., 2013;

³⁰ Персональный автореферентный дискурс Дали.

³¹ Romero-González T. La regeneración del 27: Poeta en Nueva York y Un chien andalou / Department of Modern Languages / State University Murray, Kentucky. EE. UU. 2012; Calderón de la Barca V. Un Perro Andaluz de Luis Buñuel: surrealismo al pie de la imagen (<https://djavierng.wordpress.com/2013/06/25/algunos-analisis-de-un-perro-andaluz/>); Alvarez D. "Algunos análisis de 'Un perro andaluz'". Publicado el junio 25, 2013 bajo cine de Buñuel (<https://djavierng.wordpress.com/author/dinkoalvarez/page/2/>); Domaratskaya E. Lo fantástico en el cine surrealista de Luis Buñuel y Salvador Dalí: El Perro Andaluz (1929), rincón español, 2008; Propuesta para una interpretación psicoanalítica de. "Un perro andaluz" de Buñuel — Dalí. Ediciones. Cahiers du cinéma; Kumar Chattopadhyay S. y Kumar M. Reflexiones eróticas en la película surrealista Perro Andaluz de Buñuel y en el poema La Casada Infiel de Lorca // Crítica. cl. En el Mundo de las Letras, La palabra, las ideas y los ideales / Revista Latinoamericana de Ensayo, Santiago de Chile, 11.03.2019 и др.

³² Die Traumdeutung, 1900.

Domaratskaya E., 2008), которые исходят из того, что творческое видение Дали и Бунюэля выходит за рамки различных литературных течений, детально разбирается образный ряд фильма, эпизоды и их символическое значение. Новизна этого фильма, преподнесенного самим Дали как загадочная, бессвязная, иррациональная и необъяснимая речь, заключается в его провокационности по отношению к зрителю: «...то был фильм о юности и смерти, который я собирался вонзить в самое сердце гениального, элегантного и интеллектуального Парижа, со всей реальностью и всей тяжестью иберийского кинжала...»³³

В 1945 г. Дали вместе с командой Уолта Диснея начал работу над мультипликационным фильмом *Destino*, который, по мнению критиков, стал самым воплощением сюрреализма³⁴ и был номинирован на получение премии *Оскар* в категории «*Лучший короткометражный анимационный фильм*» в 2004 г. В статье, посвященной совместной мультипликации С. Дали и У. Диснея, Б. Касанова Барела³⁵ утверждает, что в основу фильма были положены пять картин испанского художника, которому удалось добиться эффекта погружения в сон, поместив зрителя в пограничное состояние между реальностью и сновидением.

Кроме того, известно, что С. Дали стал автором либретто и оформления балетов в хореографии Леонида Мясина для труппы *Русский балет Монте-Карло* Сержа Дэнема — «Вакханалия» на музыку Р. Вагнера (1939), «Лабиринт» на музыку Ф. Шуберта (1941) и «Безумный Тристан» на музыку Р. Вагнера (1944), что также нашло отзыв в специализированном журнале по искусству *ARTE Y PARTE*³⁶ за 2013 г.

В искусствоведческой библиографии имеются также отзывы о творчестве Сальвадора Дали в мире моды и дизайна: так, например, в статье М. Пальмеджани³⁷ подробно описывается совместная работа со знаменитой Эльзой Скиапарелли и то влияние, которое оказал творческий метод испанского маэстро на стиль парижского кутюрье.

---

³³ “Un perro andaluz”. P. 4. URL: <https://rinconespanol.files.wordpress.com/2012/03/un-perro-andaluz.pdf> (дата обращения: 21.10.2023).

³⁴ URL: http://www.animationartconservation.com/?c=art&p=destiny_of_dali_destino.

³⁵ Casanova Varela B. A propósito de *Destino* (2003) de Salvador Dalí y Walt Disney / Universidad Complutense de Madrid, 2020.

³⁶ Подробнее см.: Панне В.М. Дали (*Dali*) Сальвадор // Балет: энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Григорович. М., 1981. 623 с.; Sánchez Vidal A. Los ballets dalinianos, de Bacanal a Sacrificio. in *ARTE Y PARTE*, no. 104, April-May 2013. P. 24 (illustrated).

³⁷ Palmegiani M.E. Elsa Schiaparelli y su relación con el Surrealismo /Escuela de Arte de Oviedo // *LIÑO* 24. Revista Anual de Historia del Arte. 2018. P. 73–84.

Отдельной группой в далинианском дискурсе стоят работы писателей, поэтов и журналистов, по достоинству оценивших художественные (и в том числе литературные) произведения, принадлежащие кисти и перу Сальвадора Дали. Одним из самых ярких примеров является рецензия аргентинского писателя Хулио Кортасара для искусствоведческого журнала *El triunfo* под названием “*Salvador Dalí, sin valor adalid*”³⁸, в которой он выражает свое собственное мнение о великом испанском художнике и его творчестве, приводя различные, порой диаметрально противоположные точки зрения на его работы. Несмотря на то, что общественность критиковала Дали за его излишнюю эпатажность и безнравственные мотивы некоторых картин, Хулио Кортасар видел в нем гения и полагал, что талант Дали неоспорим. В его представлении Дали был «новым Сократом XX века», которого можно было не любить за не слишком красивые способы отражения реальности на холсте, однако которому нужно было открыть человечеству глаза на события, происходившие в мире на тот момент.

В октябре 1965 г. испанский филолог и географ Ф. Молинеро написал рецензию на мемуары Сальвадора Дали под названием *Дневник одного гения* для литературного издания *El Mundo y los Libros*³⁹. Еще один роман Дали *Сокрытые лица* также получил свои оценки и комментарии⁴⁰. Согласно Э. Веласко Маркос, вся книга построена на эффекте анаморфозы (помимо метаморфозы). Этот прием часто использовался Сальвадором Дали как в его живописной практике, так и в литературных произведениях: если «изнанка» мира, его внутреннее пространство, которое он создает для своих персонажей, в принципе, безоблачно и прекрасно, то когда герои выходят наружу, за пределы своего маленького мира, они сталкиваются с беспощадной войной, которая ознаменует собой смену целой эпохи. В романе многое противоречиво, запутанно и даже немного нелепо. Последствия прошлого и настоящего накладывают отпечаток на каждого персонажа, что, собственно, и создает анаморфический эффект. По мнению Р. Родригес Феррер, именно в романе *Сокрытые лица* в полной мере раскрывается писательский талант Дали, поскольку книга вовсе не является легким чтивом на досуге, а наоборот, содержит вдумчивый и глубокий интроспективный анализ человеческой лич-

---

³⁸ “Salvador Dalí, sin valor adalid” por Julio Cortázar // *El triunfo*. Año XXIV, n. 405 (7 marzo 1970). P. 16–19.

³⁹ “Diario de un genio”, de Salvador Dalí / Fernando Molinero, 1965 // *El mundo y los libros*.

⁴⁰ *Velasco Marcos E.* “Dalí novelista” // Universidad de Salamanca; Rodríguez Ferrer R. “Rostros ocultos” de Salvador Dalí / *Revista Taller de Letras* N° 34, Pontificia Universidad Católica de Chile. 2004. P. 179–183.

ности. Кроме того, Дали демонстрирует читателю свой собственный неповторимый идиолект, которому присуще изобилие метафор, аллюзий, недосказанности. Р. Родригес Феррер характеризует стиль романа как высокопарный, пафосный, порой даже вычурный, но тем не менее именно это позволило художнику создать задуманную им изначально томную атмосферу тревоги и хаоса.

Типология далинианского дискурса будет неполной без корпуса материалов, которые можно условно объединить под названием «Дали о себе», представляющих персональный автореферентный дискурс (названный В.И. Карасиком личностно-ориентированным типом), в котором соединяются референция и метареференция. Поскольку испанский гений, согласно его собственным словам, превращает в сюрреализм самого себя, а сюрреализм — в зеркало для собственного отражения, он становится *феноменом* и полностью отождествляется со своим творчеством. В силу этого можно считать, что Дали в автобиографических произведениях одновременно открывает взору читателя свою творческую мастерскую и создает вокруг себя онирическую ауру, наполненную загадками, которые манят различных исследователей многомерностью своих разрешений, и, пробуждая в них интеллектуальные амбиции, заставляют погрузиться во внутренний мир художника. К данному дискурсивному типу относятся автобиографические тексты Дали, изданные на французском языке, — *Дневник одного гения (Diario de un genio, 1964)* и *Тайная жизнь Сальвалора Дали (Vida secreta de Salvador Dalí, 1942)*, интервью великого маэстро, существующие в виде газетного и телевизионного текстов⁴¹, статьи и монографии Дали об искусстве, сюрреализме, собственном творческом методе (*Salvador Dalí: 50 secretos “mágicos” para pintar, 1951, Manifeste Mystique, 1951* и др.).

И, наконец, дополняют далинианский дискурс многочисленные рецензии⁴² на вышеперечисленные тексты самого Дали, которые до сих пор продолжают привлекать внимание исследователей в силу необъятной широты и многомерности взгляда художника, оставившего потомкам до сих пор непрочитанные до конца художественные (изобразительные) тексты, открытые взгляду будущих поколений зрителей.

---

⁴¹ Например, URL: <https://www.rtve.es/play/videos/a-fondo/salvador-dali-fondo-1977/4598867/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁴² *Ródenas de Moya D.* El mito de la vida verdadera en la Vida secreta de Salvador Dalí // Universitat Pompeu Fabra // Tintas. Quaderni di letteratura iberiche e iberoamericane, 2 (2012). P. 153–172. issn: 2240–5437; *Rojas C.* Dalí antes de Dalí // Emory University // España contemporánea. P. 107–112; *Rquena Fraile Á.* Reedición del libro de Salvador Dalí: 50 secretos “mágicos” para pintar / Editorial Luis de Caralt (2004 y 1951) // IES Atenea S.S.RR Madrid Abril, 2004.

Следует отметить, что разносторонняя интерпретация творчества Сальвадора Дали несколькими поколениями исследователей не способствует рецептивному разногласию, а скорее наоборот, дополняет существующее вокруг него дискурсивное пространство. Триединство личности, автора и творчества, представленное во всех текстах мастера — художественных и литературных — как нерушимое единое целое с присущей ему многогранностью, должно пониматься не только как своего рода энигма творческой личности и художественного процесса познания, но и как руководство к проникновению в более глубокие смысловые уровни, которые таит в себе наследие великого испанского художника. Данное исследование, представляющее собой первую попытку систематизировать дискурсивное пространство, формирующееся вокруг Сальвадора Дали, все еще находится в поисках предела, который установил бы референциальные рамки научных изысканий, так как хронологические рамки поиска не перестают расширяться в силу неисчерпаемости вложенных в работы художника смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданова Л.И.* Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.
2. *Загряжкина Т.Ю.* Проблема множественности в языке и культуре, или «Лингвистический узел» дискурса современности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 82–97.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
4. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сборник науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
5. *Молчанова Г.Г.* Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 9–18.
6. *Раевская М.М.* Иберийский травелог: к вопросу о типологии жанра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 97–109.
7. *Солодкова Е.В., Тюрнева Т.В.* Автореферентный дискурс: его базовый когнитивный признак // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). С. 156–165. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-12
8. *Яусс Х.Р.* К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12.
9. *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By.* Chicago; L., 1980.
10. *Rodríguez Ferrer R.* “Rostros ocultos” de Salvador Dalí / Revista Taller de Letras N° 34. Pontificia Universidad Católica de Chile, 2004. P. 179–183.
11. *Velasco Marcos E.* “Dalí novelista” // Universidad de Salamanca. URL: https://cvc.cervantes.es/literatura/tradicion_rupturas/velasco.htm (дата обращения: 21.10.2023).

Marina M. Raevskaya, Fatima V. Gabisova

**PERCEPTION OF SALVADOR DALÍ'S CREATION AND ITS
INTERPRETATION IN THE TEXTS
OF THE 20th–21st CENTURIES**

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mraevskaya@gmail.com;
fatimagabisova5@gmail.com*

Abstract: The object of discourse is an extraordinary person with all his creations, which is constantly replenished by reviews of every subsequent generation of spectators revealing their attitude to the author and his works. The legacy of the great Spanish artist Salvador Dalí is a unique asset of the world artistic culture, which has come under scrutiny not only by his contemporaries, but also by a wide audience, art historians, scientists, film critics, literary scholars, poets and writers of the following generations. Due to the fact that the works of the great artist involve countless acts of interpretation and revision, and form an open space around the hitherto unsolved questions by the creator himself, the authors of the article proceed from the assumption that the discourse about Salvador Dalí will continue to be enriched in the future cultural and historical context by the works of representatives of art and science. The present article focuses on the discourse about Salvador Dalí and his creations, which has been named *the Dalinian discourse* in the Spanish-language art tradition. The subject of the research are texts written by Dalí himself, his friends, and artists, as well as those written by the representatives of other sciences dwelling on the creations of the artist. The article attempts to systematise the main corpus of texts in Spanish about Dalí's visual and literary work and to present its typology.

Key words: Salvador Dalí; *Dalinian* discourse; art discourse; typology of *Dalinian* discourse; receptive aesthetics

For citation: Raevskaya M.M., Gabisova F.V. (2024) Perception of Salvador Dalí's creation and its interpretation in the texts of the 20th-21st centuries. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 124–140. (In Russ.)

About the authors: Marina M. Raevskaya — PhD in Philology, Professor, Head of Spanish Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; mraevskaya@gmail.com; Fatima V. Gabisova — PhD student, Lecturer, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; fatimagabisova5@gmail.com.

REFERENCES

1. Bogdanova L.I. 2022. Tsennosti i otsenki v protsesse kulturnoi transmissii [Values and assessments in the process of cultural transmission.]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.)
2. Jauss H.R. 1994. K problem dialogicheskogo ponimaniya [Dwelling on the problem of dialogical understanding.]. *Questions of Philosophy*, no. 12. (In Russ.)

3. Karasik V.I. 2002. Yazikovoi krug: lichnost', kontsepti, discourse [Language circle: personality, concepts, discourse.] Volgograd: Peremena, 2002. (In Russ.)
4. Karasik V.I. 2000. O tipax diskursa [About types of discourse]. Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd: Peremena, pp. 5–20. (In Russ.)
5. Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, London, The University of Chicago Press. (In English)
6. Molchanova G.G. 2021. Intertekstual'nost' i mifotekhnologii v postmodernistskom prostranstve [Intertextuality and mythological technologies in postmodern text.]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)
7. Raevskaya M.M. 2018. Iberijskij travelog: k voprosu o tipologii zhanra [Iberian travelogue: revisiting the typology of the genre]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 97–109. (In Russ.)
8. Solodkova E.V., Tyurneva T.V. 2019. Avtoreferentny' i diskurs: ego bazovy'i kognitivny'i priznak [Autoreferential discourse: its basic cognitive feature]. *Bulletin of the Cherepovets State University*. no. 5 (92), pp. 156–165. (In Russ.)
9. Zagryazkina T.Yu. 2021. Problema mnozhestvennosti v yazike i culture, ili Lingvicheskiy yzel discursa sovremennosti [The problem of plurality in language and culture, or the “Linguistic knot” of modern discourse.]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 82–97. (In Russ.)
10. Rodríguez Ferrer R. 2004. Rostros ocultos de Salvador Dalí / Revista Taller de Letras N° 34, Pontificia Universidad Católica de Chile, pp. 179–183. (In Spanish)
11. Velasco Marcos E. 2023. “Dalí novelista”. Universidad de Salamanca (accessed: 21.10.2023). (In Spanish)

Статья поступила в редакцию 23.09.2023;
одобрена после рецензирования 23.10.2023
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 23.09.2023;
approved after reviewing 23.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023

Юй Вэньсинь

«ЛИЦО» КАК СРЕДСТВО ОБОЗНАЧЕНИЯ ‘ВЫСОКОЙ САМООЦЕНКИ’ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; uwx970614@163.com

Аннотация: Статья посвящена сравнительному изучению языковых средств выражения ‘высокой самооценки’, включающих лексему *лицо*, в русском и китайском языках. Объектом анализа послужили лексико-фразеологические единицы, пословицы и поговорки, извлеченные из толковых, фразеологических и паремиологических словарей двух языков, а также данные текстовых корпусов, содержащие компонент «лицо». В ходе исследования использовались методы, включающие семантический анализ, элементы компонентного анализа, контрастивный анализ. Полученные результаты показывают, что в обоих языках значение слова *лицо* может быть связано с высокой самооценкой, но семантическая структура лексемы *лицо* в двух языках существенно различается. На основе анализа словарей было установлено, что в XVII в. в русском языке толкование слова *лицо* содержало ключевые понятия высокой самооценки — ‘достоинство’ и ‘честь’. Но в современном русском языке данное значение закреплено только в идиомах. *Лицо* в китайском языке может выражать целый комплекс значений: ‘сознание собственной ценности’, ‘желание иметь соответствующее положительное общественное мнение о себе’, ‘стремление добиваться успеха, чтобы занять более высокое положение в обществе’. При этом слово *лицо* включает не только семантический компонент ‘достоинство’, но и дополнительное значение ‘тщеславие’. Таким образом, «лицо» в современном китайском языке является одним из важнейших средств выражения высокой самооценки человека.

Ключевые слова: лицо; самооценка; высокая самооценка; достоинство; тщеславие; пословицы; фразеологизмы; русский язык; китайский язык

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-10

Для цитирования: Юй Вэньсинь. «Лицо» как средство обозначения ‘высокой самооценки’ в русском и китайском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 141–148.

В современной науке «лицо» нередко становится предметом исследования. В этом плане особый интерес вызывает социальная

Юй Вэньсинь — аспирант факультета иностранных языков и регионоведения, кафедры сопоставительного изучения языков МГУ имени М.В. Ломоносова; uwx970614@163.com.

концепция «лица». «Лицо» в его социальной трактовке является значимым понятием таких наук, как социология, психология, политология, теория переговоров, теория вежливости, социолингвистика. В сопоставительных лингвистических исследованиях важным является установление различий в семантическом объеме этого слова при обозначении оценочно-ценностных отношений. При этом важно иметь в виду, что различие между культурами, как правило, не может быть абсолютно нерелевантным при характеристике семантического устройства языков этих культур [Богданова, 2019]. И в русском, и в китайском языках «лицо» может быть связано с обозначением высокой самооценки человека. Цель данной статьи — выявить сходство и различия в обозначении высокой самооценки человека при обращении к понятию «лицо» в русском и китайском языках. Выявление средств и способов языкового выражения одного и того же смысла в разных языках — задача, соответствующая современной деятельностной лингвистической парадигме [Милославский, 2017]. Обращение к сфере обозначения нравственных категорий, с которыми связано понятие «лицо», «помогает глубже проникнуть в мир оценок и ценностей, отраженный в языке различными способами» [Богданова, 2022: 80–81].

Самооценка в психологии понимается как «совокупность представлений человека о себе, которая сформировалась на основе сравнения себя с окружающими» [Ульябаева, Шакирова, 2019: 390]. Самооценка предполагает два полюса, которые выражают положительное или отрицательное отношение к себе, своим поступкам и качествам [Богданова, 2021: 107]. Предметом анализа в настоящей работе является положительная самооценка человека, которая может порождать как позитивную, так и негативную реакцию со стороны общества. «Ключевым понятием высокой самооценки является *достоинство*» [Санников, 2006: 135]. На высокую самооценку указывают также слова *честь, самоуважение, гордость, самолюбие, уверенность в себе* и др. Среди них особое положение занимает слово *лицо*.

Сначала обратимся к толкованию слова *лицо* в русском языке. В Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой¹ слово *лицо* имеет следующие лексико-семантические варианты: 1. 'Передняя часть головы человека'; 2. 'Индивидуальный облик, отличительные черты кого-л., чего-л.'; 3. 'Человек, личность'; 4. 'Наружная, передняя, верхняя сторона предмета'. Согласно словарю, значения слова *лицо* в современном русском языке совсем не связаны с понятием самооценки. Однако

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

обращение к «Русскому ассоциативному словарю» показывает, что в состав ассоциатов слова *лицо* входят «душа человека» и «зеркало души»². Как показывают исследования ученых, в русской культуре национально-культурный компонент «лица» характеризуется связью с понятиями «Душа», «Совість», «Человек» [Клименко, 2018: 46].

Хотя в современном русском языке значения слова *лицо* не обнаруживают связи с понятием высокой самооценки, специальные исследования в этом плане показали, что в русских фразеологизмах «лицо» связано с достоинством и честью. Языковые данные подтверждают наши наблюдения. Приведем примеры из БФСРЯ³ и НКРЯ⁴:

1) *не ударить в грязь лицом* — '(X) ведут себя достойно, совершают поступки, показывающие их с лучшей стороны в глазах другого лица(Y)'. Ср. *И не ударить в грязь лицом — дело чести* (Парламентская газета, 01.2018, НКРЯ)⁵;

2) *сохранить лицо* — 'не терять собственного достоинства, беречь свою репутацию'. Ср. — *не проявляют воли, чтобы удержаться от скандалов, чтобы не поставить соперников в унижительное положение, не дав им никакой возможности «сохранить лицо»* (Аргументы и факты, 03.1995, НКРЯ);

3) *терять (свое) лицо* — 'вести себя недостойно, демонстрировать свою слабость, некомпетентность, неспособность к чему-л.' Ср. *Ранее «Ъ» сообщал, что Сергей Левченко собрал экстренный брифинг и обратился к своему сопернику Сергею Ероценко с просьбой «не терять лицо, проигрывать достойно»* (Коммерсант, 09.2015, НКРЯ).

Отражение связи *лица* со значением высокой самооценки в идиомах современного русского языка позволяет предположить, что в предшествующие эпохи семантическая структура слова *лицо* могла включать значение, связанное с высокой самооценкой. В результате изучения различных источников было обнаружено, что в XVII в. семантическая структура многозначного слова *лицо* отличалась от современной тем, что среди ее лексико-семантических вариантов был и ЛСВ 'честь, достоинство'⁶. Со временем данное значение в процессе семантического развития утрачивается, сохраняясь только во фразеологизмах.

² Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 20.08.2022).

³ БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006.

⁴ НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁵ Здесь и далее русскоязычные примеры — из НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 8. М., 1975.

В китайской культуре понятие «лицо» — важный элемент вербального культурного кода. В работах китаистов отмечается, что «немалая часть поведения китайцев до сих пор преследует цель подтвердить и сохранить лицо» [Малявин, 2005: 11].

Лексема *лицо* в китайском языке, в отличие от русского, имеет более сложную семантическую структуру. В китайском языке одно из толкований слова *лицо* особенно тесно связано с высокой самооценкой: «лицо» обозначает осознание собственной ценности, желание иметь положительное общественное мнение о себе, стремление сохранить, не потерять его. Согласно Словарю Канси⁷, в ядро языкового представления «лица» в китайском языке входят «面 (*мянь*)» и «脸 (*лянь*)». Именно эти два иероглифа со значением ‘лицо’ и использовались для отбора лексических, фразеологических и словичных единиц.

Слово «面 (*мянь*)», обозначая ‘переднюю часть головы человека’⁸, не содержит семантический компонент высокой самооценки. Слово «脸 (*лянь*)», являясь разговорным, входит в группу лексических единиц со значением ‘высокой самооценки’. В современном китайском языке одним из значений этого иероглифа является ‘достоинство’⁹. Например, устойчивые конструкции «脸皮薄 (букв. у кого-то тонкая кожа лица)» и «要脸 (букв. кому-то нужно лицо)» в китайском языке обозначают человека, который осознает и ценит свое достоинство, желает, чтобы другие тоже признали его, что подтверждается данным примером: 你脸皮厚你爸可脸皮薄 (букв. у кого-то тонкая кожа лица), 你不要脸你爸可是要脸 (букв. кому-то нужно лицо) 的人! 陈忠实《白鹿原》¹⁰ Ты не стыдишься своего поведения, а у твоего отца тонкая кожа лица, ему нужно лицо!¹¹

Ряд слова «脸 (*лянь*)» соприкасается со следующими рядами синонимов: «体面 (букв. социальное положение и лицо)» и «颜面 (букв. цвет и лицо)». Эти две лексемы отличаются от слова «脸 (*лянь*)» и его синонимов тем, что, во-первых, они характеризуются книжным стилем, во-вторых, они не предполагают сравнения субъекта с другими людьми. Эти лексические единицы могут описывать внешние проявления качеств человека в его поведении, которое при этом должно соответствовать социокультурным нормам и социальному статусу человека. Приведем характерный пример из Корпуса

⁷ 康熙字典 / Словарь Канси.

⁸ 新华字典 / Словарь иероглифов Синьхуа.

⁹ Там же.

¹⁰ 陈忠实《白鹿原》,人民文学出版社, 1998. Чэнь Чжунши, «Равнина Байлу», Издательство народной литературы, 1998.

¹¹ Здесь и далее китайские примеры переведены автором статьи.

китайского языка (ВСС)¹²: Ср. 结婚是件大喜事, 不坐花轿不体面 (лицо). 人民日报. — *Справлять свадьбу — большая радость. Если невеста не сидит в свадебном паланкине, то она без лица* (Народная ежедневная газета, 12.12.1964, ВСС). Традиционная китайская свадьба — это сложный ритуал. В день свадьбы жених и носильщик свадебных паланкинов прибывают в дом родителей невесты, неся свадебный паланкин. Под музыку невеста садится в паланкин, и ее забирают в дом жениха. Таким образом, в древнем Китае без паланкина брак считался не соответствующим социальным нормам.

Из анализа следует, что в китайском языке семантический компонент 'достоинство' входит в значение рассматриваемых лексем, что предполагает в данном случае позитивную оценку со стороны социума. Кроме того, «脸(лянь)» предполагает, что субъект сознает свою ценность, и это влияет на его поведение.

В ситуациях «травматического» воздействия на лицо используются устойчивые выражения, которые обозначают полностью потерянное достоинство, уничтоженную репутацию, честь, втоптанную в грязь: «颜面扫地¹³ (букв. лица выметаются, как мусор)», «颜面尽失»; «丢尽颜面 (букв. окончательно потерять лицо)». Ср. 这不仅仅是颜面 (лицо) 扫地, 更是对人的尊严的践踏. 人民日报. *Это унижает людей, лица выметаются, как мусор* (Народная ежедневная газета, 2003, ВСС).

Семантика слова «лицо» может предполагать в китайском языке и наличие семантического компонента 'тщеславие': «面子 (букв. лицо + суффикс 'цзы' со значением предметности)» и «脸面(букв. лицо + лицо)». Эти лексические единицы обозначают и осознание субъектом своей ценности, и желание быть лучше других. При этом проявление превосходства над другими людьми доставляет субъекту приятное чувство. Приведем несколько характерных примеров из ВСС:

Ср. 因为这是一场涉及两国切身经济利益、国家脸面 (лицо)、政府地位的搏斗. 人民日报... *это важная борьба за экономические интересы, национальное лицо и политический статус двух стран* (Народная ежедневная газета, 1995, ВСС); 住高级宾馆, 是「脸面 (лицо)」需要. 人民日报 *Из-за собственного лица остановился в пятизвездочном отеле* (Народная ежедневная газета, там же); 我们不在乎钱多少, 就是要这个面子 (лицо); «Нам все равно, сколько это стоит. Мы нуждаемся в лице».

Из анализа рассматриваемых единиц следует, что, во-первых, они различаются стилем: «面子 (букв. лицо + суффикс 'цзы' со значением предметности)» употребляется в неформальной обстановке,

¹² ВСС: Корпус китайского языка. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 20.08.2022).

¹³ 新华成语大词典/ Словарь идиом Синьхуа. 2003.

а «脸面 (букв. *лицо* + *лицо*)» — в книжной речи; во-вторых, оба слова обозначают стремление, желание добиваться успеха, чтобы занять более высокое положение в обществе, обладать более высокими качествами по сравнению с другими людьми.

Анализ средств выражения «лица» в китайском языке позволяет выявить значение достоинства как внутреннего качества (脸 *лянь*), присущего человеку, и «внешнего достоинства», которое проявляется в поведении (体面 *социальное положение и лицо* и др.). Семантика достоинства и соблюдение социокультурных норм являются основанием для положительной оценки обществом. Специфика лексических единиц «面子 (букв. *лицо* + *лицо* + суффикс *'цзы'* со значением предметности)» и «脸面 (букв. *лицо* + *лицо*)» состоит в том, что их значение связано не только с достоинством, но и с тщеславием, которое получает отрицательную оценку со стороны общества.

Желание прикладывать чрезмерные старания к «созданию лица» также негативно оценивается в китайской культуре. Устойчивые выражения «好面子 (букв. *кому нравится лицо*)», «要面子 (букв. *нуждается в лице*)», «挣面子 (букв. *наработать лицо*)», «顾面子 (букв. *заботиться о своём лице*)», а также «打肿脸充胖子 (букв. *дать в морду себе, чтобы выглядеть толстяком*)» обозначают, что субъект обращает слишком большое внимание на мнение других, стремится к признанию и похвалам, при этом отрицательная оценка входит в значение данных выражений, т.е. идти на все, чтобы сохранить свое лицо, осуждается обществом. Это подтверждается языковыми данными: ср. 中国人这份好面子 (букв. *кому нравится лицо*), 要面子 (букв. *нуждается в лице*), 挣面子 (букв. *наработать лицо*), 顾面子 (букв. *заботиться о своем лице*), 打肿脸, 充胖子 (букв. *дать в морду себе, чтобы выглядеть толстяком*) 的毛病, 也真是怪不得啊! 李国文 «世态种种»¹⁴ (китайцам следует избавиться от таких дурных привычек, как идти на все, чтобы сохранить свое лицо).

Заключение

Сопоставление русских лексико-фразеологических единиц с китайскими выявляет универсальные и национально-специфические компоненты семантики слова «лицо». Установлено, что значение, связанное с высокой самооценкой, представлено в обоих языках. Разница состоит в том, что в XVII в. в русском языке семантический компонент 'достоинство, честь' был зафиксирован в словаре как одно из значений слова *лицо*, а в современном русском языке это значение сохранилось только в идиомах. Однако в китайском языке развитие

¹⁴ 李国文, «世态种种», 人民文学出版社, 2012. Ли Говэнь. Различные ситуации в мире. 2012.

значения *лица* происходило путем создания двусложных или многосложных слов на основе морфем «脸 (*лянь*)» и «面 (*мянь*)». Семантика слова «лицо», особенно «социального лица», в современном китайском языке шире, чем в русском языке. В значение слова *лицо* входит не только семантический компонент 'достоинство', но и включается 'тщеславие'. В китайской культуре высоко ценится качество «скромность», а превосходство и тщеславие осуждается, поэтому существует много лексических единиц, включающих отрицательную оценку повышенного внимания субъекта к себе и своим положительным качествам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданова Л.И.* Что значит «потерять лицо» в русском языке? // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. 2022. № 8–1. С. 78–90.
2. *Богданова Л.И.* Оценки и ценности в структуре глаголов 'стыда' // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 106–116.
3. *Богданова Л.И.* Культурные параметры в грамматике для речевых действий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 9–18.
4. *Клименко Г.В.* Средства объективации концепта «лицо» в русском и английском языках // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 12 (805). С. 38–51.
5. *Малявин В.В.* Китай управляемый: старый добрый менеджмент. М., 2005.
6. *Милославский И.Г.* Цель как характеристика лингвистического исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 9–23.
7. *Санников А.В.* Самооценка человека в русской языковой картине мира: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
8. *Ульябаева Г.Ш., Шакирова Д.М.* Самооценка — что это такое: понятие, структура, виды и уровни. Коррекция самооценки // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 5-1 (33). С. 389–392.

Yu Wenxin

“FACE” AS A MEANS OF EXPRESSING ‘HIGH SELF-ESTEEM’ IN RUSSIAN AND CHINESE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ywx970614@163.com

Abstract: This paper focuses on the comparative analysis of the linguistic means of expressing ‘high self-esteem’ with the unit ‘face’ on the basis of the analysis of lexemes, phraseological units, proverbs extracted from explanatory and phraseological dictionaries of the Russian and Chinese languages. The methods used in the study include descriptive analytical method, definition, comparative analysis. The authors introduce the results of the research revealing that in both languages one of the meanings of the word “face” is associated with high self-esteem. But the difference is that in the 16-18 centuries in Russian the meaning of ‘face’ included ‘dignity, honor’, which is the key concept of ‘high self-esteem’, however, now this

meaning is fixed only in Russian idioms. The word “face” in Chinese can express a whole range of meanings: ‘self-esteem’, ‘the desire to have a positive public opinion of oneself’, ‘the desire to achieve success in order to occupy a higher position in society’. It not only includes the semantic component ‘dignity’, but also the additional meaning ‘vanity’. Thus, “face” in modern Chinese is one of the most important means of expressing a person’s high self-esteem.

Key words: “face”; self-esteem; high self-esteem; dignity; vanity; proverbs; phraseological units; Russian, Chinese

For citation: Yu Wenxin (2024). “Face” as a meaning of ‘high self-esteem’ in Russian and Chinese. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 141–148. (In Russ.)

About the author: Yu Wenxin — Postgraduate Student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; ywx970614@163.com.

REFERENCES

1. Bogdanova L.I. 2022. Chto znachit «poteryat’ litso» v russkomyazyke? [What does “lose face” mean in Russian?]. *RSUH/RGGU bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8-1, pp. 78–90. (In Russ)
2. Bogdanova L.I. 2021. Otsenki i tsennosti v structure glagolov‘styda’ \[Estimates and values in the structure of verbs with the meaning of ‘shame’]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 106–116. (In Russ)
3. Bogdanova L.I. 2019. Kulturnyye parametry v grammatike dlya rechevykh deystviy [Cultural parameters in the grammar for speech actions]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–18. (In Russ)
4. Klimenko G.V. 2018. Sredstva ob’ektivatsiikontsepta “litso” v russkomiangliiskom yazykakh [Objectification of the concept “face” in Russian and English]. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences*. no. 12(805), pp. 38–51. (In Russ.)
5. Malyavin V.V. 2005. *Kitaiupravlyaemyi: staryidobryimenedzhment* [China managed: good old management]. Moscow, Evropa. (In Russ.)
6. Miloslavskiy I.G. 2017. Tsel’ kakkharakteristikalingvisticheskogoissledovaniya [Purpose as a characteristic of linguistic research]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–23. (In Russ)
7. Sannikov A.V. 2006. *Samootsenkacheloveka v russkoizyakovoiartinemira* [Self-esteem of human being in the Russian language world view]. Moscow, Dis... kand. filol. nauk. PhD diss. (In Russ.)
8. Ul’yabaeva G. SH., Shakirova D.M. 2019. Samootsenka — chto eo takoe: ponyatie, struktura, vidyurovni. Korrektsiyasamootsenki [Self-esteem — what it is: the concept, structure, types and levels. Self-esteem correction]. *Skiff. Issues of Student Science*. no. 5-1(33), pp. 389–392. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.12.2022;
одобрена после рецензирования 16.09.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 22.12.2022;
approved after reviewing 16.09.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

З.Г. Прошина, Е.В. Терехова

ЗООМЕТАФОРА КАК ОСНОВА ОБРАЗНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИА- И ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; proshinazoya@yandex.ru*

*Национальный научный центр морской биологии имени А.В. Жирмунского,
ДВО РАН, Владивосток, Россия; evgeniavlad@gmail.com*

Аннотация: В статье анализируются особенности использования и перевода зооморфной метафоры в политическом медиа- и интернет-дискурсе. Перевод зоометафор рассматривается на примере англоязычной притчи об осле, тигре и льве. Выявлено, что в британском английском слово «осёл» метафорически реализует семы «напыщенность», «упрямство»; в американском английском, как и в русском языке, — «глупость» и «упрямство»; однако в дискурсе на китайском английском у данного слова появляется новое значение — «безропотно выполняющий тяжелую работу», что проявляется и в русском языке в виде производного глагола «ишачить». Вместе с тем китайский англоязычный контекст может быть не только отрицательным, но и положительным, реализуя сему «безустальность», «упорство». Слово «лев» создает метафорический образ благодаря семам «сила», «величие»; в британском и индийском, а также в китайском варианте английского языка у этого слова обнаружено еще одно значение — «охранитель власти». Слово же «тигр», выступая в качестве метафоры, традиционно активировало семы «опасность», «агрессивность», «сила», но в настоящее время в азиатском контексте оно реализует в положительном смысле сему «стремительность развития», а в отрицательном — «коррупционность высшего масштаба». В статье сопоставляется участие этих слов в образовании фразеологизмов в политическом дискурсе и указывается, какие проблемы они представляют при переводе на русский язык. В заключение делается вывод о том, что именно культурная основа создает проблему для перевода плюрицентричного английского языка.

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; proshinazoya@yandex.ru.

Терехова Евгения Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Национального научного центра морской биологии имени А.В. Жирмунского, ДВО РАН, Владивосток; evgeniavlad@gmail.com.

Ключевые слова: зоометафора; образность; политический дискурс; интернет-дискурс; перевод; ошибки; значение слова; культура; варианты английского языка

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-11

Для цитирования: Прошина З.Г., Терехова Е.В. Зоометафора как основа образности политического медиа- и интернет-дискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 149–165.

Метафора гораздо умней, чем ее создатель, и таковыми являются многие вещи. Всё имеет свои глубины.

Лихтенберг, Георг Кристоф

Введение

Явление языковой метафоры как кодирование культурного смысла, фона или ландшафта человека считается довольно хорошо изученным в русской и английской картинах мира. Что касается зоометафоры и парадигмы ее активного использования в последнее время, нельзя не заметить, что она стала центром притяжения и пристального изучения лингвистов, социологов и психолингвистов относительно недавно (см., например, [Kuo, 2003; Карташкова и др., 2009; Rouhi, Mahand, 2011; Богданова, 2023]).

Цель нашего исследования — выявить общие и национально-культурные особенности в значениях зоометафор русского и английского языков, что может представить проблемы в их переводе.

Зоометафора понимается нами как способ характеристики человека через различные образы, которые могут принадлежать определенной картине мира со своими национальными и культурными чертами. Если сущность собственно метафоры — это ассоциативное отождествление, которое делает возможным соотносить явления разных предметных областей посредством их простого сравнения, то зоометафора способна наделять образ различных животных и птиц антропоморфными свойствами, с одной стороны, а с другой — проецировать этот образ на человека, которому приписываются те или иные зооморфные характеристики.

По утверждению А.Д. Швейцера, перевод подобных проекций не может не вызывать затруднений, «поскольку в выборе определенного варианта переводчик исходит не только из внутрilingвистических, но и из некоторых внелингвистических критериев, включая дискурсивный контекст или ситуацию» [Швейцер, 1988: 54]. А.Д. Швейцер также подробно рассматривает вопрос, что можно считать инвариантом перевода, и, отвечая на него, утверждает, что «в процессе перевода неизменным остается или, во всяком случае, должно оставаться функциональное содержание исходного сообщения, т.е. *его смысловая сторона (как семантическая, так и прагматическая), определяемая*

коммуникативной установкой и функциональными характеристиками переводимого высказывания и, что не менее важно, соотношением между ними» [Швейцер, 1973: 69–70].

Ценность и значимость такого лингвистического приема, как зоометафора, благодаря ее эмотивности и образности, трудно переоценить. Применение зоометафор, иногда называемых скрытыми метафорами, выходит на передний план в политическом дискурсе и блогосфере Интернета, когда наступает время подготовки и проведения крупных кампаний или событий, например президентских выборов и др., что вызывает живой интерес и любопытство получателей текста.

Зоометафоры стали активно употребляться «при оценке главных субъектов газетных статей. Зоонимных персонажей подобных сравнений легко распознать, особенно когда на них уже спроецирован образ какого-либо животного. Такая проекция без особого труда делает этих людей самыми узнаваемыми в своей языковой среде или социуме. Впрочем, не только в них. Это одна из главных причин, приводящая к усилению роли политической метафоры, в том числе зоометафоры, которая, в свою очередь, ассоциируется с именами конкретных политических деятелей» [Сагитова, 2014].

Анализ многочисленных переводов метафор и зоометафор показывает, что их авторы и переводчики в основном сходятся на наличии четырех общих стратегий перевода: (1) прямой перевод зоометафоры; (2) частичная замена зоометафоры в соответствии с целевой аудиторией и культурой языка перевода; (3) замена зоометафоры оригинала прагматичной альтернативой зоометафоры языка перевода и (4) замена зоометафоры исходного языка «не зоометафорой» языка перевода [Терехова, Збань, 2022: 5].

Каким образом можно в таком случае переводчику избежать «страны ошибок» и не попасть в расставленные там ловушки, осуществляя адекватный перевод подобных языковых средств? Попытка дать определение такому сложному явлению прямо указывает на его глубину и многослойность. Эта сфера активности, называемая нами *парадигмой перевода*, непременно будет сопряжена со сложной полифункциональной деятельностью. Сначала в ней задействован автор, затем наступает очередь переводчика, требующая от него высоких профессиональных умений, навыков и междисциплинарных знаний.

Притча и ее символические образы

В начале нашего анализа рассмотрим англоязычную притчу¹ и сделаем ее перевод на русский язык. Затем проанализируем зоо-

¹ Donkey and the Tiger / Great Talks AI. Rebel One. 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7PcJvGtQazQ> (accessed 02.07.2023).

морфемные лексемы, их символический статус, возможность их культурного понимания и покажем связанные с этим проблемы перевода.

(1) <i>The Donkey said to the Tiger, "The grass is blue."</i> <i>The Tiger replied, "No, the grass is green."</i> (2) <i>The discussion heated up. And the two decided to go before the Lion, the King of the jungle. The Donkey began to shout: "Your Highness, is it true that the grass is blue?"</i> <i>The Lion replied, "True, the grass is blue".</i> <i>The donkey continued, "The Tiger disagrees with me, and contradicts and annoys me. Please punish him."</i> (3) <i>The King then declared: "The Tiger will be punished by 5 years of silence."</i> <i>The Donkey jumped cheerfully and went on his way.</i> <i>The Tiger accepted his punishment, but before, he asked the Lion, "Your Majesty, why have you punished me? After all, the grass is green."</i> (4) <i>The Lion replied, "In fact, the grass is green."</i> <i>The Tiger asked, "Why are you punishing me?"</i> <i>The Lion replied, "That has nothing to do with the question whether the grass is blue or green. The punishment is because it is not possible for a brave and intelligent creature like you to waste time arguing with the Donkey. And on top of that, come and bother me with that question."</i>	(1) <i>Сказал однажды Осёл Тигру:</i> – <i>А трава-то синяя.</i> <i>Ответил Тигр ему:</i> – <i>Нет, трава зелёная.</i> (2) <i>И вспыхнул спор меж ними. Тогда решили они предстать перед Львом, королём джунглей.</i> <i>Стал Осёл орать:</i> – <i>Ваше Величество, ведь правда, трава синяя?</i> <i>Лев ответил:</i> – <i>Да, верно, эта трава синяя.</i> <i>Осел продолжил:</i> – <i>А вот Тигр не согласен со мною: спорит и раздражает он меня. Пожалуйста, накажи его.</i> (3) <i>Тогда Король провозгласил:</i> – <i>Тигр приговаривается к 5 годам молчания.</i> <i>И радостно Осел запрыгал и пошел своей дорогой.</i> <i>Тигр согласился с наказанием, но перед тем спросил он Льва:</i> – <i>Ваше Величество, почему так наказали Вы меня? Трава-то всё-таки зелёная.</i> (4) <i>Лев ответил:</i> – <i>По сути да, трава зелёная.</i> <i>Тигр спросил:</i> – <i>Так зачем же Вы меня наказываете?</i> <i>И Лев ответил:</i> – <i>Это не касается того, какой у нее цвет, зеленый или синий. Наказан ты за то, что не подобает такому храброму и умному животному, как ты, Тигр, терять время, бранясь с Ослом. К тому же еще и приставать ко мне с тем же вопросом.</i>

(5) <i>The worst waste of time is arguing with a fool or a fanatic who doesn't care what is truth or reality but only the victory of his beliefs and illusions.</i> <i>There are people who, no matter how much evidence we present to them, are not in a capacity to understand, while others are blinded by ego, hatred or resentment. And all they want is to be right even if they ARE NOT.</i>	(5) <i>Нет ничего хуже, чем тратить свое время на споры с дураком или фанатиком: ему всё равно, где истина или реальность. Ему нужны лишь победа убеждений, иллюзии и ничего иного.</i> <i>Есть люди, которые просто не способны понять нас, сколько бы доказательств мы ни привели. Другие же ослеплены: кто самомнением, ненавистью, а кто и обидой. А всё, чего они хотят, — быть правыми, даже если они и НЕ ПРАВЫ.</i>

В анализируемой нами басне три персонажа: осёл, тигр и лев, три зооморфных метафоры. В данном случае перевод этих метафор не представил больших проблем, поскольку в так называемых западных культурах, англосаксонской и российской, символическое содержание этих зоометафор практически совпало. Но всегда ли бывает так? Может ли их функциональное значение измениться в другом типе дискурса, например, политическом? И всегда ли англоязычный текст будет следовать символике западной культуры? Ведь глобальный английский язык сегодня, как известно, выражает самые разные культуры, в том числе и восточные.

На основе анализа словарных статей толковых и фразеологических словарей английского и русского языков, а также текстов выявим признаки, формирующие стереотипные образы приведенных выше животных в обоих языках и проведем сопоставительный анализ зооморфов.

Donkey — Осёл

В современных толковых словарях русского литературного языка² слово *осёл* представлено как многозначное:

1. (зоол.) средних размеров непарнокопытное животное из рода лошадей, с крупной мордой и длинными ушами, *Equus asinus*. Синонимы: *ишак, мул* (результат скрещивания осла и лошади).

2. (перен., простореч., бран.) тупой и упрямый человек, дурак, чурбан.

² См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд. М., 2002. 944 с.; Glosum: Толковые словари. 2023. URL: <https://glosum.ru/> (дата обращения: 05.07.2023).

В толковых словарях американского английского языка³ для слова *donkey* найдены следующие семемы:

1. the domestic ass (*Equus asinus*); a sturdy and patient domestic mammal that is used especially to carry things;

2. a stupid or obstinate person.

Следует отметить, что британские словари⁴ обычно дают лишь первичное значение слова *donkey*, а переносное ассоциируется скорее с его синонимом *ass*, имеющим следующие семемы:

1. a donkey; a mammal resembling a horse but with longer ears;

2. a stupid person; a fool⁵; a stupid, stubborn, or detestable person⁶.

Часто это слово сочетается с прилагательным: *pompous ass* “напыщенный дурак”.

В американском варианте английского языка у слова *ass* появляется еще одно значение, употребление в котором этого слова звучит просторечно и довольно оскорбительно: a rude word for the part of the body that you sit on⁷; buttocks (often used in emphatic reference to a specific person)⁸.

Таким образом, мы видим, что в целом семантическая структура русского слова *осёл* и американского *donkey* совпадает, а поскольку американский вариант английского языка в настоящее время, как отмечают лингвисты [Черняков, 1993; Качру, 2000; Algeo, 2010], оказывает определенное влияние на другие варианты, в том числе на британский, создается впечатление, что символика образов *осёл* — *donkey* примерно одинаковая в англосаксонской и русской культурах.

Примерно такой же образ фиксируется словом *donkey* в китайской культуре, а значит, и в китайском английском. Как утверждает сайт “HubPages”, анализирующий символику основных зоометафор, осёл глуп и упрям; а если китайцы говорят, что осёл лягнул вас по голове (*your head is kicked by the donkey*), это значит, что у вас что-то не в порядке с головой⁹.

³ Merriam-Webster Dictionary. 2023. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed 05.07.2023)

⁴ Cambridge Dictionary. Cambridge University Press, 2023. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed 06.07.2023); Collins Dictionary. 2023. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (accessed 06.07.2023); Oxford Learners Dictionary. Oxford University Press. 2023. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/> (accessed 06.07.2023)

⁵ Cambridge Dictionary, 2023; Collins Dictionary. 2023.

⁶ Merriam-Webster Dictionary, 2023.

⁷ Cambridge Dictionary, 2023.

⁸ Merriam-Webster Dictionary, 2023

⁹ 30 Animals Symbolism in Chinese Culture // Hubpages. 2012. Jan. 7. URL: <https://discover.hubpages.com/education/Animal-Symbolism-in-Chinese-Culture> (accessed 06.07. 2023).

В контексте, однако, у этих слов может появиться дополнительное значение, не отмеченное словарем. Например, в китайском англоязычном интернет-дискурсе встречается выражение *donkey work*, которое не производит должного впечатления при калькировании:

*While the chief created culinary masterpieces, his assistants did all the donkey work for him*¹⁰. — Пока шеф-повар создавал свои кулинарные шедевры, его ассистенты делали для него всю черновую работу. *We've had a major struggle, and in the end achieved something — probably not enough, but let's continue to work like donkeys and make the best of things*¹¹. — У нас была серьезная борьба, и мы все-таки добились кое-чего — вероятно, не всего, чего хотели, но давайте работать изо всех сил и сделаем все возможное.

В данном контексте у слова *donkey* появляется новое значение, близкое переносному значению русского слова *ишак* “человек, безропотно выполняющий самую тяжелую работу”, зафиксированному словарем Ожегова¹² — отсюда деривационное значение глагола *ишачить* — (простореч., неодобр.) «выполнять тяжелую работу». Это значение возникает именно в китайском варианте английского языка. Для русского переводчика, который имеет соответствующие ассоциации, вероятно, перевод слова и высказывания не будет представлять проблемы, а вот для переводчика другой культуры здесь может быть скрыт подводный камень.

Еще один пример из английского языка, ориентирующегося на китайскую культуру, где в феминистском контексте появилось выражение *married donkeys*: “*the emerging dichotomy between single feminists and ‘married donkeys’*”¹³ — «возникающая дихотомия между одинокими феминистками и (в буквальном переводе) ‘замужними ослицами’»; “*In extreme cases, some even took to social media to insult wives as being a “married donkey,” a derogatory term used to describe submissive women who conform to patriarchal rules within marriage, said Xiao Meili, a leading voice in China’s feminist movement.*”¹⁴ — «Как крайность, некоторые даже стали использовать социальные медиа, оскорбляя жён и называя их ‘замужними ослицами’, оскорбительное выражение, используемое для описания безропотных женщин, которые следуют патриархальным правилам в своем замужестве», — сказала Сяо Мэйли, один из лидеров ки-

¹⁰ URL: <https://context.reverso.net/translation/english-chinese/donkey+work> (accessed 07.07.2023).

¹¹ Ibidem.

¹² Значение слова: Большой онлайн-словарь значений слов русского языка. 2023. URL: <https://znachenie-slova.ru/> (дата обращения: 06.07.2023).

¹³ URL: <https://www.sixthtone.com/news/1005896> (accessed 10.07.2023).

¹⁴ URL: <https://edition.cnn.com/2021/01/29/china/china-millennials-marriage-intl-hnk/index.html> (accessed 10.07.2023).

тайского феминистского движения. В данном случае опять перевод связан с синонимической ассоциацией со словом «ишак», у которого нет категории женского рода, потому и используется слово «ослица».

Выражение “marriged donkey” может быть воспринято не только в негативном контексте. С позиции противников феминизма, оно может иметь положительную коннотацию, что соответствует позитивному значению символа в китайской культуре: “*Donkeys are often associated with determination, as well as with stubbornness and hard work.*”¹⁵ — *Ослы часто ассоциируются с решительностью, а также с упорством и тяжёлым трудом. “The donkey is an understated symbol of determination and a strong will. They are very dedicated, and they seem to not tire easily.”*¹⁶ — *Осёл — недооценённый символ решительности и сильной воли. Они очень преданы, и кажется, что они почти не устают.* Вероятно, это значение тоже может проявиться в определенном контексте с позитивной коннотацией и тем самым может сильно озадачить переводчика из другой культуры, не знающего этого нюанса.

Интересно, что в современном американском политическом дискурсе прозвище *Donkeys* вот уже более 150 лет закрепилось за демократами благодаря политическому карикатуристу Томасу Насту, изобразившему эту партию таким символом, а республиканцев — как слонов (Elephants) [Stamp, 2012]. Позитивный или негативный образ закрепился, таким образом, за целой партийной системой США? Произошла своего рода эвфемизация слова, которое стало более нейтральным, чем изначально.

Таким образом, интерпретация каждого слова обусловлена культурой народа и его историей, поэтому говорить сегодня о единой метафоре в английском языке, фрагментированном на варианты, уже не приходится.

Lion — Лев

У слова *лев* в русском языке, кроме первичного значения, используемого зоологами, есть два переносных значения¹⁷:

¹⁵ URL: https://www.fluentu.com/blog/chinese/animals-in-chinese/#toc_8 (accessed 10.07.2023).

¹⁶ URL: <https://www.hep6.com/donkey-symbolism-facts-meaning-totem-spirit-power-animal/> (accessed 10.07.2023).

¹⁷ Академик: Словари и энциклопедии на Академикe. 2023. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/31873/лев> (дата обращения: 06.07.2023); URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/2088/лев> (дата обращения: 27.09.2023); Викисловарь: Энциклопедия. Многоязычный открытый словарь. 2023. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 06.07.2023).

- (уст., часто ирон.) законодатель мод, правил светского поведения, покоритель женских сердец: *светский лев, провинциальный лев*;
- человек, обладающий приписываемыми льву свойствами (благородством, достоинством, храбростью, смелостью, силой и т.п.) Два переносных значения имеет и английское слово *lion*¹⁸:
- in the sense of hero: *a frail little man, but with the heart of a lion* — *невысокий человек хрупкого телосложения, но с сердцем льва*. В этом случае, как и в русском языке, подчеркиваются такие качества, как мужество, отвага, смелость;
- in the sense of celebrity, big name — знаменитость: *By the 1920s Kahlil Gibran was a social and literary lion.* — *В 1920-х годах Халиль Джебран был известным общественным и художественным деятелем.*

В отличие от устаревшего первого переносного значения русского слова *лев*, в английском языке значение «знаменитость» используется в полной мере и в современном контексте, поэтому здесь не наблюдается полного кросс-языкового параллелизма, и при переводе надо подыскивать экспликативный эквивалент: *He was a literary lion among the writers of his time*¹⁹. — *Среди писателей своего времени он был выдающейся фигурой.*

Первое переносное значение слова *lion* также нередко требует экспликации в переводе, поскольку в русском языке обычно используются сравнительные обороты: *драться как лев*, а в английском — метафорическое значение стало гораздо более распространенным. Например, в американской статье “*If Congress Wants More Lions, It’s Time to Change the Habitat*”²⁰ обыгрывается прямое и переносное значения слова *lion*, которым называют почившего сенатора Джона Маккейна: *In much of the commentary, McCain was referred to as the “Lion of the Senate”...* — *Во многих комментариях Маккейна называли «смелым сенатором»...*; английская метафора становится развернутой благодаря дальнейшему сопоставлению среды обитания (*habitat*) и конгресса: *If we want more lions, we need to breathe new life into a bipartisan ecosystem that respects and rewards men and women who put the country first and politics second.* — *Если нам надо иметь больше достойных конгрессменов, необходимо вдохнуть новую жизнь в двухпартийную экосистему, которая бы уважала и вознаграждала тех, кто ставит интересы страны на первое, а политические интересы — на второе место.*

¹⁸ Collins Dictionary, 2023.

¹⁹ Meriam-Webster Dictionary, 2023.

²⁰ URL: <https://rollcall.com/2018/09/05/if-congress-wants-more-lions-its-time-to-change-the-habitat/> (accessed 10.07.2023).

Лев, будучи сильным, смелым и властным, стоит наверху иерархии зверей и считается царем зверей (*the king of beasts; the monarch of all beasts; the king of the jungle*). Однако выражение *the Lion Throne* применимо только к одному человеку — Далай-ламе, это трон во дворце Лхасы, на Тибете.

Антонимическую оппозицию льву составляет агнец, ягненок: *They are expected to be lions abroad and lambs at home when their living standards are attacked*²¹. — Полагаем, что, когда идет наступление на их жизненный уровень, они смелы, находясь за границей, а у себя дома ведут себя тише воды, ниже травы. Отсюда еще один фразеологизм: *would be brave as a lion with a lamb*, соответствующий переводу русской поговорки, в которой отсутствует образ льва: *Молодец против овец, а на молодца сам овца*.

Любопытно, что в британском английском в XVII в. появилось выражение *lions under the throne*. Вначале оно использовалось только в отношении судей Верховного суда: *Prior to the Glorious Revolution of 1688, English judges were “lions under the throne,” servile creatures of the King. — Перед «славной революцией» 1688 года английские судьи представляли себя как «львы, лежащие под Троном», то есть служители Короля*²². Впоследствии эта идиома пришла и в индийский вариант английского языка, что не удивительно, поскольку судебная-правовая система Индии работала по образцу бывшей метрополии. *The Supreme Court of India became ‘lions under the throne’ when Jawaharlal Nehru brought in the Fourth Amendment in 1955...*²³ — *Верховный суд Индии стал «львами: лежащими под троном», когда в 1955 г. Джавахарлал Неру представил 4-ю Поправку...* В данном случае, как и в предыдущем, чтобы отразить историческую реальность, используется калькированный перевод. В другом контексте возможен иной перевод, который предлагает Универсальный англо-русский словарь на сайте «Академик»²⁴: *цепные псы самодержавия*, весьма уместный для российского исторического контекста.

Как символ власти, силы и мужества лев часто присутствует на геральдических эмблемах — например, таких стран, как Болгария, Нидерланды, Финляндия, Эстония. Есть его изображения и на гербах российских городов: Белгорода, Ржева, Красноярска и др. Но

---

²¹ Cambridge Dictionary, 2023.

²² URL: <https://context.reverso.net/перевод/английский-русский/lions+under> (accessed 10.07.2023).

²³ URL: <https://www.rediff.com/news/column/how-the-supreme-court-became-lions-under-the-throne/20180317.htm> (accessed 10.07.2023).

²⁴ Академик, 2023. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/1502500/lions_under_the_throne (дата обращения: 06.07.2023).

только в отношении Великобритании наименование герба королевства стало метонимически соотноситься с названием империи: *British Lion* — *Британский Лев, Великобритания* — ср. фразеологизм *to twist the lion's tail* — *раздражать Великобританию*.

Еще одна номинация может привести переводчика к заблуждению: *Lion Dog* — это пекинес, порода комнатной собаки, выведенной в Китае. Однако в контексте китайской культуры *lion dog* может означать размещаемую возле дверей дворцов, административных органов и пр. статую каменного льва, символизирующего власть, силу и величавость.

В коммуникации о Юго-Восточной Азии можно услышать номинацию *Lion City* — это перифрастическое название Сингапура, мощного индустриального центра Азии. В русском языке тоже используется калькированное наименование — «*город льва*» — буквальным перевод с малайского и санскрита названия Сингапура.

Таким образом, семантика слов *лев* — *lion* имеет много общего в русском и английском языках. Символика номинаций практически совпадает, различия представлены некоторыми фразеологизмами, берущими начало в истории и культуре соответствующих пользователей языков.

Tiger — Тигр

В русском языке у слова *тигр*, кроме прямого зоологического значения «самая крупная из больших кошек с короткой рыжей (тёмными поперечными полосами) шерстью»²⁵, имеется переносное значение «сильный, агрессивный человек»²⁶, отмечаемое, однако, далеко не всеми толковыми словарями²⁷.

В английском языке британские и американские словари²⁸ фиксируют полисемантическую природу слова *tiger*:

1) a large Asian carnivorous mammal (*Panthera tigris*) of the cat family having a usually tawny coat transversely striped with black — значение, совпадающее со значением русского слова;

2) any of several large wildcats (such as the jaguar or cougar) — генерализованное значение, относящееся ко всем представителям кошачьих;

---

²⁵ Академик: Словари и энциклопедии на Академике. 2023. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/241622> (дата обращения: 06.07.2023).

²⁶ Карта слов и выражений русского языка // Картаслов.ру. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 07.06.2023).

²⁷ Glosum, 2023.

²⁸ Cambridge Dictionary, 2023; Collins Dictionary, 2023; Merriam-Webster Dictionary, 2023.

3) a fierce, daring, or aggressive person²⁹, a dynamic, forceful, or cruel person³⁰, very determined and strong³¹ — эта семема совпадает с переносным значением русского слова: *aroused the tiger in him* — *пробудил в нем тигра*, слово в этом значении может быть употреблено и в отрицательном, и в положительном смысле;

4) a fierce, daring, or aggressive quality³² — данное значение зафиксировано только в американском варианте английского языка, в британском английском и в русском языке оно отсутствует и требует экспликативного перевода: *a tiger for work* — *страсть к работе*;

5) someone or something (such as a situation) that is formidable or impossible to control — это значение тоже фиксируется только американскими словарями³³ и отсутствует в русском языке: *how the tiger of inflation can be tamed* — *как обуздать опасную инфляцию*;

6) a country, esp. in E Asia, that is achieving rapid economic growth — новое значение, отмеченное британским словарем³⁴: *a tiger economy*, но уже встречающееся и в русском политико-экономическом дискурсе (*азиатские тигры*): *Японский экспорт стал дешевле и привлекательнее экспорта «азиатских тигров», валюты которых были привязаны к стремительно дорожающему доллару*³⁵, но еще не фиксируемое толковыми словарями русского языка.

В китайском варианте английского языка, отражающем культуру и политическую ситуацию Китая, у слова *tiger* появилось еще одно переносное значение — «крупный коррупционер, из числа высшего руководства». В этом контексте слово противостоит лексеме *flies* «мухи», обозначающей коррупционеров низшего звена. Вот несколько заголовков китайских медиа: *China's corrupt 'tigers' tipped to be a rarer sight but plenty of 'flies' left to swat*³⁶; *Flies into Tigers: The Dynamics of Corruption in China*³⁷. В последней статье поясняется: *In early January, newly elected General Secretary of the CCP Xi Jinping ordered a new all-out attack on corruption and vowed that he would to not only "swat flies" (low-ranking officials) but also "hunt big tigers" (senior officials).* — *В начале января вновь избранный Генеральный секретарь КПК призвал к новому всеохватывающему*

²⁹ Merriam-Webster Dictionary, 2023.

³⁰ Collins Dictionary, 2023.

³¹ Cambridge Dictionary, 2023.

³² Merriam-Webster Dictionary, 2023.

³³ Ibidem.

³⁴ Collins Dictionary, 2023.

³⁵ Деньги. 2013. № 38. С. 18.

³⁶ URL: <https://www.scmp.com/news/china/polickictles-politics/article/2114437/chinas-corrupt-tigers-tipped-be-rarer-sight-plenty> (accessed 10.07.2023).

³⁷ URL: <https://www.chinacenter.net/2021/china-currents/20-1/flies-into-tigers-the-dynamics-of-corruption-in-china/> (accessed 10.07.2023).

наступлению на коррупцию и пообещал, что он будет не только «бить мух» (чиновников нижнего звена), но и «отлавливать крупных тигров» (чиновников высшего ранга). Вслед за китайской прессой выражения Си Цзиньпина проникают в британскую прессу: *Xi Jinping vows to fight 'tigers' and 'flies' in anti-corruption drive*³⁸.

В отличие от английского языка, в русском слово *тигр* имеет перифраз: *хозяин тайги, хозяин джунглей, царь джунглей, властитель джунглей, властелин джунглей*³⁹. Английское выражение *the king of the jungle* соотносится только со львом. Похоже, что для русских, в культуре и среде которых могут встречаться только тигры (уссурийские тигры, называемые по-английски «сибирскими» — *Siberian tigers*), оба зверя не уступают друг другу по силе и символической значимости, о чем также свидетельствует сетевой мем Павла Дурова, обошедший в 2023 г. многих блогеров: «*Что за лев этот тигр*»⁴⁰.

В Китае, как и в России, тигра также называют царем зверей (*king of the beasts, ruler of the beasts*): *As it symbolizes bravery and strength, the tiger is known as the king of the beasts throughout Chinese culture. — Символизируя храбрость и силу, тигр известен как царь зверей во всей культуре Китая*⁴¹. *Его также называют грозой демонов, особенно тех, которые приносят болезни*⁴².

Несмотря на то, что в России тигр все-таки обитает, хотя и на ограниченной территории, фразеологизмов со словом *тигр* почти нет — в последнее время стали появляться только переведенные фразеологизмы. В английских словарях мы находим идиомы со словом *tiger*, но они тоже практически все переведенные. Одним из самых распространенных выражений стало переведенное с китайского *paper tiger* «бумажный тигр», означающее что-то, являющееся опасным и грозным только с виду, а на самом деле не представляющее никакой угрозы. Говорят, что эта фраза была произнесена в 1956 г. Мао Цзэдуном, назвавшим «бумажным тигром» атомную бомбу и империализм. Это выражение довольно часто встречается

---

³⁸ URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jan/22/xi-jinping-tigers-flies-corruption> (accessed 10.07.2023).

³⁹ Академик: Словари и энциклопедии на Академикe. 2023. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/241622>.

⁴⁰ URL: <https://tengrinews.kz/curious/chto-za-lev-etot-tigr-pavel-durov-stal-internet-memom-496261/>; URL: <https://www.pravilamag.ru/news/offtop/12-04-2023/696599-chto-za-lev-etot-tigrnovyi-post-pavla-durova-s-pacanskoi-citatoi-razoshelsya-na-memy/> (accessed 10.07.2023).

⁴¹ URL: <https://discover.hubpages.com/education/Animal-Symbolism-in-Chinese-Culture> (accessed 10.07.2023).

⁴² Академик: Энциклопедия мифологии, 2023. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_mythology/4029/ТИГР (дата обращения: 27.09.2023).

в англоязычном политическом дискурсе: *They think that we are “paper tigers” not prepared to take necessary action which is the natural consequence of policies we have introduced and pursued*⁴³. — Они полагают, что мы «бумажные тигры», не готовые предпринять необходимые действия, что является естественным результатом проводимой нами политики. Употребляется этот фразеологизм и в русскоязычном дискурсе: «Америка стала тем, чем была Франция в 1940 году, бумажным тигром, управляемым непробиваемой бюрократией, у которой нет никакой стратегии для решительного разгрома внешних врагов нации», — считает эксперт⁴⁴.

Заключение

Подводя итог, отметим, что зоометафоры, раскрывающие определенный образ, отражающий яркий признак, наиболее характерный для данного животного, легко осмысливаемый и, соответственно, легко воспринимаемый сознанием говорящих на одном языке, при перенесении его на человека, помогают сделать интернет-дискурс, и особенно политический дискурс, экспрессивным и в то же время лаконичным, что, в свою очередь, представляет особые проблемы для перевода на другой язык, опирающийся на иную культуру. Именно культурная основа создает еще одну проблему для перевода плюрицентричного языка, коим является английский [Кочетова, 2015; Прошина, 2022]. Его варианты, функционирующие как лингва франка, демонстрируют разные способы понимания фразеологизмов и зоонимов, лежащих в основе зоометафор, поскольку они отражают разные культуры и менталитет пользователей. Перевод с английского языка на русский сегодня — это не передача британского способа мышления. Это гораздо большее — осознание того, что за английским словом может стоять совсем иной концепт и / или образ, который надо понять, найти для него соответствующий способ передачи, который бы сохранил функциональное содержание исходного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Л.И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 2. С. 24–40.
2. Карташкова Ф.И., Куражова И.В., Егорова А.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре. Иваново, 2009.
3. Кочетова М.Г. Вариативность в современном английском языке в лингвокультурном контексте // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 73–79.

⁴³ Cambridge Dictionary, 2023.

⁴⁴ URL: <https://rg.ru/2021/08/10/bumazhnyj-tigr-armii-ssha-predrekli-razgromnoe-porazhenie.html> (accessed 10.07.2023).

4. *Прошина З.Г.* Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88.
5. *Сагитова А.Ф.* Зоометафора как один из способов кодирования культурного смысла (На материале русского, турецкого и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12021> (дата обращения: 22.06.2023).
6. *Терехова Е.В., Збань А.В.* Политическая метафора в отражении англоязычных СМИ: Лингвистические приемы и интерпретация // Топология филологического поиска: К юбилею д-ра филол. наук, засл. проф. МГУ Л.В. Полубиченко / Ред.-сост. О.Н. Козлова. М., 2022. С. 217–226.
7. *Черняков В.В.* Современные американские заимствования в британском варианте английского языка: Семантико-прагматический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.04. СПб., 1993.
8. *Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика: О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. М., 1973.
9. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1998.
10. *Algeo J.* The Origins and Development of the English Language. 6th ed. Boston, 2010 (2005).
11. *Kachru B.B.* American English and Other Englishes // Landmarks of American Language and Linguistics. Vol. 2 / Donald S. Byrd, Natalie Bayley, Martin S. Gitterman (eds.). Washington, 2000. P. 272–291.
12. *Kuo Sai-hua.* ‘You’re a little rabbit in a pack of foxes’: Animal metaphors in Chinese political discourse // Journal of Chinese Linguistics. 2003. Vol. 31. No. 1. P. 72–100. URL: <https://www.jstor.org/stable/23754081> (accessed 27 Sept. 2023).
13. *Rouhi M., Mahand M.R.* Animal metaphor in cognitive linguistics // Psychology Research. 2011. Vol. 1. No. 4. P. 251–254.
14. *Stamp J.* Political Animals: Republican Elephants and Democratic Donkeys // Smithsonian Magazine. 2012. Oct. 23. URL: <https://www.smithsonianmag.com/arts-culture/political-animals-republican-elephants-and-democratic-donkeys-89241754/> (accessed 02.07.2023).

Zoya G. Proshina, Evgenia V. Terekhova

ZOOMETAPHOR AS THE CORE OF EXPRESSIVENESS IN POLITICAL MEDIA- AND INTERNET-DISOURSE

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; proshinazoya@yandex.ru
Zhirmunsky National Research Center of Marine Biology, FEB RAS, Vladivostok,
Russia; evgeniavlad@gmail.com*

Abstract: The paper analyzes the use and translation of zoometaphor in political media and Internet discourse. Translation of zoometaphors is discussed based on an English fable about the Donkey, Tiger and Lion. The research has revealed that in British English the word *donkey* metaphorically objectivizes the semes of ‘pomposity’ and ‘stubbornness’; in American English, like in Russian, the semes of ‘stupidity’ and ‘stubbornness’. However, the Chinese English discourse reveals a new meaning — ‘humbly doing hard work’, which is similar to the Russian derived verb *ishchit* ‘to drudge’. Meanwhile, a Chinese English context can be either negative

and positive when the semes ‘without tiredness’ and ‘perseverance’ are activated. The word *lion* creates a metaphoric image due to the semes ‘power’ and ‘majesty’. British and Indian Englishes, as well as Chinese English reveal one more meaning — ‘power guard’. The word *tiger* as a metaphor has traditionally activated the semes of ‘danger’, ‘aggressiveness’, and ‘force’, but nowadays in the Asian context it has the positive seme ‘rapid development’ and the negative ‘high-ranking corruption’. The article compares the participation of these words in making phraseological units used in the political discourse and points to the challenges they present in translating to Russian. The paper concludes that it is a cultural underpinning that causes most problems in translating pluricentric English.

Key words: zoometaphor; expressiveness; political discourse; Internet-discourse; translation; mistakes; word meaning; culture; varieties of English

For citation: Proshina Z.G., Terekhova E.V. (2024) Zoometaphor as the Core of Expressiveness of Political Media- and Internet-Discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 149–165. (In Russ.)

About the authors: Zoya G. Proshina — Dr. Habil in Philology; Professor, Full professor, Department of Theory of Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; proshinazoya@yandex.ru; Evgenia V. Terekhova — Dr. Habil in Philology; Associate Professor; Chair, Department of Foreign Languages, A. Zhirmunsky National Research Center of Marine Biology, FEB RAS, Vladivostok; evgeniavlada@gmail.com.

REFERENCES

1. Bogdanova L.I. 2023. Chelovek v zerkale zoomorfnoi metafory [Human being through the mirror of animal metaphor]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 24–40. (In Russ.)
2. Kartashkova F.I., Kurazhova I.V., Egorova A.V. 2009. *Imena zhivotnykh kak otrazhenie tsennostnoi kartiny mira v angliiskoi lingvokul'ture* [Animal names as reflection of the value-based worldview in English linguaculture]. Ivanovo: Ivanovo State Univ. (In Russ.)
3. Kochetova M.G. 2015. Variativnost' v sovremennom angliiskom yazyke v lingvokul'turnom kontekste [Variation in modern English in the linguacultural context]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 73–79. (In Russ.)
4. Proshina Z.G. 2022. Lingvokontaktologiya: sovremennye problemy i perspektivy [Contact language studies: current problems and perspectives]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 73–88. (In Russ.)
5. Sagitova A.F. 2014. Zoometafora kak odin iz sposobov kodirovaniya kul'turnogo smysla (Na materiale russkogo, turetskogo i angliiskogo yazykov) [Animal metaphor as a means of cultural coding (based on the Russian, Turkish, and English languages)]. *Current challenges in sciences and education*, no. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12021> (accessed: 22.06.2023). (In Russ.)
6. Terekhova E.V., Zban' A.V. 2022. Politicheskaya metafora v otrazhenii angloyazychnykh SM: Lingvisticheskie priemy i interpretatsiya [Political metaphor as verbalized by English media: Linguistic devices and interpretation] // *Topologiya filologichesk-*

- ogo poiska: K yubileyu d-ra filol. nauk, zasl. prof. MGU L.V. Polubichenko. [Kozlova O.N. (ed.). Topology of philological research. Festschrift in honour of Dr., Honorary Prof. L.V. Polubichenko] Moscow: KDU, Dobrosvet, pp. 217–226.
7. Chernyakov V.V. 1993. *Sovremennye amerikanskije zaimstvovaniya v britanskom variante angliiskogo yazyka: Semantiko-pragmaticheskkii aspekt* [Current American borrowings in British English: Semantic and pragmatic aspects]. PhD dissertation. SPb.: SPBGU. (In Russ.)
  8. Shveitser A.D. 1973. *Perevod i lingvistika: O gazetno-informatsionnom i voenno-publitsisticheskom perevode* [Translation and linguistics: On newspaper informational and military publicistic translation]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
  9. Shveitser A.D. 1998. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, problems, aspects]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
  10. Algeo J. 2010 (2005). *The Origins and Development of the English Language*. 6th edn. Boston: Wadsworth Centage Learning.
  11. Kachru B.B. 2000. American English and Other Englishes. In Donald S. Byrd, Natalie Bayley, Martin S. Gitterman (eds.). *Landmarks of American Language and Linguistics*. Vol. 2. Washington: Office of English Language Programs, pp. 272–291.
  12. Kuo Sai-hua. 2003. ‘You’re a little rabbit in a pack of foxes’: Animal metaphors in Chinese political discourse. *Journal of Chinese Linguistics*, vol. 31, no. 1, pp. 72–100. URL: <https://www.jstor.org/stable/23754081> (accessed 27 Sept. 2023)
  13. Rouhi M., Mahand M.R. 2011. Animal metaphor in cognitive linguistics. *Psychology Research*, vol. 1, no. 4, pp. 251–254.
  14. Stamp J. 2012. Political Animals: Republican Elephants and Democratic Donkeys. *Smithsonian Magazine*. Oct. 23. URL: <https://www.smithsonianmag.com/arts-culture/political-animals-republican-elephants-and-democratic-donkeys-89241754/> (accessed 02.07.2023).

Статья поступила в редакцию 20.09.2023;
одобрена после рецензирования 24.10.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 20.09.2023;
approved after reviewing 24.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

М.М. Лоевская

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ И ПОЭМЕ М.В. ЛОМОНОСОВА

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mloevskaya@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется героическая поэма М.В. Ломоносова, повествующая о посещении Петром Первым Соловецкого монастыря. Основателями Соловецкого монастыря считаются святые Зосима, Савватий и Герман, поселившиеся на безлюдном острове в первой трети XV в. До них остров был безлюдным. Со временем монастырь не только разрастался, но и стал одним из самых почитаемых в России. Его посещают тысячи паломников, цари и бояре делают богатые пожертвования. Первым из русских царей Соловецкий монастырь посетил Петр Первый (1694). Это событие опишет в своей поэме М.В. Ломоносов. Для создания образа идеального правителя поэт использует исторические реалии, основанные на холмогорских и соловецких летописях. Однако есть и вольная интерпретация исторических фактов, способствующая созданию героического образа для возвеличивания Российского государства. Указаны допущенные автором «исторические неточности»: подвиг Петра во время шторма на Белом море, история строительства стен обители, «соловецкое сидение» монахов, отказавшихся принимать реформы патриарха Никона.

Ключевые слова: Ломоносов; классицизм; Петр Первый; Соловецкий монастырь; Патриарх Никон

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-12

Для цитирования: Лоевская М.М. Соловецкий монастырь в культуре России и поэме М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 166–176.

Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь — один из знаковых памятников русской культуры и истории XVI–XIX вв. В XX в. (1992) он был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, вошел

Лоевская Маргарита Михайловна — доктор культурологии, профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mloevskaya@mail.ru.

в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

С историей этого монастыря, культурой Русского Севера во многом связан образ императора Петра Великого, что нашло отражение в поморском фольклоре, народных преданиях, «старинах», песнях. Трижды Петр I побывал в Архангельске (1693, 1694, 1702), причем второе и третье путешествия были связаны с посещением знаменитой обители Соловецкой — духовного оплота православия на Севере России.

История знаменитой обители связана и с именами «вольных пленников» — Германа, Савватия, Зосимы. В конце 1420-х годов на безлюдном острове в Белом море поселились два отшельника — преподобные Герман и Савватий. После смерти последнего на острове поселился монах Зосима — «знатный новгородец, раздавший все свое имущество нищим и возжелавший пустынноческой жизни» [Лаушкин, 2010: 20]. Именно при нем будет основан монастырь. Первой монастырской постройкой стал храм в честь Преображения Господня с приделом святителя Николая, который так почитался на Русском Севере. Тысячи паломников будут отправляться на «крайсветный остров» помолиться у мощей святых угодников о своих нуждах. Преподобные Зосима, Савватий и Герман были почитаемы не только простым людом, но и царственными особами (царь Иван Грозный). Дважды посещает Соловецкий монастырь Петр Первый. Его первое путешествие на Соловки опишет в своей поэме М.В. Ломоносов. Доподлинно неизвестно, был ли сам Ломоносов в этой известной обители, но исключать этого не стоит.

По словам Белинского, «Ломоносов был Петром Великим нашей литературы». Такая высокая оценка, несомненно, польстила бы поэту, так как перед этой личностью он преклонялся. Предания о великих делах царя, которых немало сохранилось на Севере, были знакомы Ломоносову с детства, мало того, как отмечают его многочисленные биографы, отроком он мог видеть наковальню, на которой работал царь-кузнец, а также два кедра, посаженных царем-мореходом в честь спуска на воду двух новых судов. Отец Михайлы — Василий Дорофеевич — видел молодого императора в Архангельске и наверняка не раз рассказывал своему сыну об одном курьезном случае — посещении Петром I Архангельского порта. Порывистый, но нескладный, переходя с корабля на корабль, он оступился и свалился в баржу с глиняными горшками. Немалого роста и крепкий в кости, Петр переколотил половину товара, за который заплатил хозяину хорошую цену — целый червонец.

В народных рассказах, байках и преданиях перед молодым Ломоносовым вставал живой облик царя Петра, непосредственного

в своих поступках, по-человечески близкого и понятного. Конечно, не могла не восхищать Ломоносова и смелость реформ царя-преобразователя. Впоследствии в ораторских и поэтических произведениях он создаст многогранный образ российского императора — «строителя, плователя, в полях, в морях Героя» [Ломоносов, 1954: 210].

В начале 1760-х годов Ломоносов посвятит венценосному просветителю героическую поэму, состоящую из двух песен (возможно, их должно было быть больше). Наше внимание привлекла Песнь 1-я, в которой описывается первое посещение Соловков Петром I.

С одной стороны, поэт продолжает традиции своих литературных предшественников — Феофана Прокоповича, любимца Петра, и Кантемира. Этим объясняется создание возвышенного и героизированного образа самодержца (кстати, Ломоносов неоднократно называет Петра героем, причем пишет это слово всегда с заглавной буквы). С другой стороны, поэт Ломоносов становится своего рода предшественником А.С. Пушкина, который так же несколько вольно будет обращаться с историческими фактами при написании своих поэм (в том числе посвященных Петру: «Медный всадник», «Полтава»).

Обращение к тексту поэмы Ломоносова позволяет сделать несколько любопытных культурологических наблюдений и поставить несколько важных, на наш взгляд, вопросов, ответы на которые найти весьма непросто.

В начале своей поэмы Ломоносов предупреждает читателя, что «намерен петь» «великий труд Петров», прославить «великого мужа» (великого по масштабу своих дел), «подобного Богу»:

И полон ревности спешит в восторге дух
Петра Великого гласить вселенной вслух
И показать, как он превыше человека
Понес труды для нас несслыханны от века;
С каким усердием отечество любя,
Ужасным подвергал опасностям себя

[Ломоносов, 1954: 210].

С этой строки, собственно, и начинается соловецкая тема. Предваряя ее, все-таки попытаемся ответить на вопрос: зачем Петр отправляется на Соловки? Вопрос этот не случаен. Так, В. Матонин указывает, что царь совершает богомолье, т.е. паломничество [Матонин, 2006: 123]. Мнение В. Матониной, по-видимому, опирается на рассказы о «Царственном Богомольце» М. Сидорова [Сидоров, 1882: 4–6]. Однако в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона дается иная трактовка посещения императором Петром I Соловков: «Расширение морских забав побудило Петра дважды совершить

путешествие на Белое море, причем он подвергался серьезной опасности во время поездки на Соловецкие острова» [Милюков, 1898]. Мнение историка А.В. Лаушкина представляется наиболее убедительным и правдоподобным: «Соловецкий монастырь интересовал государя, прежде всего, как морская крепость, и он дважды посещал его — в 1694 и 1702 гг.» [Лаушкин, 2007: 121]. А.В. Лаушкин также подчеркивает, что к монастырям у царя было своеобразное отношение, а монашеского подвига он вовсе не понимал (монахи — люди бесполезные, «чуждые труды поедающих»), поэтому хотел превратить монастыри в лечебницы, дома инвалидов, места пребывания душевнобольных (кстати, именно такой подход будет и у большевиков, многие монастыри будут использоваться ими под больницы для психически больных людей) [Лаушкин, 2007: 121].

Действительно, отношение к монастырям и монашествующим со стороны государя было, мягко говоря, недоброжелательным. Именно при Петре сильно сократилось число монашествующего духовенства. Указом (1703) Петр запретил строить новые монастыри (было несколько постановлений еще на московских соборах конца XVII в. о мерах к уменьшению числа монастырей и монашества), для пострига определил возрастной ценз (мужчин дозволено постригать не ранее 30, а женщин 50–60 лет). Новые монастыри дозволялось строить только с разрешения самого государя и Синода. Малые монастыри велено сводить вместе, а церкви их обращать в приходские. Впрочем, такой крайний утилитарно-государственный взгляд на монашество складывается в 1-й четв. XVIII в., т.е. до посещения Соловков Петром I.

Но как бы там ни было, Петр отправляется в плавание по Белому морю. И далее встает очередной вопрос: когда? Чаще всего указывается дата 6 июня, однако М. Сидоров в Приложении к «Картинам...» ссылается на рассказ купца первой гильдии М.А. Мамонова, услышанного им от кормщика яхты «Святой Петр», на которой плыл в Соловки Петр Великий: «9 мая государь со своими боярами и архангельским архиепископом Афанасием отправился на яхте из Архангельска в Соловецкий монастырь» [Матонин, 2006: 124]. Итак, даты расходятся. Почему это так важно? Дело в том, что в поэме Ломоносова описывается шторм, в который попала яхта:

Перуны мрак густой, сверкая, разделяют,
И грома с шумом вод свой треск соединяют.

Петр ведет себя при этом героически, подбадривая всех и утешая:

Сквозь грозный стон стихий к бледнеющим гласит:
«Мужайтесь! Промысл нас небесный искушает;

К трудам и к крепости напредки ободряет;
Всяк делу своему со тщанием внимай:
Опасности сея Бог скоро пошлет край».

Когда же опасность минует он торжественно провещает:

«Какая похвала Российскому народу
Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду».

И далее: горящее лицо Героя
Как пламенна гора казалось меж валов,
И простирало блеск багровый из-за льдов

[Ломоносов, 1954: 211–212].

Несколько раз автором упоминаются льды, покрывающие Белое море. Здесь следует заметить, что в мае в Белом море дрейфующие льды, действительно, представляют опасность, тем более во время бури; к июню льды, как правило, исчезают. Логично было бы предположить, что Петр попал в бурю в мае, однако в «Соловецком Летописце» все-таки указывается июнь: «В лето от сотворения мира 7202 июня 7-го дня, от воплощения же б[о]жия слова 1694-го индикта 2-го великий г[осу]д[а]рь ц[а]рь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия, и Малыя, и Белыя России самодержец, прииде от города Архангельскаго во обитель Соловецкую помолитися со всем своим царским сигклитом на яхте, не со многими и с Холмогорским епископом Афанасием» [Летописец Соловецкий, 2010: 82]. Таким образом, можно сделать вывод, что неточность допускает все-таки Ломоносов, дабы усилить и подчеркнуть, какой страшной опасности повергался царь.

Поэт восхищается самообладанием и выдержкой государя — он единственный достоин восхищения. В «Картинах...» М. Сидоров отдает должное героизму Петра, который «не потерял присутствия духа», «казался нечувствительным к ярости свирепствующего моря», однако слава, по сути, достается кормщику Антипе Панову: «Петр подошел к нему и стал ему указывать, куда он должен направлять судно; тогда Антипа сказал ему: “Поди прочь! Я лучше тебя знаю, куда правлю”». На берегу спасенный царь напомнил Антипе о его дерзости: «Помнишь ли, брат, какими словами ты меня отпотчевал на судне?» После чего он три раза поцеловал Антипу в голову, поблагодарил за спасение: «...я обязан благодарностью тебе за твой ответ и за твое искусство» и пожаловал кормщику на память свою измокшую рубашку и «сверх того определил ему пенсию до смерти» [Матонин, 2006: 124–125].

Историк С. Соловьев представляет эту историю следующим образом: «...царь отправился на яхте “Св. Петр” в Соловки; на дороге поднялась страшная буря, кораблекрушение казалось неминуемо. Петр приобщился уже святых таин из рук сопровождавшего его

архиепископа Афанасия: к счастью, нашелся искусный кормчий, *Антон Тимофеев* (Соловьев указывает иное имя спасителя Петра. Курсив мой. — *М.Л.*), который успел ввести яхту в Унскую губу, и они стали на якоре близ Пертоминского монастыря. Собственными руками Петр сделал крест в полторы сажени вышиною и поставил на том месте, где вышел на берег; на кресте виднелась голландская надпись: “Сей крест сделал шкипер Петр в лето Христово 1694”» [Соловьев, 1965].

Образы северной природы нашли замечательное отражение в поэме Ломоносова. Таково, например, описание полярного дня, привидевшее в восторг поэта К.Н. Батюшкова:

Достигло дневное до полночи светило, <...>
Среди пречудных при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи

[Ломоносов, 1954: 214].

Однако не менее поражает и восхищает «крайсветный остров»:

Уже на западе восточными лучами
Открылся освещен с высокими верьхами
Пречудных стен округ из диких камней град
<...>

Из каменных бугров воздвигнута стена,
Водами ото всех сторон окружена

[Ломоносов, 1954: 215].

Стены и башни монастыря, сложенные из огромных валунов, всегда ошеломляют прибывших на Соловки паломников. Начал строительство каменной крепости вологодский зодчий Иван Михайлов, продолжил его дело соловецкий монах Трифон Кологривов. «Каменный город» был построен за очень короткий срок — 14 лет (1582–1596). При этом следует учитывать, что строительство шло, скорее всего, в течение недолгого северного лета. Общая протяженность стен составляет более километра, толщина у основания — 5–7 м, высота — от 11 до 17 м, вес некоторых валунов составляет 7–11 т. Огромные камни, покрытые рыжим лишайником, придают строению особый колорит и величественный вид.

В XVII в. стены и башни обители в течение восьми лет служили надежной защитой мятежным монахам-«сидельцам», которые отказались признать церковные реформы патриарха Никона. Ни обстрелы, ни штурмы, ни подкопы не помогли захватить обитель воеводе Мещеринову. В XIX в. соловецкие монахи посрамили англичан, которые в течение девяти часов бомбили из пушек по монастырю. 1800 ядер, выпущенных по стенам и постройкам, не смогли

причинить обители хоть какой-либо значимый ущерб. Ни один из защитников крепости не пострадал. «Постыженные» англичане были вынуждены бесславно покинуть акваторию монастыря. Разрушить стены соловецкой обители оказалось не по силам ни одному врагу.

Неизменно задается вопрос, как такое чудо было воздвигнуто? Ответа нет до сих пор. Правда, патриарх Никон говорил, что «святые (преподобные Зосима, Савватий и Герман — *М.Л.*) заставили работать диаволов над сооружением монастырских стен. По этой причине оне изумительны по своей необыкновенной прочности, и люди описывают их с удивлением» [Алеппский, 1888: 126].

В поэме Ломоносова Петр интересуется у настоятеля монастыря архимандрита Фирса не технологией сооружения могучих монастырских стен, а строителями:

...Кто сими вас горами
Толь крепко оградил, поставя их руками?

[Ломоносов, 1954: 215]

Далее начинается самое интересное, загадочное и необъяснимое... Фирс на вопрос царя отвечает:

Великий Иоанн, Твой сродник и пример,
Что Россов превознес и злых Агарян стер.
<...>

... и здесь дал милостыню многу:
Пятьсот изменников пойманных татар,
Им в казнь, обители прислал до смерти в дар.
Работою их рук сии воздвиглись стены...

[Ломоносов, 1954: 215].

Как помним, взятие Казани Иваном Грозным произошло в 1552 г. — за 30 лет до начала строительства Соловецкой крепости. Откуда взялись пленные татары числом 500 человек, совершенно непонятно! В «Соловецком Летописце» действительно сообщается о царской «милостыне многой» — щедрых дарах Иоанна Васильевича в 1582, 1583 гг. и даже в 1584 г. — перед смертью, однако к строительству монастыря они не имели никакого отношения и ни о каких татарах, присланных для строительства, в «Летописце» так же не говорится. Большею частью дорогие подарки носили номинальный характер: «В лето 7090 (1582) пожаловал по царевиче великом князе Иоанне Иоанновиче пятьсот рублей. Того ж году пожаловал по опальных кубок серебрянной золочен, с покрышкою, весом 20 фунтов и 10 золотников, да спорок шубу соболью, да кавтан камки дымчатые узорчатой на горносталях, 10 кляпышев серебрянных золочены, всего на 100 рублей, еще ж 20 ру[блей] и 75 копеек.

Еще ж сто рублев денег. В лето 7091 (1583) пожаловал по тех же опальных часы медные резные на проем за 4 ру[бли], да цки собольи за 10 ру[блев], да морхов, и схватов, и науз тесма серебрянная, цена 15 ру[блев]. Того ж году по тех же опальных пожаловал милостыни тысячу рублев, еще ж триста рублев, да кр[е]ст золотой промены семдесят пять рублев, да дватцетъ стоканов серебрянных на кириловское дело, цена сто дватцетъ девять рублев восем копеек; да флягу серебрянную гладку, цена сорок сем рублев; да чару серебрянную, да кубок золочен лощатой без покрышки за тритцетъ за два рубли за 50 копеек. Он же великий г[осу]д[а]рь пожаловал по князе Владимире Андреевиче, и по его матери и княгине, и по детях двести рублев. Да по князе Петре Михайловиче Щенятеве двести ж рублев. Того ж году пожаловал по царевиче великом князе Иоанне Иоанновиче двести ж рублев, по нем же великом царевиче пожаловал испод шуба соболья с пухом и с ожерелием бобровым, испод бархата, за семдесят рублев, да опушен бархат червчат з золотом за дватцетъ рублев. В 7092 (1584) году он же великий г[осу]д[а]рь пожаловал по опальных тысячу сто рублев» [Летописец Соловецкий, 2010].

Таким образом, ошибку допускает либо Фирс, либо, что вероятнее всего, автор поэмы. Впрочем, Ломоносов грешит не столько фактическими неточностями, сколько использует художественный вымысел (правда, не совсем понятно, с какой целью и на чем основанный). Дать ответ на этот вопрос мы затрудняемся.

Интересной представляется в поэме оценка все тем же Фирсом «соловецкого сидения» (1668–1676), связанного с неприятием «сидельцами»-монахами реформ патриарха Никона.

Когда Петр еще только любителю обителю, обитатели «каменного града», называются «вольными пленниками», которые спасаются, «от мира отделясь и морем и святыней», жизнь их полна лишений «приятнейших плодов от древ», так как «не может произвести короткое их лето», «в протчи дни» свирепствуют мрак, туман, буйные ветра, шум которых «восходит к небесам поющих глас и ум» [Ломоносов, 1954: 215]. Молитвенная, хозяйственная, мирная жизнь иноков была нарушена церковной реформой патриарха Никона, расколовшей Русь, ставшей кровоточащей раной на церковном теле, приведшей к кровавой расправе с соловецкой братией, которая в своем большинстве не приняла «новин». Осада мятежного монастыря продолжалась восемь лет, упорство ревнителей старой веры вряд ли было бы сломлено, однако предательство одного из братии — перебежчика Феоктиста — привело к захвату обители и жесточайшей расправе над мятежными монахами [Скопин, 2007: 21].

В поэме Ломоносова настоятель монастыря называет «сидельцев» «врагами», «грубыми невеждами», а стены обители — надежной защитой «против раскола и хулы». Фирс радуется, что теперь «в церковной все послушности живут», гневно осуждает он тех, «кого не преклонил ни глад, ни должной казни страх». Петр же «вспомянул, коль много от раскола Простерлось наглостей и к высоте престола», и, в свою очередь, рассказывает об «ужасной напасти» — «властолюбивой Софии хитрой» — но эта уже другая тема...

Итак, подводя итоги, можно отметить: обращаясь к петровской теме, Ломоносов следует классицистическим традициям создания идеального образа просвещенного правителя — «работника на троне», заботящегося о благе Отечества. Благочестивый царь, претерпевая страшные стихийные бедствия, оказывается в Соловецкой обители. Казалось бы, все это соответствует историческим фактам, однако благодаря художественному вымыслу образ Петра становится более колоритным и мощным. Многие загадки, такие как время посещения Соловков, осуществление строительства крепости, остаются неразгаданными и придают поэме за счет художественного вымысла особый колорит. Дух ушедшей эпохи создается с помощью конкретных картин жизни, человеческих судеб и событий. Ломоносов воспевает не только великий «дух Петров», но и Соловецкую обитель, Соловецкий остров. «Стоит в пучине морстей / Неприближно к земли. . . / Остров посреде моря, / аки звезда в небеси сияет» [Лаушкин, 2007: 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алеппский П.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию. М., 1888. Кн. VII.
2. *Лаушкин А., Аксютин-Лаушкина В.* Соловецкий монастырь и его ближайшие окрестности. М.-Соловки, 2007. С. 121.
3. Летописец Соловецкий (репринтное издание). Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь, 2010.
4. *Ломоносов М.В.* Петр Великий. Героическая поэма // Ломоносов М.В. Стихотворения. Л., 1954.
5. *Матонин В.* Петр Первый на Соловках // Соловецкое море. Архангельск; М., 2006.
6. *Милюков П.Н.* Петр I Великий // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 45. СПб., 1898.
7. *Сидоров М.* Картины из деяний Петра Великого на Севере. СПб., 1882. С. 4–6.
8. *Скотин В.В.* На Соловецких островах. М., 2007.
9. *Соловьев С.* История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. 14, т. 27–27. Гл. 2. М., 1965.

Margarita M. Loyevskaya

**SOLOVETSKY MONASTERY IN THE CULTURE OF RUSSIA
AND THE POEM OF M.V. LOMONOSOV**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mloevskaya@mail.ru

Abstract: The article analyzes M.V. Lomonosov's heroic poem, which is about Peter the Great's visit to the Solovetsky Monastery. The founders of the Solovetsky Monastery are Saints Zosima, Savvaty and Herman, who settled on a deserted island in the first third of the XV century. Over time, the monastery not only grew, but became one of the most revered in Russia. It is visited by thousands of pilgrims; kings and boyars make rich donations. The first of the Russian tsars to visit the Solovetsky Monastery was Peter the Great (1694). This visit will be described by M.V. Lomonosov in his poem. To create the image of an ideal ruler, the poet uses historical realities based on the Kholmogory and Solovetsky chronicles. However, there is also a free interpretation of historical facts that contributes to the creation of a heroic image to glorify the Russian state. The "historical inaccuracies" made by the author are identified and indicated: the feat of Peter during a storm on the White Sea, the history of the construction of the walls of the monastery, the "Solovetsky sitting" of the monks who refused to accept the reforms of Patriarch Nikon.

Key words: Lomonosov; classicism; Peter the First; Solovetsky Monastery; Patriarch Nikon

For citation: Loyevskaya M.M. (2024) Solovetsky Monastery in the Culture of Russia and the Poem of M.V. Lomonosov. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 166–176. (In Russ.)

About the author: Margarita M. Loyevskaya — Dr. Habil in Cultural Studies, Professor of the Department of Comparative Studies in Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; mloevskaya@mail.ru.

REFERENCES

1. Aleppsky P. 1888. Puteshestvie antiokhiiskogo patriarkha Makariya v Rossiyu [The Journey of Patriarch Macarius of Antioch to Russia]. Moscow, Book VII. (In Russ.)
2. Laushkin A., Akysyuchits-Laushkina V. 2007. Solovetskii monastyr' i ego blizhaishie okrestnosti [Solovetsky Monastery and its immediate surroundings]. Moscow-Solovki, pp. 121. (In Russ.)
3. Chronist Solowezki (Nachdruck). 2010. Spaso-Preobrazhenskii Solovetskii stavropigial'nyi muzhskoi monastyr' [Spaso-Preobrazhensky Solovetsky Stavropegic Monastery]. (In Russ.)
4. Lomonosov M.V. 1954. Petr Velikii. Geroicheskaya poema [Peter the Great. Heroic poem] *Lomonosov M.V. Poems*, L. (In Russ.)
5. Matonin V. Petr Pervyi na Solovkakh [Peter the First on Solovki] *The Solovetsky Sea*. Arkhangelsk-M., 2006. (In Russ.)

6. Miljukow P.N. 1898. Petr I Velikii [Peter I the Great] *Enzyklopädisches Wörterbuch von Brockhaus und Efron*. St. Petersburg, t. 45. (In Russ.)
7. Sidorov M. 1882. Kartiny iz deyanii Petra Velikogo na Severe [Paintings from the acts of Peter the Great in the North]. St. Petersburg, pp. 4–6. (In Russ.)
8. Skopin V.V. 2007. Na Solovetskikh ostrovakh [On the Solovetsky Islands]. Moscow (In Russ.)
9. Solowjew S. 1965. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen: V 15 kn. [History of Russia since ancient times: In 15 books]. Moscow: Sotsekgiz, kn. 14, t. 27–27, kap. 2. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.09.2023;
одобрена после рецензирования 22.10.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 22.09.2023;
approved after reviewing 22.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

А.В. Павловская

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ ЕДЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; annapavl@mail.ru

Аннотация: В статье впервые предлагается периодизация всемирной истории еды. Хронологические рамки охватывают период с момента появления «человека разумного» до сегодняшнего дня. В основу периодизации положены не только изменения в процессе производства и приготовления пищи, продукты питания и способы их готовки, но и целый комплекс явлений, связанных с едой: порядок приема и подачи пищи, вкусовые предпочтения, культурные и общественные традиции, место в историческом контексте и взаимодействии культур, национальные характеры и вопросы самоидентификации. Подобного рода систематизация «гастрономической» истории человечества позволяет вписать ее в общий контекст всемирной истории, показать место и роль еды и традиций питания в истории человечества. В статье выделяются следующие периоды, не всегда совпадающие с общей периодизацией истории. 1. Первобытный период. Появление и становление традиций приготовления и приема пищи (40 000 до н.э. — 10 000 до н.э.); 2. Возникновение и становление сельского хозяйства. Появление первых цивилизаций (10 000 лет до н.э. — 1 000 лет до н.э.); 3. Античность. Разделение народов по пищевому признаку (1 000 лет до н.э. — V в.); 4. Период складывания пищевых систем мира. V в. — рубеж XIX–XX вв.; 5. Период пищевой глобализации. Новейшее время. Рубеж XIX–XX вв. — настоящее время.

Ключевые слова: всемирная история; история еды; периодизация; традиции повседневности

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-13

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Павловская А.В. Периодизация всемирной истории еды (к постановке проблемы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 177–193.

Павловская Анна Валентиновна — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; annapavl@mail.ru.

Попытки обобщить и систематизировать историю развития человечества предпринимались издавна: еще в Древнем Шумере эпохи делили по периодам правления царей. В последние десятилетия интерес к этой проблеме заметно возрос, так как остался нерешенным. Предлагались различные подходы и принципы: цивилизационные, формационные, мир-системные, коммуникационные и множество других. И неизбежно подвергались (справедливой) критике. В том числе не существует единого мнения по поводу периодизации всемирной истории, да и быть не может. Как вместить в одну систему жизнь европейцев, китайцев, папуасов Новой Гвинеи, индейцев доколумбовой Америки и всех остальных жителей земного шара. На начальном (первобытном) этапе это еще возможно, да и то по причине отсутствия археологических данных из большинства регионов Земли, кто знает, что еще они скрывают? А вот дальше начинаются серьезные расхождения. Невольно возникает вопрос, возможно ли вообще говорить о единой истории человечества или только о локальных (региональных) «историях»? Марксистская теория формаций была в этом плане крайне удобна, однако ее критика в постсоветский период, так же как и наглядная иллюстрация несостоятельности «коммунистической формации», породили в среде ученых сомнение в возможности создания концепции единого развития человечества, особенно стадийного.

Однако наука требует некой системы, и относительно общепринятая периодизация все-таки существует, пусть и условная, и европоцентричная, и несовершенная. Более того, ее распространяют на все регионы, что позволяет выстроить некую единую картину развития обитаемого мира. В отечественной историографии на сегодняшний день она выглядит следующим образом (в значительной степени совпадая с марксистской, только без целостного материалистического обоснования). Отметим, что по хронологическим рамкам каждого периода существует множество мнений и концепций, так что возьмем наиболее общепринятую в науке [Всемирная история, 2011: 15–62; История Европы, 1988: 5–35; История Востока, 2002: 4–13; The Cambridge World History, 2015: 41–55, 56–83]:

1. Первобытное общество (или «первобытность») — самый длительный период истории, в котором Homo Sapiens, человек современного типа, появляется примерно 40–50 тыс. лет назад;

2. Древний мир, нижняя граница которого относится к возникновению древнейших цивилизаций в Шумере и Древнем Египте (около IV–III тыс. до н.э.), а верхнюю, с большим количеством оговорок, связывают с падением Западной Римской империи в V в.;

3. Средневековье, которое заканчивают рубежом XV–XVI вв. (советская историография доводила его до Английской революции середины XVII в.);

4. Новое время, соответственно, начинается в XVI в. и заканчивается с Первой мировой войной (1914);

5. Новейшее время продолжается по настоящее время, хотя, возможно, что пришло время выделить новый этап;

6. Современный период — столь стремительно меняющийся мир в эпоху тотальной глобализации.

Западная (англоязычная) историография сегодня выделяет следующие периоды:

1. Доисторический.

2. Ранних цивилизаций.

3. Постантичный (post-classical), который применяют именно в отношении ко всему миру, в то время как термин «средневековье» — к Европе; не совсем понятно, в чем здесь «политическая корректность», античность — столь же сугубо европейское явление, что и средневековье, тем более, что начинают и то, и другое все с того же падения Западной римской империи.

4. Раннее новое время.

5. «Долгий XIX век» (термин британского историка-марксиста Э. Хобсбаума);

6. Современная эпоха, которая в некоторых случаях объединяется с XIX в. в один период [Stearns, 2017].

Кембриджская Всемирная история, изданная в 2015 г., постаралась избежать традиционной, политически некорректной и надоевшей своей условностью периодизации и выделила следующие этапы развития человечества:

1. Доисторический период (до 10000 до н.э.);

2. Мир сельского хозяйства (12000 до н.э. — 500 н.э.);

3. «Ранних городов» (4000 до н.э. — 900);

4. «Государств, империй и сообществ» (1–200 до н.э. 900);

5. «Расширения обменов и конфликтов» (500–1500);

6. Период «Создания глобального мира» (1400–1800);

7. «Производства, уничтожения и связей» (1750 — настоящее время) [The Cambridge World History, 2015: 41–55, 56–83].

Увы, ясности это не только не внесло, но и как-то усложнило привычную картину.

Все вышеизложенное наглядно показывает, что какое название ни придумай, а суть не меняется, основные вехи в мировой истории остаются прежними, как и периоды. И при всей их условности имеют под собой определенные основания, а также распространяются на все обитаемые земли. Удивительным образом мир всегда был

взаимосвязан, даже с такими закрытыми долгое время регионами, как, например, Америки; Возможно, существовала связь по морю или через Берингов пролив, или еще какими-то неизвестными нам до сих пор путями. Или просто совпадение, вызванное схожими системами хозяйствования, приводившими к схожим явлениям культуры и традициям. Что же говорить о народах так называемого Старого Света, от Западной Европы и Северной Африки до Дальнего Востока, находившихся в более или менее постоянном взаимодействии друг с другом, образующих единую систему, в которой существенные изменения в одной из ее частей так или иначе сказывались на состоянии других ее сегментов [Всемирная история, 2011: 8]. Не говоря уже о том, что в некоторых случаях развитие цивилизаций и народов, как было сказано, шло схожими путями независимо друг от друга.

Условная периодизация всемирной истории дает возможность и основание составить условную периодизацию всемирной истории еды и традиций питания человечества.

Несколько терминологических замечаний. Русская традиция исторически не слишком много внимания уделяла вопросам приготовления пищи, о чем свидетельствует и язык. Терминов в этой сфере у нас мало, исконно славянским и древним словом является «повар» (как человек) и «поварня» или «поварница» (как место). В древнерусских источниках эти слова встречаются достаточно часто. Согласно «Повести временных лет»¹, юного князя Глеба убивает его повар, «именем Торчин», «зарезал Глеба, как безвинного ягненка» (1015). Работа с ножом была для повара привычной... Обращает на себя внимание и тот факт, что повар-то у древнерусского князя был «иностранец», «торки» — один из кочевых народов, вероятно тюркского происхождения. Повара и поварни упоминаются и при описании монастырской жизни, в той же Повести временных лет, в житиях святых, в уставах о постах. Рассказывая о первых монахах Печерского монастыря, Нестор пишет об Исаакии, который «после заутрени шел в поварню и приготовлял огонь, воду, дрова, и затем приходили прочие повара из братии» (1074). Исторически, как ни парадоксально, монастыри были своего рода кулинарными центрами, пищу здесь готовили регулярно, по определенным очень четким принципам, на большое количество людей, а меню (точнее, расход) чаще всего записывали в книги.

Повара были профессионалами от готовки. Словарь Даля определяет их как тех, «кто готовит пищу, кушанье, особенно ученый»,

---

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по: Повесть временных лет // Повести Древней Руси XI—XII вв. Л., 1983

а «поваренный», как «к поваренному мастерству, уменью относящийся». Он же упоминает русские слова, сегодня вышедшие из обихода — «кашевар», «стряпуха» (всегда в женском роде), «пришпешник» (помощник повара). Словарь Ожегова определяет повара как специалиста по приготовлению пищи.

С XVIII в. в русское высшее общество все активнее проникают идеи и блюда европейской кухни вместе с терминологией, которая прочно входит в русский язык. Первым, еще в XVII в. проникает из немецкого слово «кухня» и его производные — кухмистр, кухарка, нелепый «кухарь» и непроизносимый «кухеншрейбер». Изначально они относятся преимущественно к иностранной жизни и домам, устройство древнерусского дома не предполагало отдельного помещения для приготовления пищи. Домострой² упоминает места для хранения пищи: погреб, ледник, сушилки, житницы, чулан, клети, подклети, амбары, а также особо — пивоварню, — пиво и в деревнях варили в отдельном помещении. Есть в нем и упоминание о «повареных избах» и о «хлебнях» (где выпекали хлеб), но такая роскошь была доступна единицам.

В XVIII в. отдельные помещения для кухни появляются в городских домах Петербурга, но как большая редкость [Очерки русской культуры XVIII века, 1990: 270]. А слово «кухня» получает дополнительное значение — питание, стол, кулинарное искусство: в московском литературном журнале конца XVIII в. «Иппокрена, или утехи любословия», например, утверждается, что «самые лакомые люди, побывавши однажды в Англии, весьма великими делаются охотниками до Аглинской кухни»³.

В XIX в. в русский язык врываются новые термины, на этот раз из Франции. Например, «гастроном» и «гастрономический», изначально относившиеся к изысканной и вкусной пище, в первую очередь французской. Чарский из «Египетских ночей» А.С. Пушкина «прикидывался то страстным охотником до лошадей, то отчаянным игроком, то самым тонким гастрономом; хотя никак не мог различить горской породы от арабской, никогда не помнил козырей и втайне предпочитал печеный картофель всевозможным изобретениям французской кухни».

Чуть позднее в русском языке появилась «кулинария» в значении искусство приготовления пищи. Словарь В.И. Даля в середине XIX в. включил оба понятия в состав «живого великорусского языка»: «гастроном: тонкий едок, сластоежка ...лакомка, лакомый обжора.

---

² Здесь и далее ссылки приводятся по изданию: Домострой. СПб., 1994.

³ Иппокрена, или Утехи любословия на 1799–1801 г. Ч. 1. М., 1799–1801. С. 59.

Гастрономия: поварское искусство,стряпное мастерство»; «кулинарный: кухонный... до пищи и варки ее относящийся».

И «гастроном», и «кулинария» со временем еще и стали магазинами по продаже готовых продуктов.

К сожалению, для научного описания выбор не велик. Все имеющиеся в русском языке термины связаны исключительно с процессом приготовления пищи, в то время как речь идет не только и даже не столько о продуктах и способах их готовки, а о целом комплексе явлений, связанных с едой. Пожалуй, ближе всего понятие «гастрономический» («гастро» от древнегреческого «желудок» и «номос» — «обычай, закон», по аналогии с «астрономия», «агрономия» и т.д.) и «кухня» (во многих языках прижилось французское *cuisine*) в значении «традиция и культура приготовления и потребления пищи того или иного региона или народа» (английская кухня, кухня индейцев и т.д.).

Среди основных критериев, положенных в основу периодизации, назовем следующие: добыча и производство еды, базовые продукты питания, способы приготовления пищи, разделение народов мира по «пищевому» принципу, основанное на вышеозначенных факторах, а также порядок приема и подачи пищи, культурные и общественные традиции ее приготовления и приема пищи, праздничная пища, место традиций питания в историческом контексте и взаимодействии культур, отношение к еде, вкусовые предпочтения народов. Систематизация «гастрономической» истории человечества позволяет вписать ее в общий контекст всемирной истории, показать место и роль еды и традиций питания в истории человечества.

Итак, периоды развития всемирной истории еды⁴.

Первобытный период. 40 000 лет до н.э. — 10 000 лет до н.э.

Многие процессы начались раньше, однако в полной мере оформились именно в период так называемого позднего (верхнего) палеолита — время, когда земли заселил человек, прозванный учеными «разумным». Человечество в этот период добывало себе пищу путем охоты и собирательства, что с легкой руки Ф. Энгельса получило определение «присваивающего хозяйства».

Эту эпоху можно назвать началом гастрономической истории человечества. Среди важнейших событий периода: освоение огня, овладение навыком приготовления пищи, преобразования ее под свои нужды и вкус, появление способов хранения и консервации пищи.

---

⁴ Материалы к периодизации Всемирной истории были проработаны автором в научных исследованиях, проводимых с 2014 г. [Павловская, 2015; 2018а; 2018b; 2020; 2021; 2022].

Именно в древности были заложены многие основы, определившие дальнейшую «гастрономическую», и не только, судьбу человека. К концу каменного века складывается весьма развитая система питания, с определенными принципами приготовления пищи, приспособлениями для этого и вкусовыми предпочтениями. В этот период были заложены и основы социального подведения, связанного с добычей, приготовлением и приемом пищи. Отношения между мужчиной и женщиной, между членами сообщества, представителем своего коллектива (хозяином) и чужаком (гостем) базировались в значительной степени на «пищевой основе». Добыча и разделение пищи стали основой возникновения многих древнейших обычаев, верований, ритуалов и празднований.

Возникновение и становление сельского хозяйства. Появление первых цивилизаций. 10 000 лет до н.э. — 1 000 лет до н.э.

Одомашнивание растений и животных началось примерно в X тыс. до н.э. на Ближнем Востоке и постепенно распространилось по соседним регионам, а в некоторых местах возникло самостоятельно. Человечество научилось создавать свою пищу, причем не просто воспроизводить дары природы, а творить совершенно новые виды под свои вкусы и потребности. Это событие получило название «неолитической революции», подчеркивающее его огромную роль в истории человечества, однако представляется, скорее, «чудом» — настолько необъяснимым и невероятным по размаху и результатам оно было.

Выдающийся американский ученый, историк и социолог, один из основоположников теории эволюционизма в социальных науках Л.Г. Морган считал производство пищи, которую он определял как «основу существования» человека, главным фактором, определившим «вопрос господства человечества на земле. Человек — единственное существо, о котором можно сказать, что он приобрел абсолютную власть над производством пищи, в чем он сначала был не выше других животных. Без расширения основы своего существования человечество не могло бы распространиться по другим областям ... а в конце концов и по всей поверхности земли; наконец, не достигнув абсолютной власти над производством пищи как в отношении ее разнообразия, так и количества, человечество не могло бы разрастись в многочисленные нации» [Морган, 1934: 14]. Ф. Энгельс, чей главный труд «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в значительной степени основывался на материалах трудов Моргана, окрестил этот тип хозяйствования «производящим».

Овладение человека навыками производства пищи в конечном итоге создало условия для появления того, что называют «цивилизацией». Развитие земледелия привело к оседлому образу жизни, строительству укрепленных поселений, а потом и градостроительству, накоплению избытков продуктов, демографическому взлету, разделению труда, появлению социального и гендерного неравенства, возникновению государств, развитию искусств и наук, появлению письменности.

Появляются абсолютно новые продукты питания, например молочные как побочный продукт скотоводства. Переход на зерновую пищу потребовал новых добавок, например соли и продуктов брожения для обогащения пищи. Человек научился сложнейшему процессу обработки зерна — превращать его в крупу и муку, а также выпекать хлеб, в том числе из заквашенного теста. Появились пиво и вино. Начался процесс «пищевой специализации»: народы делали свой «выбор» в пользу продуктов не только исходя из географических условий, но и культурных особенностей и пищевых предпочтений, например между вином и пивом, пресным и кислым хлебом, бараниной и свиной и т.д.

Под влиянием новых видов питания и обработки пищи человек менялся как биологически, так и социально. Еда стала мерилем богатства и общественного положения, усложнились ритуалы и верования, связанные с ее производством и потреблением, еда разделилась на праздничную («пир») и повседневную. Еда разделила общество на богатых и бедных, вызвала гендерное неравенство, стала источником обогащения и причиной войн, систематизировала пантеон древних богов по их отношению к производству пищи. В этот период складывается система пищевых жертвоприношений, причем к животным все активнее добавляются зерновые жертвы. Еда стала двигателем прогресса: появляется керамика, а потом и металлическая посуда, печи различных конструкций для разных целей, усложняются мельницы для размалывания зерна, и это не говоря уже о постоянном усовершенствовании орудий сельскохозяйственного труда. Еда богатых и бедных различается только возможностями и объемом, вкусы у тех и других в этот период одинаковые. Пищевым идеалом в древности было изобилие, т.е. прежде всего количество.

Важнейшим событием данного периода является первое глобальное размежевание человечества по пищевому принципу (и типу хозяйствования, и образу жизни): на охотников и земледельцев-скотоводов.

С этого момента развитие людей пошло двумя путями. Одни продолжали идти традиционным путем, добывая себе пропитание

охотой, собирательством и рыболовством, сохраняя в некоторой степени равенство и гармонию с природой. С течением времени они постепенно вовлекались в сельскохозяйственную деятельность и образ жизни, которые являлись доминантами развития человечества. Те, кто хранили верность охотничьему укладу, постепенно оттеснялись на окраины обитаемого мира, крайний север, недоступные горные районы или непроходимые джунгли, острова, затерянные в океане. В последние несколько сотен лет их образ жизни подвергся глобальным изменениям, поставив образ жизни, а вместе с ним и сами народы, на грань вымирания.

Другая часть людей — и число их неуклонно возрастало — по мере того как все больше племен и народов вовлекались в круг новой деятельности, пошла по пути развития земледелия и скотоводства, по пути цивилизации (по их собственному определению). Этот путь и сопутствующие ему образ жизни и мировоззрение стал главным для человечества, именно ему было суждено покорить практически весь мир.

Завершает рассматриваемый период эпоха, называемая античностью, начало которой относят к первым векам I тыс. до н.э., которую с полным основанием можно вынести в особый период.

Античность. 1000 лет до н.э. — V в.

Период античности не случайно вызывает споры среди ученых, занимающихся периодизацией всемирной истории. Античный период связан с греко-римской культурой, уникальной, удивительной, заложившей основы европейского мира. Возникает вопрос, как связан этот период с изменениями, происходившими в остальном мире, насколько он был единым, можно ли этот период признать общемировым. В вопросах истории еды и традиций питания на него можно ответить утвердительно. Во-первых, ареал непосредственного влияния античной (греко-римской) культуры в период расцвета был чрезвычайно широк и охватывал не только регионы Европы, но и значительную часть северной Африки и Передней Азии. Было и опосредованное — античная цивилизация установила обширные торговые, экономические и политические связи с различными уголками ойкумены вплоть до Китая.

Во-вторых, развитие древних цивилизаций и их взаимодействие с окружающим миром шло схожими путями: в рассматриваемый период создаются процветающие империи, которые со временем начинают содрогаться и разрушаться под ударами варваров-кочевников. Возникает единая цепь империй: Римская империя, Парфянская держава (которую сменит государство Сасанидов), Кушанское царство, империя Хань. Повсеместно увеличивается население,

растет число городов и их благоустройство, устанавливаются связи между различными частями мира. Одновременно с этим совершенствуются навыки ведения сельского хозяйства, производства, хранения, переработки и потребления пищи. На рубеже условных «эров» мир начинают сотрясать катаклизмы, рушатся империи, возникает новый миропорядок. Условной датой падения Римской империи считают V в., хотя серьезный кризис ее начался еще в III в. В III в. разрушается китайская империя Хань. К концу III в. распадается империя Маурьев, крупнейшее государственное объединение древней Индии, а в IV–V вв. — государство Гуптов, олицетворявшее своего рода «золотой век» Индии. Империи рушатся как под влиянием внешних причин, нападений кочевых народов, так и внутренних, вызванных кризисом политической и экономической системы.

Так что можно смело утверждать, что в период, начиная с I тыс. до н.э. и по III–V вв. н.э. по всему миру шли схожие процессы: противостояние «цивилизации» (воплощавшейся в земледельческих культурах) и «варварства» (представленного кочевыми скотоводами), расширение круга земледельческих народов и консолидация кочевых, сокращение числа и вытеснение на окраины обитаемого мира охотничьих племен, появление новых продуктов, способов обработки и приготовления пищи, социальных ритуалов и праздников, связанных с приемом пищи. В гастрономической сфере шли встречные процессы: разделение народов по пищевому признаку и смешение вкусов как результат создания империй, объединявших самые разные культуры под общим началом, причем в этом случае результат был двояким: победители нередко насаждали свою культуру, с одной стороны, и впитывали культуру побежденных народов — с другой.

В античный период произошло второе глобальное размежевание человечества по пищевому признаку (и типу хозяйствования, и образу жизни), теперь уже на три группы: на охотников, земледельцев (оседлых) и скотоводов (кочевых). Скотоводы и земледельцы начали разделяться еще в предшествующий период, уже в древнейших цивилизациях, однако именно к концу I тыс. до н.э. окончательно оформляется уклад кочевого общества, создается стабильная хозяйственная, политическая, социальная и военная система.

Греко-римская культура задала своего рода матрицу культуры питания. Пища в этот период по своему составу, приготовлению, способу употребления прошла практически через все возможные ипостаси — аскетизма, простоты, изобилия, пользы для здоровья, вреда для здоровья, артистизма, изощрения, извращения, достигла как кулинарных вершин, так и вкусовых низов. Практически в дальнейшем, вплоть до недавнего научно-технического переворота,

в гастрономической сфере глобально появилось мало что нового, лишь вариации на ту же, античную, тему. Все богачи и гастрономические «виртуозы» нового и новейшего времени, сколько ни старались, лишь повторяли античные безумства. Все медики, ограничивавшие прием пищи и использовавшие ее в качестве лекарства, лишь следовали путем, проложенным античными врачами, начиная с Гиппократ и Галена.

Античность признала пищу основой цивилизации, создала и опозитивировала пищевую триаду «зерно-вино-олива». Древнегреческие юноши, вступая в возраст зрелости, клялись помнить, что границы Аттики обозначены пшеницей, овсом, виноградной лозой и масличными деревьями, учась считать своею всякую возделанную и плодоносящую землю» [Античная демократия в свидетельствах современников, 1996: 188; Плутарх, 1961: 281]. Таким образом, зерно, виноград и маслина становятся определителями греческого мира; где есть эти растения, там есть и греки, а где есть греки, там есть и эти жизненно важные дары природы. Интересно, что в этой триаде заложены базовые принципы систематизации пищевых систем, в ее состав входят все жизненно важные для человека составляющие: углеводы (зерно; в нем же, особенно в пшенице, любимице античного мира, и белок), жиры (олива), витамины и минералы (вино).

Одной из важнейших особенностей античной эпохи в вопросах приема пищи стало то, что еда приобрела множество различных функций, стала важнейшей частью не только культурной, но и экономической, политической, социальной и религиозной жизни. Еда активно включилась в политическую жизнь людей: ее потребление стали регламентировать законами, например в так называемых законах о роскоши (сумптуарные законы), ее раздачу использовать во время выборов для поддержания авторитета власти и общественного спокойствия, запретами на ее продажу — влиять на дипломатические отношения между регионами и т.д. Поиск благоприятных и производительных полей для выращивания зерновых — стал одним из важных двигателей завоевательной политики и заселения земель. Производство и торговля различными пищевыми продуктами стали основой экономического процветания многих регионов.

Еда стала важнейшим фактором взаимодействия культур. Военные походы обогащали гастрономическую традицию как победителей, так и завоеванных народов. Войны и освоение земель отныне и на многие века стали великими распространителями новых вкусов.

Упрочивается социальное значение приемов пищи, появляются различные ритуалы и застольный этикет. Еда становится показателем статуса людей, происходит разделение на пищу богатых и бедных не по количеству, а по вкусовым предпочтениям. Новые формы

принимает связь еды и религий. Возникает жесткая структура жертвоприношений, конкретные боги требуют конкретных жертв, из этого постепенно формируются традиции праздничной пищи, диктующие, что надо есть в тот или иной праздник. Появляется пищевое обособление как фактор различий между религиями или течениями внутри одной, появляется идея отказа от определенных видов еды, постоянно или временно (посты, аскетизм). Возникает идея греховности пищи, ее определенных видов или количества. Еда становится проблемой, именно не ее отсутствие, а ее избыток, ранее однозначно воспринимавшийся как символ счастья и процветания. Неумеренность в еде и ее чрезмерная изощренность приравниваются к разврату. Идеалом античной культуры становится простота и умеренность. Появляется диетология, система приема пищи как фактор здоровья, нездоровья и лечения.

В античный период родилась и высокая кухня, пища для избранных. До этого разница между столом богатых и бедных состояла только в количестве и частоте потребления пищи. Одна и та же пища была желанна для всех, но часть ее была доступна только избранным. Античность же придумала пищу для высшего сословия, которую не только не могла себе позволить, но и не хотела есть большая часть населения, тяготевавшая к традиционной системе питания. Это закрепилось в системе питания любого «цивилизованного», прежде всего, базирующегося на сельском хозяйстве, общества на много веков.

Античность не просто сделала еду неотъемлемой частью культуры человека, она превратила ее в искусство, причем в самых разных проявлениях: приготовлении, потреблении, подаче, застольном общении. Понятие «гастрономия» — греческое, а «кулинария» — латинское. Античность можно смело назвать матерью гастрономического и кулинарного искусства.

Период складывания пищевых систем мира.

V в. — рубеж XIX–XX вв.

В «гастрономической истории» средневековье и новое время образуют относительно единый этап. Безусловно, символический 1492 г. играет здесь заметную роль как апофеоз эпохи географических открытий и освоения мира: фактор пищевого взаимодействия культур становится одним из определяющих в последующем развитии человечества.

В указанный период пища подавляющего большинства населения становится менее разнообразной. Складывается «базовая пища» (именно пища, а не продукты питания, так как речь идет и о способах приготовления, и распорядке питания, и многих других аспек-

тах) региона, народа, нации. Она часто однообразна, так, например, земледельцы попадают под так называемую власть зерна, и именно зерновые продукты составляют основу их питания. А для кочевников это молочные продукты и мясо. Для охотников часто свойственна монодиета, базовой пищей для них может быть рыба или северные олени, или морские животные. Базовая пища одновременно и потребность, и необходимость, и свободный выбор.

Во период «новой эры» идет интенсивный процесс смешения разных типов хозяйствования и питания. Часть кочевников переходит на полуоседлый образ жизни, включает в свою деятельность земледелие. Многие охотники усваивают методы скотоводства, земледелия. Земледельцы заимствуют у победителей (или соседей), кочевников способы переработки молочных продуктов. Все это составляет основу систем питания, которые оформляются в новое время.

В Средние века и новое время обострилось противостояние голода и изобилия, а также появилось такое явление как массовый голод, следствие перехода к земледелию и к пищевой специализации. Теперь стихийные бедствия и другие катаклизмы приводили к неурожаю, а неурожаем — к массовой гибели тех, кто привык к определенному роду пищи. Не случайно голод в истории в большей степени затрагивал производителей пищи, крестьян и фермеров, умиравших без своего зерна и хлеба, несмотря на наличие пищи вокруг — животных, птиц, трав, корней — всего того, что когда-то составляло пищу первобытных предков. Голод также порой становился следствием политических причин или экономических условий.

В «нашу эру» все большую роль играют мировые религии, еда становится фактором обособления своих от чужих и одновременно единства представителей одной веры.

Однако общие тенденции относительно едины и главным направлением этого периода является складывание и утверждение пищевых систем мира, создание национальных кухонь, если проводить аналогию с возникновением национальных государств в этот же период. Как и в случае с государствами, кухни эти носят название «национальных» весьма условно, в большинстве случаев они многонациональные. Как и государства, пищевые системы образуются на основе комплекса объединяющих факторов: исторического, географического, природного, религиозного, культурного; они вырастают на почве национального самосознания и самоидентификации, связываются, пусть и неписанными законами. В то же время не стоит слишком увлекаться аналогией, государство — вещь более громоздкая и расплывчатая, и менее универсальная, чем кухня.

Новейшее время. Рубеж XIX–XX вв. — настоящее время

Период революционный во многих областях, в том числе и в истории еды и традиций питания.

Во-первых, идет интенсивное развитие научного знания, в том числе в области физиологии. Изучается химический состав пищи, ее энергетическая ценность. Появляется диетология как наука о правильном питании.

Во-вторых, научно-технический прогресс и развитие мировой экономики приводят к невидному доселе масштабу производства пищи, появляется искусственная пища. Достигается видимость изобилия, хотя и далеко не для всех жителей планеты. Одновременно с этим нарушаются многие традиционные принципы производства и потребления пищи, например сезонность, региональность.

В-третьих, идет все нарастающий процесс глобализации и унификации, в том числе и сфере питания. Глобальная пища вытесняет национальную и этническую. Религии у многих народов утрачивают свое значение, а вместе с ними уходят и правила, и запреты. Одновременно с этим как противодействие идут и встречные процессы. Ряд религий устрожает правила (например, в исламе в вопросах употребления алкоголя) как меры консолидации и противостояния глобализации. Во многих странах заметно возрастание интереса к традиционной пище, начинается борьба за ее сохранение, пища провозглашается важным фактором национальной идентичности.

Возможно, эти явления знаменуют начало нового периода в гастрономической истории человечества, однако со всей определенностью говорить об этом еще рано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996.
2. Всемирная история: В 6 т. Т. 1. М., 2011.
3. *Загряжкина Т.Ю.* Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2.
4. История Востока: В 6 т. Т. 1. М., 2002.
5. История Европы: В 8 т. Т. 1. М., 1988.
6. *Молчанова Г.Г.* Традиции гасптики как отражение национальной и религиозной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2.
7. *Морган Л.Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации // Материалы по этнографии. Л., 1934. Т. 1.
8. Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М., 1990.
9. *Павловская А.В.* Искусство еды. Гастрономические традиции античной эпохи. М., 2018 б.

10. Павловская А.В. Кухня первобытного человека. М., 2015.
11. Павловская А.В. М. Мясо в мире победившего земледелия. М., 2021.
12. Павловская А.В. От пищи богов к пище людей. М., 2018а.
13. Павловская А.В. Страсти вокруг мяса или пища кочевников. М., 2020.
14. Павловская А.В. Человек есть то, что он есть. Пищевые системы мира. М., 2022.
15. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. Т. 1. М., 1961.
16. Раевская М.М., Киселева Л.Н. Испанская гастрономическая традиция как элемент социокультурной идентичности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2.
17. Stearns Peter N. Periodization in World History: Challenges and Opportunities. In R. Charles Weller (ed.). 21st-Century Narratives of World History: Global and Multidisciplinary Perspectives. Palgrave, 2017.
18. The Cambridge World History. Cambridge, 2015. V. 1.

Anna V. Pavlovskaya

**PERIODIZATION OF WORLD FOOD HISTORY
(THE PROBLEM STATEMENT)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; annapavl@mail.ru

Abstract: The article is the first to propose a periodization of the world history of food. The chronological framework covers the period from the emergence of “Homo sapiens” to the present day. Periodization is based not only on the changes in the process of production and preparation of food, but also on a whole complex of phenomena related to food: the order of eating and serving food, taste preferences, cultural and social traditions, place in the historical context and interaction of cultures, national characters and issues of self-identification. This kind of systematization of the “gastronomic” history of mankind allows us to fit it into the general context of world history, to show the place and role of food and food traditions in the history of mankind. The article highlights the following periods, which do not always coincide with the general periodization of history. 1. The primitive period. The emergence and establishment of traditions of cooking and eating (40,000 BC — 10,000 BC) 2. The emergence and establishment of agriculture. The emergence of the first civilizations (10,000 BC — 1,000 BC) 3. Antiquity. Division of peoples based on food (1,000 BC — 5th century) 4. The period of formation of the food systems of the world. 5th century — turn of the 19th — 20th centuries. 5. The period of food globalization. Modern times. The turn of the 19th — 20th centuries. — present time.

Key words: world history; food history; periodization; traditions of daily life

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Pavlovskaya A.V. (2024) Periodization of world food history (the problem statement). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 177–193. (In Russ.)

About the author: Anna V. Pavlovskaya — Dr. Habil in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; annapavl@mail.ru.

REFERENCES

1. *Antichnaya demokratiya v svidetel'stvah sovremennikov*. 1996. [Ancient Democracy in the Testimonies of Contemporaries]. Moscow. (In Russ.)
2. *Istoriya Evropy*. 1988. V 8 tomah. [History of Europe. In 8 volumes]. Vol. 1. M., Nauka. (In Russ.)
3. *Istoriya Vostoka*. 2002. V 6 tomah. [Oriental History. In 6 volumes.]. Vol. 1. Nauka (In Russ.)
4. Molchanova G.G. 2013. Tradicii gastiki kak otrazhenie nacional'noj i religioznoj identichnosti. [Traditions of gastika as a reflection of national and religious identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2. (In Russ.)
5. Morgan L.G. 1934. Drevnee obshchestvo ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii // Materialy po etnografii. [Ancient society or the study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization] Vol. 1. (In Russ.)
6. *Oчерки russkoj kul'tury XVIII veka*. 1990. [Sketches of Russian culture of the 18th century]. Vol. 4. MSU. (In Russ.)
7. Pavlovskaya A.V. 2015. Kuhnya pervobytnogo cheloveka. [Kitchen of primitive man]. Moscow, Lomonosov. (In Russ.)
8. Pavlovskaya A.V. 2018a. Ot pishchi bogov k pishche lyudej. [From food of gods to food of people]. Moscow, Lomonosov. (In Russ.)
9. Pavlovskaya A.V. 2018b. Iskusstvo edy. Gastronomicheskie tradicii antichnoj epohi. [The Art of Food. Gastronomic traditions of the ancient epoch]. Moscow, Lomonosov. (In Russ.)
10. Pavlovskaya A.V. 2020. Strasti vokrug myasa ili pishcha kochevnikov. [Passion for meat or food of nomads]. Moscow, Lomonosov. (In Russ.)
11. Pavlovskaya A.V. 2021. Myaso v mire pobedivshego zemledeliya. Meat in the world of victorious agriculture]. Moscow, Lomonosov. (In Russ.)
12. Pavlovskaya A.V. 2022. *Chelovek est' to, chto on est. Pishchevye sistemy mira*. [Man is what he eats. Food systems of the world.] Moscow, Lomonosov. (In Russ.)
13. *Plutarh*. 1961. Sravnitel'nye zhizneopisaniya. V 3-h tomah. [Comparative biographies]. Vol. 1. Nauka. (In Russ.)
14. Raevskaya M.M., Kiseleva L.N. 2015. Ispanskaya gastronomicheskaya tradiciya kak element sociokul'turnoj identichnosti. [Spanish gastronomic tradition as an element of socio-cultural identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2. (In Russ.)
15. Stearns Peter N. (2017). *Periodization in World History: Challenges and Opportunities*. In R. Charles Weller (ed.). *21st-Century Narratives of World History: Global and Multidisciplinary Perspectives*. Palgrave
16. *The Cambridge World History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. V. 1.

17. *Vsemirnaya istoriya*. 2011. V 6 tomah. [World History. In 6 vols.]. Vol. 1. Nauka. (In Russ.)
18. *Zagryazkina T.Yu.* 2015. Kody francuzskoj kuhni v kontekste narrativnyh tekstov. [Codes of French cuisine in the context of narrative texts] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.09.2023;
одобрена после рецензирования 20.10.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 20.09.2023;
approved after reviewing 20.10.2023;
accepted for publication 25.10.2023.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА / ДИСКУРСА

Е.Ю. Воробьева

ЦВЕТОВАЯ НОМИНАЦИЯ КАК КОГНИТИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; velen2007@mail.ru.*

Аннотация: В процессе создания эмотивных цветовых структур цветовая номинация рассматривается как продукт когнитивно-эмоциональной деятельности. Цель статьи — показать на примере номинации цветов товаров повседневного спроса формирование комплексных ментальных эмотивных образований, программирующих потребительское поведение человека. В современном мире изобилия товаров и агрессивной рекламной политики потребитель становится невосприимчивым к воздействию со стороны традиционных маркетинговых приемов. Становятся актуальными новые методы и техники, учитывающие индивидуальные психологические особенности и состояния человека (восприятие, воображение, память, зрение, осязание, обоняние, эмоции), поскольку потребительское поведение представляет взаимодействие когнитивных и эмоциональных процессов, обусловленных внешними и внутренними обстоятельствами. В связи с этим анализ восприятия новой информации происходит параллельно с изучением определяющих наши потребности инстинктов и эмоций, которые транслируются через цветовые ассоциации. В рамках нейролингвистического программирования цветовая номинация рассматривается как инструмент воздействия на покупателя, изучается ее влияние на восприятие информации и принятие решений.

Ключевые слова: цветовая номинация; ментальное пространство; когнитивные модели; эмоциональная информация; программированное поведение; национально-культурный контекст

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-1-14

Для цитирования: Воробьева Е.Ю. Цветовая номинация как когнитивно-эмоциональная деятельность (на примере цветообозначений французского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 27. № 1. С. 194–200.

Воробьева Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; velen2007@mail.ru.

© Воробьева Е.Ю., 2024

В процессе создания цветовых структур происходит слияние нескольких локальных ментальных пространств, отражающих как коллективный, так и личный опыт и передающих эмоциональную информацию. В результате такого взаимодействия концептов возникают комплексные структуры, включающие оформленные определенным образом сложные знания о мире.

В основе формирования новых слов лежат когнитивные и эмоциональные составляющие [Болдырев, 2021; Заботкина, 2019; Куклякова, 2001]. Их появление обусловлено не столько новыми знаниями о мире, сколько уточнением или интерпретацией уже имеющихся знаний. По мнению Н.Н. Болдырева, феномен производности (вторичности) «всегда связан с процессом манипулирования первичными вербализованными структурами, которое приводит к формированию новых концептуальных структур» [Болдырев, 2021: 59]. При этом в создании цветообозначений товаров повседневного спроса первостепенную роль играет эмоциональный фактор, так как в данном случае речь идет не о номинации неназванных оттенков, а о придании выразительности, красочности и передаче положительных эмотивных коннотаций.

Согласно В.И. Заботкиной, «человеческая креативность базируется на соединении ранее не связанных ментальных репрезентаций» [Заботкина, 2019: 69]. Человек генерирует новые репрезентации, используя различные каналы восприятия (тактильные, звуковые, слуховые и др.) и сопровождая их дополнительными эмоциональными связями. Цветовая номинация, демонстрируя подобную ментальную интеграцию, может затрагивать, по мнению А. Моллар-Десфур, «перекрывающиеся перцептивные или эмпирические области», передавая с помощью цветообозначений соответствия между различными ощущениями [Mollard-Desfour, 2004: 10]. Так, некоторые цвета могут «благоухать», «звенеть», создавать тактильные ощущения чего-то неровного или бархатистого, производить видимость объема, ассоциироваться с теплом или холодом. Например, *couleur parquet-mal-entretenu* (цвет неправильно эксплуатируемого паркета) интегрирует тактильные и визуальные ощущения, а также создает негативный эмоциональный контекст, а цветообозначение *bleu vacances* (синий / голубой цвет каникул), ассоциируясь с водой и отдыхом, создает ощущение прохлады и морского бриза [Воробьева, 2022: 113].

Человеческое мышление отличается «пристрастностью», так как мыслительная деятельность напрямую зависит от эмоционального опыта и субъективной картины мира [Леонтьев, 1975], а В.И. Шаховской полагает, что «в человеке все движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, его аксиологическое поведение»

ние, все его вербальные рефлексии...» [Шаховской, 2008: 13]. В контексте потребительского поведения мотивация покупателя, тесно связанная с эмоциональной сферой, проявляется в поиске товаров, дающих ему дополнительные смыслы в соответствии с его эмотивными ожиданиями и личностными ориентирами (удобство, защищенность, уверенность, модность, престиж, независимость и т.д.). Французский социолог Ж. Бодрийяр полагает, что потребитель, спасаясь от стрессов окружающего мира, получает душевное спокойствие и ощущение счастья через образы и знаки [Bodriillard, 1970: 5–17]. Возникает новое направление *маркетинговый дискурс*, представляющий рекламные тексты, слоганы, наименования и вербальные компоненты логотипов с метафорическими наименованиями цветовых оттенков. Таким образом, фирмы-производители пытаются с помощью номинации цветов актуализировать нужные эмотивные ассоциации и подчеркнуть достоинства товара (комфорт, скорость, стиль, оригинальность, эстетика, эффективность и др.). Например, в косметической сфере названия женских духов *Rose sauvage* (розовый дикий) и *Rouge scandale* (красный скандал) создают коннотации «независимость», «бунтарство», «провокация»; цвет пудры *rose pétale* (цвет розовых лепестков) и лака для ногтей *rose avril* (розовый апрель) ассоциируются с нежностью и естественностью, а цветонаименование *rose dilemme* (розовая загадка) обозначает «таинственность»; парфюм для мужчин *Habit rouge* (красная одежда)¹ по ассоциации с конным спортом и красной униформой наездников обозначает «избранность», «успех», «соперничество». В автомобильной промышленности наименования цветов *argent électrique métallique* (серебристый металлик), *acier modern* (современная сталь), *bleu d'orage* (синий цвет бури) создают коннотации «надежность», «агрессивность», «сила»².

Цветовая номинация формируется в соответствии с когнитивными моделями, базирующимися на культурных традициях региона и социальном взаимодействии. Согласно Т.Ю. Загряпкиной, «свою интерпретацию пространства производят и “простые” говорящие, и эта интерпретация может быть образной, связанной с сенсорным восприятием территории» [Загряпкина, 2023: 22]. Так, г. Тулузу называют «розовый город» (*ville rose*) из-за специфического цвета кирпича, а благодаря фиолетово-фиалковому оттенку фресок и мрамора соборов в г. Парма во французском языке появились цветообозначения *ciel de Parme* (фиалковое пармское

¹ *Guerlain*. Catalogue des produits cosmétiques. URL: <http://www.guerlain.com/fr/> (дата обращения: 22.12.2022).

² *Peugeot*. Catalogue des produits. 2016, 2019.

небо), *nuage de Parme* (пармское облако), *fantaisie Parme* (пармская фантазия)³.

В организации речевого взаимодействия индивидуальная и коллективная интерпретации «означает креативность, порождение нового смысла на основе известного (производность), воспроизводство каких-либо идей в новой форме, их развитие, что всегда связано с формированием новых знаний о мире коллективного уровня или переструктурированием ранее полученных знаний» [Болдырев, 2021: 59]. В контексте цветовой категоризации коллективная интерпретация включает коллективные культурно-специфические знания конкретной территории. Например, в косметической продукции для обозначения одного и того же оттенка выбираются разные цветовые референты в зависимости от региона: идентичный оттенок синего цвета получает разные номинации во французских городах Бордо (*bleu océan* – синий океан) и Марсель (*bleu méditerranéen* — средиземноморский синий)⁴, а при обозначении похожего оттенка зеленого цвета в различных странах зафиксировано несовпадение цветовых референтов: *vert mousse* (зеленый мох) во Франции, *vert sapin* (зеленая ель) — в Америке⁵.

Являясь продуктом метафорического переосмысления реального мира, цветоименования сферы потребления содержат экстралингвистические компоненты, которые являются индикатором индивидуально-личностных ценностей и оценок авторов-маркетологов. Согласно Л.И. Богдановой, «метафора, содержащая огромную информацию в “сжатом” виде, является одной из скрытых форм воздействия на бессознательное» [Богданова, 2022: 16]. Переосмысленные знания о действительности преломляются через интерпретирующую деятельность автора и его ментальное пространство, которое отражает богатство коллективного воображения. Вымышленный художественный мир автора, трансформируя реальность, проецируется на ментальные метафорические образы, выступающие в качестве художественного выразительного средства: *zéphir d’ivoire* — зефир слоновой кости, *caravane des sables* — песчаный караван, *sable émouvant* — цвет «волнующегося» песка, *champagne fumée* — винные пары от шампанского⁶.

³ Mollard-Desfour A. Le lexique de la couleur: de la langue à la culture... et aux dictionnaires. URL: <http://cief.elte.hu/sites/default/files/19mollarddesfour89-109.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

⁴ Caumon C. Nommer la couleur, usages et pratiques prospectives en cosmétique. URL: <http://psn.univ-paris3.fr> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵ Ibidem.

⁶ Mollard-Desfour A. Op. cit.

В рамках маркетинговых стратегий при выборе цветообозначения учитываются индивидуальные характеристики потребителей (возраст, семейный статус, профессиональная деятельность и др.). Например, цветообозначения, являющиеся заимствованиями из английского языка (*rose shoking* — шокирующий розовый, *first blush* — первый румянец, *berry* — ягодный, *pink* — розовый, *black* — черный)⁷, предназначаются преимущественно для молодой целевой аудитории и, помимо указания на оттенок, транслируют дополнительные смыслы: «тренд», «молодость», «современность», «дерзость». Напротив, для более взрослых покупателей для передачи оттенков красного цвета создаются цветообозначения *opéra* (опера), *fénix* (феникс), *rouge passion* (красная страсть), *j'adore* (я обожаю)⁸.

Выбор цветообозначения зависит также и от сферы применения (одежда, косметика, интерьер), где происходит дополнительное разделение на типы потребителей. Так, в области косметических товаров для женщин наименования цветовой гаммы варьируются в зависимости от типологических моделей потребителей: для «этнического типа» создается цветообозначение *rouge orient* (красный восточный), *lotus rouge* (красный лотос); для фатальной женщины — *rouge provocation* (красная провокация), *grace sauvage* (дикая грация); а для романтической женщины — *soupçon de rose* (розовое сомнение), *murmure* (шепот).

Таким образом, цветообозначения сферы потребления, участвующие в процессах категоризации действительности, представляют собой комплексные концептуальные образования, в которых взаимодействуют ментальные структуры разного рода, в том числе различные перцептивные каналы и эмпирические знания. Этот процесс сопровождается созданием нового интегрированного ментального пространства. С помощью речевых конструкций, передающих цветовой оттенок, происходит воздействие на уровне нервно-психологических процессов и эмоциональных реакций человека. В результате создаются дополнительные смыслы и коннотации, которые используются маркетологами для влияния на общественное потребительское поведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Л.И. Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 2. С. 9–19.
2. Болдырев Н.Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–67.

⁷ Mollard-Desfour A. Op. cit.

⁸ Ibidem.

3. *Воробыева Е.Ю.* Цветовая семантика в контексте взаимодействия культур (на материале французского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 110–118.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Франкоязычный ареал в контексте времени и пространства // Франкофония. Язык и культура в пространстве и во времени. 2023. С. 17–31.
5. *Кубрякова Е.С.* О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 4–10.
6. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
7. *Шаховской В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
8. *Bodrillard J.* La société de consommation: ses mythes et ses structures / Пер. с фр. Р., 1970.
9. *Mollard-Desfour A.* Mots de couleur: sensations, synesthésies, plaisirs... // Seppia Couleur et design. 2004. № 2. P. 7–13.

Elena Yu. Vorobyeva

**COLOR NOMINATION AS A COGNITIVE
AND EMOTIONAL ACTIVITY
(ON THE EXAMPLE OF COLOR DESIGNATIONS
IN THE FRENCH LANGUAGE)**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; velen2007@mail.ru

Abstract: In the process of creating emotive color structures, color nomination is considered as a product of cognitive-emotional activity. The purpose of the article is to show, using the example of the nomination of colors for consumer goods, the formation of complex mental emotive formations that program human consumer behavior. In today's world of abundance and aggressive advertising, the consumer becomes immune to the influence of traditional marketing techniques. New methods and techniques that consider the individual psychological characteristics and states of a person (perception, imagination, memory, vision, touch, smell, emotions) are becoming relevant, since consumer behavior represents the interaction of cognitive and emotional processes due to external and internal circumstances. In this regard, the analysis of the perception of new information takes place in parallel with the study of the instincts and emotions that determine our needs, which are transmitted through color associations. Within the framework of neurolinguistic programming, color nomination is considered as a tool for influencing the buyer, its influence on the perception of information and decision making is studied.

Key words: color nomination; mental space; cognitive models; emotional information; programmed behavior; national and cultural context

For citation: Vorobyeva E.Yu. (2024) Color Nomination as a Cognitive and Emotional Activity (By the Example of Color Designations in the French Language). *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, vol. 27, no. 1, pp. 194–200. (In Russ.)

About the author: Elena Yu. Vorobyeva — PhD in Philology, Assistant Professor, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; velen2007@mail.ru.

REFERENCES

1. Bogdanova L.I. 2022. Cennosti i ocenki v processe kul'turnoj transmissii [Values and assessments in the process of cultural transmission]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no 2, pp. 9–19. (In Russ).
2. Boldyrev N.N. 2021. Fenomen proizvodnosti v kul'ture i yazyke [The phenomenon of production in culture and language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no 2, pp. 57–67. (In Russ).
3. Vorob'eva E.YU. 2022. Cvetovaya semantika v kontekstve vzaimodejstviya kul'tur (na materiale francuzskogo yazyka) [Color semantics in the context of cultural interaction (based on the French language)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no 3, pp. 110–118. (In Russ).
4. Zagryazkina T.YU. 2023. Frankoyazychnyj areal v kontekste vremeni i prostranstva [Francophone area in the context of time and space]. *Francophonie. Language and culture in space and time*, pp. 17–31. (In Russ).
5. Kubryakova E.S. 2001. O kognitivnoj lingvistike i semantike termina “kognitivnyj” [About cognitive linguistics and the semantics of the term “cognitive”]. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 4–10. (In Russ).
6. Leont'ev A.N. 1975. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat. (In Russ).
7. Shahovskoj V.I. 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emocij*. [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis. (In Russ).
8. Bodrillard J. 1970. *La société de consommation: ses mythes et ses structures*, per. from fr. Paris, Gallimard Education. (In French).
9. Mollard-Desfour A. 2004. Mots de couleur: sensations, synesthésies, plaisirs. *Seppia Couleur et design*. no. 2, pp. 7–13. (In French).

Статья поступила в редакцию 25.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.06.2023;
принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 25.07.2023;
approved after reviewing 15.06.2023;
accepted for publication 25.10.2023.